

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал**

**РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

**Материалы
VII Всероссийской научно-практической конференции
(25 марта 2021 г.)**

Сборник статей

**Краснодар
2021**

УДК 341:341.9
ББК 67.91:67.93
Р17

Ответственный редактор:

*Симатова Е.Л., заведующий кафедрой международного права
СКФ ФГБОУВО «РГУП», кандидат юридических наук, доцент*

Р17 Развитие и применение международного права и международного частного права : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (25 марта 2021 г.). Сборник статей / Отв. ред. Е.Л. Симатова; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2021. – 198 с.

ISBN 978-5-91718-661-0

Настоящее издание содержит научные статьи участников VII Всероссийской научно-практической конференции «Развитие и применение международного права и международного частного права», которая состоялась в СКФ ФГБОУВО «РГУП» 25 марта 2021 года. Работы посвящены теоретическим и практическим аспектам развития и применения международного права, актуальным проблемам международного частного права, а также вопросам международного уголовного права и международного сотрудничества в сфере борьбы преступностью. Сборник включает научные статьи преподавателей высших учебных заведений, научных и практических работников.

Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами развития и применения международного права и международного частного права.

ББК 67.91:67.93
УДК 341:341.9

ISBN 978-5-91718-661-0

© Коллектив авторов, 2021
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Развитие и применение международного права: история, теория и практика

Адриановская Т.Л.

История развития законодательства,
регулирующего труд иностранных граждан в России 7

Бахновский А.В.

Право на справедливое судебное разбирательство:
вопросы эволюция практики
международного правосудия 13

Гаврилов Е.В.

О направлении электронных обращений
в органы публичной власти:
международный и зарубежный опыт 22

Игнатьев А.С.

О соотношении и взаимодействии международного
и национального права в государствах-членах ЕАЭС 30

Нехай Д.А.

Римский вклад в эволюцию международного права 39

Петренко Е.Г.

Миротворческая деятельность ООН
и участие в ней России 43

Рогожина С.Г.

Проблема научной разработки вопросов миграции 50

Чернядьева Н.А.

Вклад Нюрнбергского трибунала в формирование
современного международного права 58

Фан Туан Ань

Международно-правовое регулирование конкуренции 67

Раздел II

Актуальные проблемы международного частного права

Авакян А.М.

Правовое регулирование договора страхования
в России и Германии 70

Бахметьев П.В.

Проблемы применимости умных договоров
в международном гражданском обороте 77

Засемкова О.Ф.

К вопросу о праве, применимом к похищенным
и незаконно вывезенным культурным ценностям 82

Козлов Д.В.

Понятие и признаки предпринимательства
в иностранных правовых порядках 90

Кудрявцева Л.В.

Опасный груз в международном частном праве:
понятийный анализ и особенности перевозки 99

Курочкина Е.М.

Признание и приведение в исполнение в иностранном
государстве отмененного арбитражного решения:
правоприменительная практика государств 103

Мигачева А.Ю.

Право на комфортную городскую среду:
международно-правовой аспект 110

Новикова Т.В.

Принцип наиболее тесной связи
в международном частном праве стран СНГ 116

Симатова Е.Л.

Ретроспектива и современные тенденции унификации
правового регулирования международных
коммерческих договоров в странах Латинской Америки 122

Шаповал О.В.

Договоры купли-продажи, дарения и мены объектов
недвижимости по законодательству Швеции 128

Раздел III
Международное уголовное право
и актуальные вопросы международного сотрудничества
в сфере борьбы с преступностью

Бугаевская Н.В., Егорова Т.И.

Проблемы имплементации международных антикоррупционных стандартов в отношении мер уголовно-правового принуждения имущественного характера в российское уголовное законодательство 134

Гигинейшвили М.Т.

Международные способы противодействия преступлению агрессии 138

Клюев А.А.

Некоторые аспекты регламентации геноцида в международно-правовых актах 144

Князькина А.К.

Финансирование терроризма: международно-правовое запрещение и его соотношение с УК РФ 150

Комарова Л.В.

Регламентация обстоятельств, смягчающих наказание, по зарубежному уголовному законодательству 154

Коновалов А.К.

Отражение международных принципов и норм в уголовно-правовой политике РФ противодействия заражениям инфекционными болезнями 160

Мироненко С.Ю.

Противодействие террористическим преступлениям по законодательству зарубежных государств 165

Полтавец В.В.

Наказание в виде штрафа по международному и российскому уголовному праву: сравнительно-правовой анализ и перспективы оптимизации отечественного законодательства 171

Раджабов С.А.

Теоретические и практические аспекты амнистии
в ходе вооруженных конфликтов
(опыт Афганистана и Таджикистана) 178

Стукалова Т.В., Баранова Е.С.

Актуальные проблемы имплементации статьи 3
Конвенции о защите прав человека и основных свобод
в российское уголовно-процессуальное законодательство 187

Раздел I

Развитие и применение международного права: история, теория и практика

*Адриановская Т.Л.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры земельного,
трудового и экологического права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
г. Краснодар*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ТРУД ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ

Въезжавшему в Россию иностранцу в начале XIX века предоставлялся вид на жительство на три месяца. У него изымался паспорт, который должен был храниться в Губернском Правлении, паспорт иностранцу возвращали при выезде из империи. Переезд иностранца из одной губернии в другую допускался только со специального разрешения правительства. Уже к середине 19 века стало ясно, что существующие правила создают значительные трудности, особенно когда иностранцы переезжают из губернии в губернию, так как их паспорта переправлялись отдельно.

В связи с этим в 1827 г. Положением Комитета Министров устанавливается новый порядок¹, в соответствии с которым вид на жительство выдается сроком на 1 год, а паспорта иностранцев хранятся не в Губернских Правлениях, а в Третьем отделении Собственной Его Императорского величества канцелярии, эта мера позволила, во-первых, ускорить процедуру получения иностранцами права на проживание и передвижение по России, а, во-вторых, обеспечить надлежащий контроль над их деятельностью.

---

¹ Высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 11.10.1827 «О выдаче иностранцам, проживающим в России, паспортов на гербовой бумаге 50-копеечного достоинства» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том второй. 1827 г. СПб., 1830. Ст. 1456.

В соответствии с принятым в 1903 г. Уставом «О паспортах» каждый иностранец, приехавший в Российскую империю с законным паспортом, должен явиться к губернатору и сдать свой паспорт, а взамен получить паспорт (своеобразный вид на жительство) для проживания и переездов по России (ст. 129). Такой паспорт выдавался сроком на один год, и спустя год мог продлеваться при его предъявлении и уплате гербового сбора.

Иностранцы, прибывающие с паспортами, засвидетельствованными российским консульством или миссией за границей, в портовые города, могли проживать там до полугода, не получая специального вида на жительство.

Важно подчеркнуть, что существенным нововведением стал уведомительный, а не разрешительный, как прежде, порядок передвижения иностранцев по России, т.е. иностранец при переезде в другую губернию должен был уведомить Губернатора, но требования о получении разрешения от Правительства уже не существовало. Обо всех вновь прибывших иностранцах губернаторы или градоначальники еженедельно сообщали в Министерство внутренних дел.

На губернаторов возлагалась обязанность наблюдать, чтобы иностранцы пользовались покровительством при осуществлении законной деятельности, но, с другой стороны, чтобы и сами соблюдали законы. В пограничных губерниях губернаторы и местные полицейские должны были также пресекать попытки «подозрительных иностранцев» перейти через границу¹.

Выдворение иностранцев по каким-либо причинам, лишившихся права на проживание в Российской империи, осуществлялось в порядке, установленном Уставом благочиния и безопасности². В соответствии со ст. 365 Устава удаление иностранцев с запретом возвращаться осуществлялось по распоряжению Министра внутренних дел, а на территориях, подчиненных Военному министерству – Военного министра. Иностранцы, приговоренные к иным видам наказания, могли выдворяться только после исполнения соответствующих видов наказаний (ст. 366).

---

¹ Общее учреждение губернское. 1892. Свод законов Российской империи. – СПб., 1893. – Т. 2. Продолжение. 1906 г. Свод законов Российской империи. – Ч. 1. Статьи к томам 1 и 2. – СПб., 1907. – С. 13.

² Устав благочиния и безопасности. Об удалении иностранцев из пределов России. Свод законов Российской империи. – Петроград, 1916. – С. 73–76.

Выдворяемые иностранцы отправлялись этапом до границы и там передавались иностранным властям. Если же иностранец самовольно возвращался в Россию после двукратного выдворения, то он мог быть поселен в специальной местности на территории Империи, и, по истечении пяти лет проживания, мог ходатайствовать о получении российского подданства (ст. 374).

В конце 19 столетия трудовые отношения регулировались нормами гражданского законодательства. Особенности осуществления трудовой деятельности, в том числе и иностранцами, в различных отраслях экономики регулировались отдельными актами, какого-либо кодифицированного источника не существовало.

Основными актами, регулирующими трудовую правовую статус иностранцев, являлись Свод законов «О состояниях», Свод законов гражданских, Устав «О промышленности» и др.

Возможность замещения иностранцами должностей гражданской службы регулировалась Сводом уставов «О службе гражданской»¹. В соответствии со Сводом уставов «О службе гражданской» устанавливался запрет на прием иностранцев на гражданскую службу за исключением некоторых категорий лиц, в первую очередь лиц дворянского сословия.

Устав «О промышленности» устанавливал общие правила регулирования труда заводских и фабричных рабочих. Иностранцы могли наниматься на такие работы на общих основаниях наравне с подданными Российской империи.

Иностранцу необходимо было до трудоустройства пройти описанную выше процедуру регистрации на территории Российской империи. Кроме того, поскольку вид на жительство выдавался иностранцу сроком на один год, то, по-видимому, и договор личного найма должен был заключаться на тот же срок, поскольку по общему правилу не допускалось заключение договора иностранцем на срок более длительный, чем ему разрешено проживание в России.

Уставом «О промышленности» на иностранцев налагалось еще одно ограничение. Так, в соответствии со ст. 278.6 Устава собственниками, директорами и содержателями заводов, изготавливающих взрывчатые вещества, могли быть только русские подданные.

---

¹ Устав «О службе по определению от Правительства Устав о службе гражданской». – СПб., 1896. – Т. 3. – С. 11, 19.

Положением «О домашних наставниках и учителях» регулировался труд иностранцев в качестве домашних преподавателей. Данное Положение закрепляло право иностранцев занимать должности наставников, учителей и учительниц. В соответствии с пунктом 17 ст. 7240 иностранцы при приеме на работу должны представить документы о христианском вероисповедании, а также «одобрительное свидетельство» (по современной терминологии рекомендацию) от российской миссии в государстве своего подданства, также желательно наличие рекомендации от иностранцев, которые давно живут в России.

Иностранец должен был сдать экзамен по предмету, который он собирается преподавать. Если иностранец начнет преподавать, не сдав экзамена, то и он, и нанявшая его семья подлежат штрафу.

Землевладельцы имели право вступать в предварительное соглашение с иностранцами (еще находящимися за границей) без посредничества Правительства, однако, иностранец должен был предварительно получить удостоверение российской миссии за рубежом, что препятствий для его въезда в Россию нет. Кроме того, интересно подчеркнуть, что в договорах между иностранцами и землевладельцами должны были указываться не только трудовые права и обязанности; размер вознаграждения и т.д., но также обязательным для включения в договор являлось указание о том, за чей счет будет осуществляться переселение.

Начиная со второй половины XIX в. для работы в России активно привлекались наемные иностранные рабочие. Например, промышленники, ссылаясь на нехватку рабочих, ввели использование дешевой рабочей силы китайских наемных рабочих. Реклама агентов привлекала бедных китайцев в Россию на поработающих условиях¹. После революции 1917 года был наложен запрет на ввоз китайских контрактных рабочих в Россию.

Период советской власти оказал весьма неоднозначное влияние на труд мигрантов в России. Гражданская война вызвала массовый отток эмигрантов за границу, что привело к массовому формированию общин выходцев из России. Такие сообщества

---

¹ Об этом свидетельствуют публикации того времени. Так, вырезка из газеты, изданной в июне 1917 г., достаточно наглядно свидетельствует о том, откуда в Российской империи взялось большое количество китайцев и почему они поддерживали большевиков. – URL : <https://colonelcassad.livejournal.com/4071887.html> (дата обращения 01.02.2021).

сложились во многих странах: Турции, Германии, Франции, Польше, Китае, Финляндии, Болгарии, Англии, Швейцарии, Греции, Югославии и др. После Первой мировой войны миллионы российских военнопленных оказались за пределами страны. На территории нашей страны в свою очередь, находились тысячи пленных из иностранных государств (Германии, Австро-Венгрии, Румынии).

После Гражданской войны повсеместно проводились акции по выселению из страны «классовых чуждых элементов», среди которых был высокий процент высокопрофессиональных специалистов (профессора университетов, доктора, писатели, политические и религиозные лидеры). В этот же период начала действовать специальная комиссия Совета Труда и Оборона, которая предоставляла разрешения на въезд в СССР крестьянам, рабочим, а также индивидуально другим реэмигрантам¹.

Ядром правового статуса советского гражданина как трудящегося в КЗоТах 1918, 1922 и 1971 гг. признавались право на труд, и всеобщая обязанность трудиться².

Согласно этому принципу, осуществлялось правовое регулирование труда не только для граждан СССР, но и для иностранных граждан.

В КЗоТах не было специальных норм, регулирующих трудовую деятельность иностранных граждан, а также не было системного законодательства по этому вопросу.

Такая ситуация объясняется практически полным отсутствием трудовой миграции в СССР, а также ликвидацией безработицы.

Так, Декрет СНК РСФСР 1921 г. О порядке высылки иностранцев из пределов РСФСР³ устанавливал новый порядок выдворения иностранных граждан. В соответствии со ст. 451 иностранные граждане, образ жизни, деятельность и поведение которых несовместимы с принципами и укладом Рабоче-крестьянского государст-

---

¹ Андриченко Л.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография / Л.В. Андриченко, И.В. Плюгина // СПС «КонсультантПлюс». – М. : ИЗИСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2019. – 392 с.

² Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (из истории права 20 века) ИНИОН РАН. – М. : 2003. Юридический центр пресс». – 2006. – С. 7.

³ Декрет СНК РСФСР от 29.08.1921 «О порядке высылки иностранцев из пределов Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1921. № 62. Ст. 451 – утратил силу.

ва, могут быть высланы по постановлению ВЧК или по приговору суда, данный Декрет устанавливал порядок перерегистрации иностранцев на территории РСФСР. Так, иностранцы, которым разрешено проживание в РСФСР на определенный срок, должны обратиться в компетентные органы за разрешением на продление срока проживания не позднее, чем за 3 месяца до окончания срока их проживания.

В период НЭПа было закреплено право иностранцев на пользование землей в трудовых целях. Они фактически приравнивались в правах с гражданами России.

Права иностранцев были закреплены только в Конституции СССР 1977 г.¹ и, принятой на ее основе, Конституции РСФСР 1978 г. в самом общем виде².

Тогда согласно ст. 35 Конституции РСФСР иностранным гражданам и лицам без гражданства были гарантированы права и свободы, предусмотренные законом, включая право на обращение в суды и другие государственные органы для защиты своих личных, имущественных, семейных и иных прав. Ранее действовавшие конституции закрепляли только право иностранцев на предоставление убежища.

Начиная с 80-х годов усилились процессы по либерализации и по демократизации, и проблемы трудовой миграции стали изучаться учеными. С целью регулирования правового положения иностранных граждан в СССР в 1981 г. был принят соответствующий закон³, который закреплял понятие «иностранного гражданина». Иностранным гражданином считалось лицо, не являющееся гражданином СССР и имеющее доказательство своей принадлежности к гражданству иностранного государства (ст. 1). Также Закон устанавливал, что иностранные граждане пользуются правами и свободами и несут обязанности наравне с гражданами СССР, если иное не установлено советским законодательством

---

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Свод законов СССР. – 1990. – Т. 3. – С. 14. – утратила силу.

² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407 – утратила силу.

³ Закон СССР от 24.06.1981 № 5152-X «О правовом положении иностранных граждан в СССР» (ред. от 15.08.1996, с изм. от 17.02.1998) // Ведомости ВС СССР. 1981. № 26. Ст. 836 – утратил силу.

(ст. 3). Иностранные граждане подразделялись на постоянно проживающих (имеющих разрешение на постоянное проживание и вид на жительство) и временно пребывающих в СССР (ст. 5). Ст. 7 закрепляла право постоянно проживающих иностранных граждан осуществлять в СССР трудовую деятельность на общих основаниях с гражданами СССР, временно пребывающие иностранные граждане могли заниматься трудовой деятельностью, если это согласуется с целями их пребывания в СССР. Иностранцы, однако, не могли заниматься отдельными видами деятельности (назначаться на определенные должности), если для этого требуется наличие гражданства СССР.

Выводы: в СССР практически отсутствовали специальные правовые нормы, регулирующие труд иностранных граждан. К концу 80-х гг. 20 века появляется осознание необходимости комплексного правового регулирования трудовой миграции.

*Бахновский А.В.,
канд. юрид. наук,
старший научный сотрудник,
доцент кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО: ВОПРОСЫ ЭВОЛЮЦИЯ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОСУДИЯ

События Второй Мировой Войны оказали революционное воздействие на развитие международного права, призвав государства-союзники по антигитлеровской коалиции частично пересмотреть свои амбиции в пользу единого компромисса – учреждения Международного трибунала для привлечения к ответственности высших должностных лиц государства-агрессора. Даже принимая

во внимание тот факт, что изначально СССР был единственной державой, призывавшей к публичному судебному разбирательству по завершении конфликта, усилиями руководящего аппарата и дипломатического корпуса стало возможным организовать полноценное судебное разбирательство наднационального уровня. Однако этому предшествовал ряд исторических документов и джентльменских соглашений.

Так в 1943 году в рамках Московской Декларации¹ был поставлен вопрос об определении материально-правовых оснований для привлечения к ответственности главных военных преступников; а равно о порядке передачи преступников более низкого ранга национальным судам государств, в которых и были совершены преступления². Для совершивших деяния на территории СССР вопрос о виновности разрешался с учётом положений п. 1 «а», «б» части 1 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1943 г. (предусмотренное наказание – смертная казнь).

Затрагивая судебную процедуру современного этапа, следует отметить, что Европейский суд по правам человека также высоко оценивает роль Московской декларации, признавая её «...одной из наиболее значительных деклараций Второй мировой войны по вопросу преследования военных преступников. Она подтвердила законность наказания национальными судами военных преступников и намерение осуществлять такое преследование после войны» (§ 108)³.

Конкретизируя закрепленные Уставом Трибунала процессуальные гарантии, следует обратить внимание на то, что у подсудимых существовало право на защитника (ст. 16), право заблаговременно получить материалы обвинения на доступном языке, но без возможности заявить отвод судье или обвинителю (ст. 3); подсудимые и их защитники могли представлять доказательства, давать

---

¹ Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности (принята в г. Москве 30.10.1943) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XI. – М., 1955. – С. 48–49.

² The Charter and Judgment of the Nürnberg Tribunal – History and Analysis, United Nations Publ: cations. Sales No., 1949. – Vol. 7. – P. 87–88.

³ Постановление ЕСПЧ от 17.05.2010 «Дело Кононов (Копонов) против Латвии» (жалоба № 36376/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 8.

показания, но суд был вправе ограничить любое представление доказательства и любое выступление по своему усмотрению (ст. 19).

Масштабность предстоящего судебного разбирательства вносила определенные коррективы в его предельную длительность по отдельным вопросам: трибунал должен был строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением (ст. 18); основой для вынесения приговора были мотивы (а не факты), право на пересмотр в классическом варианте отсутствовало (ст. 26). При этом Контрольный Совет мог смягчить или изменить приговор в пользу осужденного¹.

Признание важности Трибунала и сделанных им выводов неоднократно отмечалось на уровне ООН: 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала»²; в Резолюции от 21 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея поручила Комиссии международного права сформулировать принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его решении, и составить проект кодекса законов о преступлениях против мира и безопасности человечества, задействовав обозначенные Трибуналом принципы³.

В 1950 г. Комиссией международного права был принят документ «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала»⁴, в котором на международном уровне было закреплено семь принципов, сформулированных в результате обобщения деятельности Нюрнбергского трибунала⁵, включая принцип V: «Каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом

---

¹ Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М. : РКонсульт, 2002. – С. 321.

² Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии 23 октября – 15 декабря 1946 г. – Лейк Соксес, Нью-Йорк, 1947. – С. 139–140.

³ Проект декларации о правах и обязанностях государств. – URL : [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/177\(II\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/177(II)) (дата обращения 01. 02.2021).

⁴ Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала (приняты в 1950 г. на второй сессии Комиссии международного права ООН) Международное публичное право. Сборник документов. – М. : БЕК, 1996. – Т. 2. – С. 101–102.

⁵ URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml

преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права»¹.

Результаты работы Нюрнбергского военного трибунала и в настоящее время являются предметом широких дискуссий: поднимаются вопросы легитимности процедуры его учреждения (часто он назван «судом победителей»²), рассматривается баланс прав подсудимых и «карательных» полномочий суда (в том числе, быстроты рассмотрения), изучается сама концепция трибунала («решить вопрос о виновности» или «наказать высших должностных лиц»). При этом упускается из вида основной аспект: сам факт существования трибунала и обеспечение реализации права подсудимых на судебное разбирательство, в котором разрешался вопрос о виновности – существенный прорыв в развитии институтов мирного урегулирования международных конфликтов.

В.И. Гладких и В.А. Прошин отмечают, что «решения Трибунала стали основой для последующих национальных законодательных актов во многих странах Европы и Америки и норм международного права в области защиты прав человека и гуманитарных ценностей»³. Суммируя общий эффект от деятельности Международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио, А.Г. Волеводз и В.А. Волеводз называют их «первым положительным опытом деятельности органов международной уголовной юстиции»⁴, уставные документы и приговоры которых «положили начало формированию системы основополагающих принципов международного уголовного права, являющихся ныне общепризнанными»⁵. Важнейшая роль принципов, закрепленных

---

¹ Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения 02.02.2021).

² Елков И. Тайны Нюрнберга / И. Елков // Российская газета. 2008. 26 июня. – URL : <https://rg.ru/2008/06/26/nutnberg.html> (дата обращения 10.06.2020).

³ Гладких В.И. Нюрнбергский процесс как фактор неотвратимости наказания нацистских преступников / В.И. Гладких, В.А. Прошин // Российский следователь. – 2015. – № 10. – С. 19–23.

⁴ Волеводз А.Г. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции / А.Г. Волеводз, В.А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 2. – URL : <http://www.mgimo.ru/files/113806/113806.pdf>

⁵ См.: Там же.

Нюрнбергским трибуналом, находит поддержку у И.А. Ромайкина и Л.Ю. Фоминой¹.

Соглашаясь с такой высокой оценкой, Е.Н. Трикоз соотносит результаты Нюрнбергского процесса с развитием международного уголовного права, что привело к формированию постоянно действующего² (в отличие от всех «предшественников») Международного уголовного суда (МУС), действующего на основании Римского статута 1998 года. При этом, как отмечает автор, проблема временных затрат на масштабное судебное разбирательство не утратила своей актуальности³.

Полноценный вариант современного понятия «справедливое судебное разбирательство» впервые нашел закрепление во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.⁴: каждый человек для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10). В дальнейшем право стало частью положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод на уровне Совета Европы, распространив своё действие на государств-членов организации с постепенной модернизацией национального законодательства и правоприменительной практики.

Согласно позиции Ю.В. Малышевой, среди обязательных составляющих права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, следует назвать:

- 1) справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок на основе принципа гласности;
- 2) независимость и беспристрастность суда, созданного на основании закона;

---

¹ Ромайкин И.А. Нюрнбергский трибунал и его значение для развития международного права / И.А. Ромайкин, Л.Ю. Фомина // Международное публичное и частное право. – 2017. – № 6. – С. 22–25.

² Трикоз Е.Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы / Е.Н. Трикоз // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 134–147.

³ Трикоз Е.Н. 60-летняя годовщина завершения Нюрнбергского судебного процесса // Журнал российского права. – 2007. – № 1.

⁴ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.

3) презумпция невиновности обвиняемого в совершении преступления;

4) соблюдение прав обвиняемого лица¹.

Следует согласиться с мнением автора относительно того, что указанное право распространяется на «все процессуальные действия и на все процессуальные решения субъектов уголовного процесса»². Авторитетные исследователи однозначно определяют, что самостоятельные правовые гарантии (например, презумпция невиновности) представляют собой лишь отдельные грани права на справедливое судебное разбирательство³, включая право на доступ к правосудию, сформулированное в практике ЕСПЧ⁴.

Для постсоветского пространства вопросы международного судебного разбирательства через трибуналы *ad hoc* приобрели новый оттенок и стали новым элементом геополитической стратегии. В 1993 году через Резолюцию Совета Безопасности ООН № 827⁵ был учрежден Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ). Объективность МТБЮ не находит поддержки в позиции А.С. Гришина⁶, указывающего на «уклон» в привлечении к ответственности именно сербов. Так в деле бывшего президента Югославии Слободана Милошевича подсудимый отказался от защитника и отказался знакомиться с материалами обвинения, что не позволяло трибуналу перейти к рассмотрению дела (как результат непродуманности процессуальной составляющей). Тогда международный судебный орган без согласия подсудимого назначил ему адвоката, чем нарушил требования п. d ч. 4 ст. 21 Устава

---

¹ Малышева Ю.В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда по правам человека / Ю.В. Малышева // Российский судья. – 2016. – № 8. – С. 55–60.

² Там же.

³ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. – М., 2002. – С. 84.

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» от 21 февраля 1975 г. (жалоба № 4451/70), п. 35 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. – М. : Норма, 2000. – Т. 1. – С. 45.

⁵ Резолюция Совета Безопасности ООН № 827 от 25.05.1993 года. – URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/30/IMG/N9330630.pdf?OpenElement> (дата обращения 15.06.2020).

⁶ Гришин А.С. 20 лет Международному Трибуналу по бывшей Югославии: итоги деятельности и перспективы международного правосудия / А.С. Гришин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1(1). – С. 359–365.

Трибунала¹, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.², ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³ Адвокат ознакомился с материалами дела, подсудимый (С. Милошевич) от него отказался, и материал был передан для рассмотрения в Трибунале – фактически собственный процессуальный недостаток судебной процедуры был ликвидирован через нарушение прав подсудимого.

С учётом того, что привлекаемые к ответственности лица изначально отказывались давать показания против иных фигурантов в обмен на снижение объема предъявляемых обвинений или рекомендацию о снижении грозящего наказания – сторона обвинения оказалась в сложной ситуации. Постепенно был призван к жизни правовой институт американской судебной практики «сделка с правосудием» (можно рассмотреть частный пример на деле Радомира Марковича, давшего показания против бывшего президента С. Милошевича⁴), что обеспечило и доказательственную базу, и существенную экономию времени и ресурсов⁵.

Однако не стоит заранее делать вывод о том, что трибунал был готов на уступки и гарантии любым подсудимым любой ценой: неоднократно поднимался вопрос о том, что выгоды экономического и временного характера не могут быть основанием для умаления прав привлекаемых к ответственности лиц⁶ (§ 67). Зарубежная доктрина также высказывала рекомендации об использовании таких «манёвров» в качестве исключения и только в

---

¹ Устав Международного трибунала по Югославии (Принят 25.05.1993 Резолюцией 827) // Действующее международное право. – М. : Московский независимый институт международного права, 1996. – Т. 1. – С. 748–759.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXII. – М., 1978. – С. 44–58.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 18 мая 1998 г. № 20. Ст. 2143.

⁴ Мезяев А.Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые проблемы / А.Б. Мезяев // Российский ежегодник международного права – 2004. – СПб., 2005. – С. 91–112.

⁵ Case Prosecutor v. Plavšić, (Case IT-00-39 & 40/1) (Feb 27, 2003) Sentencing Judgement. – URL : <http://www.icty.org/x/cases/plavsic/tjug/en/pla-tj030227e.pdf> (date of application 10.04.2016).

⁶ Case Prosecutor v. Momir Nikolic (Case No. IT-02-60/1-S). Sentencing Judgement (2 December 2003). – URL : <http://www.icty.org/x/cases/nikolic/tjug/en/mnik-sj031202-e.pdf> (date of application 10.04.2020).

отношении высших должностных лиц (когда без признательных показаний подчиненных и реальных исполнителей доказать роль организатора было бы невозможно)¹.

Учреждение в 1994 году Международного уголовного трибунала по Руанде в 1994 году² со ссылкой на доклад Генерального секретаря СБ ООН³ не привнесло в применяемые судебные процедуры ощутимых новшеств: согласно положениям Устава (ст. 14) Трибунал мог заимствовать Правила процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) с возможностью внесения таких «...изменений, которые они сочтут необходимыми»⁴.

Изучение оригиналов судебных документов Трибунала по Руанде позволяет выделить несколько интересных дел, в которых вопрос о справедливости судебного разбирательства не предполагает однозначного ответа. Так по делу Омара Серушаго Трибунал отметил добровольность подсудимого в явке с повинной до выдвижения ему официальных обвинений (геноцид, убийство, пытки и истребление как преступления против человечества, изнасилования), помощь следствию в части дачи показаний против высоких должностных лиц, раскаяние и оказание помощи жертвам преступлений. Сторона обвинения в этом деле впервые рекомендовала не пожизненное тюремное заключение⁵, и Трибунал назначил наказание в виде 15 лет тюремного заключения.

В деле бывшего премьер-министра Жан-Поль Кэмбэнде⁶, полностью признавшего вину и сотрудничавшего со следствием (и

---

¹ Rauxloh Regina E. Plea bargaining in international criminal justice can the international criminal court afford to avoid trials? / Regina E. Rauxloh // The journal of criminal justice research (jcjr). 2011. Vol. 1. № 2. P. 1–25.

² Резолюция Совета Безопасности ООН № 955 от 08.11.1994 года. – URL : <http://www.un.org> (дата обращения 10.10.2020).

³ Доклад Генерального Секретаря ООН от 26.07.1994 года (S/1994/879). – URL : <http://www.un.org> (дата обращения 02.11.2020).

⁴ Устав Международного трибунала по Руанде (Принят 08.11.1994 Резолюцией 955 (1994) на 3453-ем заседании Совета Безопасности ООН) // Действующее международное право. – М. : Московский независимый институт международного права, 1996. – Т. 1. – С. 759–772.

⁵ Case Prosecutor v. Serushago (Case № ICTR-98-39-S), Sentence. – URL : http://hrli-brary.umn.edu/instate/ICTR/SERUSHAGO_ICTR-98-39/SERUSHAGO_ICTR-98-39-S.htm (date of application 05.11.2020).

⁶ Case Prosecutor v. Kambanda (Case No. ICTR-97-23-A), Judgment. – URL : <http://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/pdf/KAMBANDA%20-%20AP-PEAL%20JUDGEMENT.pdf> (date of application 05.11.2020).

рассчитывавшего на наказание сроком до двух лет) – Трибунал указанные факты не учёл и назначил пожизненный срок. По факту оглашения приговора (ставшего неожиданным, по некоторым данным, и для обвинителя) – подсудимый заявил о оказании на него давления, вынужденном сотрудничестве со следствием, введении его в заблуждение относительно признания вины. Указанные доводы, оглашенные в апелляционном разбирательстве, поддержки у суда не нашли (§ 52)¹.

Таким образом, Международный Трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде весьма прагматично расставляют приоритеты между длительным, но объективным судебным разбирательством и соразмерным наказанием за преступные деяния. Применение в исследованных современных Трибуналах упрощенной процедуры судебного разбирательства, когда часть реально совершенных деяний «скрывается в тени истории» не способно, по мнению автора, реализовать принцип справедливого судебного разбирательства для всех участников. Попытки обоснования жизнеспособности подобного «торга» в западной правовой традиции, как правило, объясняются через экономию средств налогоплательщиков, воспринимаемой как один из ключевых показателей эффективности работы судебной системы.

Вопрос о том, возможно ли согласиться на такой шаг в обмен на привлечение к ответственности более значимых, по мнению обвинения, фигурантов – навсегда останется без конкретного ответа, особенно для жертв тех преступлений, о которых стороны процесса согласились не вспоминать. С момента развития человечества до уровня изобретения письменности история ныне живущих поколений будет изучаться потомками исключительно на основании сохранившихся документов (в приоритете – официальных) ... а значит, «забытых» преступлений никогда не было.

Проведенное исследование подтверждает тезис о многогранности права на справедливое судебное разбирательство: изученные практические аспекты деятельности международных судебных органов позволяют судить о том, что для каждого историко-правового периода надлежащая реализация рассматриваемого

---

¹ Case Prosecutor v. Kambanda (Case No. ICTR-97-23-S), Judgement and Sentence. – URL : http://hrlibrary.umn.edu/instreet/ICTR/KAMBANDA_ICTR-97-23/KAMBANDA_ICTR-97-23-S.html (date of application 02.11.2020).

права может достаточно отличаться. Так, при организации Нюрнбергского военного трибунала – лишь факт организации Трибунала уже можно было признать «справедливостью» (с учётом риска смертной казни без разбирательства); современный же этап позволяет исследователям ставить под сомнение объективность судебной процедуры ввиду нарушения любой из составляющих изучаемого права, в том числе, по причине проявления политической заинтересованности в исходе дела (даже предполагаемой).

*Гаврилов Е.В.,
консультант юридического отдела
экспертно-правового управления
Законодательного Собрания
Красноярского края
г. Красноярск*

О НАПРАВЛЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЩЕНИЙ В ОРГАНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В соответствии со статьей 33 Конституции РФ, частью 3 статьи 7 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ), пунктом 8 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, граждане имеют право направить индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (далее – органы публичной власти) в электронной форме (далее также – электронные обращения, обращения в форме электронного документа).

К сожалению, как показало проведенное нами исследование, в российской правовой системе имеются проблемы, связанные с реализацией указанного права, в частности: установление идентификации заявителя; использование электронной подписи; технические особенности отправки электронных обращений (например,

ограничение количества допустимых знаков в электронной форме заполнения обращения на сайте органа публичной власти); доступ населения к электронным устройствам, с помощью которых можно отправлять обращения в форме электронного документа; уровень компьютерной грамотности населения; особенности регистрации электронных обращений¹.

Особая же проблема, нашедшая свое отражение в российской судебной практике (см., например, апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21.02.2018 № 78-АПГ17-26), связана с ограничением реализации права граждан на обращение в электронной форме, которое не может быть расценено как необходимое в демократическом обществе и правовом государстве. Речь идет о возможности установления нормативным правовым актом субъекта РФ конкретного способа обращения в форме электронного документа, вводя тем самым запрет на использование иных форм направления электронных обращений².

Рассмотрим международный и зарубежный опыт направления электронных обращений в органы публичной власти.

Для начала заметим, что Совет Европы, в который в настоящее время входит Российская Федерация, рекомендует государствам-участникам «поощрять использование информационно-коммуникационных технологий (включая онлайн-форумы, блоги, политические чаты, обмен мгновенными сообщениями и другие формы общения) гражданами, неправительственными организациями и политическими партиями для участия в демократических дискуссиях, электронной активности и электронных кампаниях, раскрывать свои проблемы, идеи и инициативы, способствовать диалогу и обсуждению с представителями и правительством, а также для контроля в отношении должностных лиц и политиков

---

¹ См., например: Бывальцева С.Г. Защита органами прокуратуры права граждан на обращение в форме электронного документа // Законность. – 2019. – № 12. – С. 25–30.

² Об этом подробнее см., например: Гаврилов Е.В. Право граждан на обращение в публичные органы в форме электронного документа как конституционная ценность: имеются ли ограничения в России? / Е.В. Гаврилов // Конституційні цінності: правова природа та практика реалізації: збірник тез Міжнародної науково-практичної конференції «Конституційні цінності: правова природа та практика реалізації» (м. Хмельницький, 17 травня 2019 року). (у 2-х част.). Частина 1. Хмельницький: Хмельницький університет управління та права імені Леоніда Юзькова. – 2019. – С. 119–123.

по вопросам, представляющих общественный интерес»¹. Кроме того, Совет Европы отмечает, что «Интернет является общественно важным ресурсом. Люди, сообщества, органы государственной власти и частные компании ведут свою деятельность через Интернет и законно ожидают, что его услуги будут доступны, будут предоставляться без какой-либо дискриминации «...» Пользователи должны получать поддержку, чтобы понимать и активно пользоваться своими правами и свободами онлайн, в случае если их права и свободы ограничиваются или нарушаются. Эта поддержка должна включать рекомендации о доступе к эффективным средствам правовой защиты. С учетом того потенциала, который предоставляет Интернет для обеспечения прозрачности и подотчетности управления государственными делами, пользователи должны иметь возможность использовать его для участия в демократической жизни»².

Таким образом, Совет Европы ориентирует на расширение способов обращений в органы публичной власти, без установления какой-либо дискриминации (необоснованного ограничения).

Небезынтересен зарубежный опыт правовой регламентации права гражданина на обращение в органы публичной власти в форме электронного документа.

Так, считается, что одним из первых государств, в которых была создана единая полноценная система подачи обращений с применением информационно-коммуникационных технологий, является Соединенное Королевство, в котором в 1999 году парламент Шотландии на уровне статутного права закрепил применение указанной системы³. В шотландской системе подача обращений в органы публичной власти предусматривает публикацию в сети

---

¹ Рекомендация CM/Rec(2007)16 Комитета министров государствам-членам о мерах по поощрению ценности общественного обслуживания Интернета (принята Комитетом Министров 07.11.2007 на 1010-м заседании заместителей министров). – URL : https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805d4a39 (дата обращения 11.02.2021).

² Рекомендация CM/Rec (2014) 6 Комитета министров государствам-членам относительно Руководства по правам человека для пользователей Интернета (принята Комитетом министров 16.04.2014 на 1197-м заседании заместителей министров). – URL : <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016804ccfa2> (дата обращения 11.02.2021).

³ Приводится по: Фомина М.Г. Право на обращение в органы публичной власти в зарубежных странах: история становления и развития / М.Г. Фомина, Н.Г. Мальцев // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 124.

«Интернет» информации о всем процессе подачи обращений, о пройденных стадиях и стадиях, которые предстоит пройти до принятия окончательного решения по результатам рассмотрения обращения, а также о важных датах. Обращения, поданные по электронной почте или обычной почте, публикуются в сети «Интернет», и можно наблюдать и контролировать их рассмотрение на сайте парламента Шотландии в сети «Интернет»¹.

В Германии в соответствии с разделом 36a § 2 первой книги (I) Социального кодекса ФРГ (SGB), разделом 3a Закона об административной процедуре (VwVfG), разделом 1 (1) Закона о государственной административной процедуре (LVwVfG RLP), если иное не предусмотрено законом, письменная форма обращений в органы публичной власти может быть заменена электронной формой. Для электронной формы достаточно электронного документа с квалифицированной электронной подписью. Письменная форма также может быть заменена:

1) путем подачи обращения непосредственно в электронной форме, предоставленной органом публичной власти в устройстве ввода, или через общедоступные сети;

2) отправив электронный документ в орган публичной власти с методом доставки в соответствии с Законом о почтовой пересылке;

3) путем отправки сообщения электронной почты в соответствии с Законом об электронной почте, при подтверждении поставщиком услуг принадлежности адреса электронной почты отправителю;

4) с помощью *других безопасных процедур*, которые предусмотрены постановлением Федерального Правительства с согласия Федерального совета, которые аутентифицируют отправителя данных и гарантируют целостность записи данных в электронном виде и их доступность².

Таким образом, в Германии предусмотрено многообразие способов электронных обращений (открытый перечень), при этом главное – обеспечение идентификации личности отправителя.

---

¹ Приводится по: Обращения граждан – важный фактор развития диалога с народом : метод. пособие. – Ташкент : «Fan va texnologiya», 2018. – С. 32.

² Bruggmann T. Lexikon für das IT-Recht 2019. Die 150 wichtigsten Praxisthemen. Verlagsgruppe Hüthig Jehle Rehm. – 2018. – P. 164.

В статье 2 Модельного закона об обращениях граждан и юридических лиц (принят в городе Санкт-Петербурге 27 ноября 2015 года Постановлением № 43-6 на сорок третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (далее – Модельный закон) под электронным обращением понимается обращение заявителя, поступившее *на адрес электронной почты* государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица либо размещенное *на официальном сайте организации в Интернет*. При этом статья 9 Модельного закона предъявляет к электронному обращению определенные требования (обязательное заполнение отдельных сведений о заявителе, отсутствие ненормативной лексики и коммерческой рекламы и др.). Обращаем внимание, что Модельный закон носит для государств-участников СНГ не обязательный, а *рекомендательный характер*, имеющий целью сближение правового регулирования конкретных видов (групп) общественных отношений в государствах-участниках СНГ; он может быть использован парламентами государств-участников Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в форме разработки и принятия на его основе внутригосударственных нормативных правовых актов¹.

Проведенное исследование законодательства государств-участников СНГ, входящих в Евразийский экономический союз, показало, что в наибольшей степени положения Модельного закона воспринял законодатель Республики Беларусь.

Так, в действующей редакции статьи 25 Закона Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» содержатся подробные нормы о рассмотрении электронных обращений. Из указанной статьи следует, что на официальном сайте государственного органа, иной государственной организации в глобальной компьютерной сети Интернет должна быть размещена информация о способе либо способах подачи электронных обращений в этот государственный орган, иную государственную организацию (направление на адрес электронной почты и (или) размещение в специальной рубрике на официальном

---

¹ См. пункт 8.3 Положения о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, принятого на двадцать пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 14.04.2005 постановлением № 25-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сайте в глобальной компьютерной сети Интернет)¹. Напомним, что в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Договора о создании Союзного государства, ратифицированного в Республике Беларусь Законом Республики Беларусь от 24.12.1999 № 343-З «О ратификации Договора о создании Союзного государства», а в Российской Федерации – Федеральным законом от 02.01.2000 № 25-ФЗ «О ратификации Договора о создании Союзного государства», одной из целей создания Союзного государства является формирование *единой правовой системы демократического государства*.

В свою очередь, в Республике Армения обращения в органы публичной власти подаются в письменном виде на бумаге (лично или по почте) или в *электронном виде* (пункт 3 статьи 5 Закона Республики Армения от 21.12.2017 № 15 «Об обращениях»). Каких-либо требований к «электронному виду» закон не предъявляет, однако в статье 12 указанного закона делается оговорка, что *публичное* обращение подается исключительно путем заполнения формы, указанной на единой электронной платформе. Там же публикуется ответ на такое обращение.

В Республике Казахстан не предъявляются требования к конкретным способам подачи обращения в форме электронного документа. Однако в статье 1 Закона Республики Казахстан от 12.01.2007 № 221-III «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» под обращением понимается направленное субъекту, рассматривающему обращение, или должностному лицу индивидуальное или коллективное не только письменное и устное предложение, заявление, жалоба, запрос или отклик (далее – сообщение), но и сообщение *в форме электронного документа*, а также в форме *видеоконференцсвязи и видеообращения*².

Указанный закон Республики Казахстан утрачивает силу с 01 июля 2021 года в связи со вступлением в силу Кодекса Республики Казахстан от 29.06.2020 № 350-VI «Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан» (далее – АПК РК).

---

¹ Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». – URL : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11100300> (дата обращения 11.02.2021).

² Закон Республики Казахстан от 12.01.2007 № 221-III «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц». – URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30086115#pos=26;-256 (дата обращения 11.02.2021).

В АППК РК сохраняется подход, согласно которому обращения могут быть направлены в электронной форме, а также в форме видеоконференцсвязи, видеообращения. При этом в кодексе делается оговорка, согласно которой обращения, поступившие по общедоступным информационным системам и соответствующие требованиям законодательства Республики Казахстан об электронном документе и электронной цифровой подписи, подлежат рассмотрению в порядке, установленном данным кодексом (пункт 4 статьи 64 АППК РК). Регистрация, учет обращений, поступающих в государственные органы, органы местного самоуправления, юридические лица со стопроцентным участием государства, а также ведение информационной аналитической системы «Электронные обращения» осуществляются в порядке, установленном государственным органом, осуществляющим в пределах своей компетенции статистическую деятельность в области правовой статистики и специальных учетов (пункт 3 статьи 69 АППК РК).

В Киргизской Республики, наоборот, законодательно установлен только один способ подачи обращения в электронной форме, а именно: обращение *на официальный адрес электронной почты* государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, рассматриваемое в порядке, установленном статьей 6-1 Закона Киргизской Республики от 04 мая 2007 года № 67 «О порядке рассмотрения обращений граждан»¹. Помимо этого, электронное обращение можно направить посредством Интернет-портала электронных обращений (см. Положение о порядке рассмотрения электронных обращений, поступивших посредством Интернет-портала электронных обращений, утвержденное постановлением Правительства Киргизской Республики от 11 августа 2014 года № 463)². В 2019 году у граждан Киргизской Республики появилась возможность направления электронных

---

¹ Закон Киргизской Республики от 04.05.2007 № 67 «О порядке рассмотрения обращений граждан». – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202100> (дата обращения 11.02.2021).

² Положение о порядке рассмотрения электронных обращений, поступивших посредством Интернет-портала электронных обращений, утвержденное постановлением Правительства Киргизской Республики от 11.08.2014 № 463. – URL : <http://www.kattar.kg/ru/list-of-nla/11-the-regulations-on-the-procedure-for-consideration-of-electronic-messages-received-through-the-internet-portal-electronic-applications.html> (дата обращения 11.02.2021).

обращений через Интернет-портал электронных обращений при помощи мобильных устройств¹.

Таким образом, зарубежный опыт показывает, что в мире отсутствует единообразие в части подачи и рассмотрения обращений в форме электронного документа (электронными способами): от отсутствия регламентации на общегосударственном уровне конкретных способов обращения в форме электронного документа (например, в Республике Казахстан, России); предусмотренного на законодательном и (или) подзаконном уровне закрытого перечня электронных способов обращения (в Республике Армения (применительно к публичным обращениям), Республике Беларусь, Киргизской Республике); законодательно установленного открытого перечня способов электронных обращений, при условии идентификации личности отправителя (в Германии); до единой электронной системы подачи и рассмотрения обращений в органы публичной власти (например, в Соединенном Королевстве (в Шотландии)).

Полагаем, в России с целью устранения нарушения прав граждан на обращение в органы публичной власти и обеспечения недопустимости незаконного ограничения реализации данного права, Федеральный закон № 59-ФЗ следует дополнить развернутыми нормами, согласно которым обращение в форме электронного документа может быть направлено в органы публичной власти любым не запрещенным федеральным законом способом по выбору заявителя, а также предусмотреть особенности направления и рассмотрения таких обращений (например, через электронную почту, специализированные интернет-порталы, «электронные приемные»). Тем самым, полагаем, повысится конституционная ценность права человека на обращение в органы публичной власти.

---

¹ В правительство Кыргызстана теперь можно написать обращение с мобильного. – URL : <https://www.kp.kg/online/news/3692314/> (дата обращения 11.02.2021).

*Игнатьев А.С.,
канд. юрид. наук,
ассистент кафедры
международного права,
Санкт-Петербургский
государственный университет
г. Санкт-Петербург*

О СООТНОШЕНИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Советская международно-правовая наука в целом подходила к решению вопросов соотношения и взаимодействия международного права (далее – МП) и национального права с дуалистических позиций.

В постсоветский период ситуация, на наш взгляд, коренным образом не изменилась, хотя спектр точек зрения на данную проблематику расширился. Причем, иногда доходит до комичного, когда одни дуалисты (т.н. объективные) начинают видеть в других дуалистах (т.н. сдержанных) приверженцев монизма, поскольку последние принципиально допускают возможность регулирования отношений с участием физических и юридических лиц нормами МП без их преобразования (трансформации) во внутригосударственные нормы.

Не углубляясь в нюансы теоретических дискуссий, представляется целесообразным обратиться к практике (которая, как известно, зачастую является критерием истинности того или иного суждения), проанализировав, как соответствующие вопросы регламентируются в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

Так, пунктом 1 статьи 4 Конституции Республики Казахстан¹ (далее – РКаз) нормы международных договорных и иных обязательств РКаз безусловно отнесены к действующему в этой стране праву.

---

¹ Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года). – URL : <http://law.gov.kz/client/#!/doc/1/rus> (дата обращения 09.03.2021).

Согласно норме части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации (далее – РФ) общепризнанные принципы и нормы МП и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы¹.

Схожие формулировки содержатся в абзаце первом части 3 статьи 6 Конституции Кыргызской Республики² (далее – КырР) и части 2 статьи 3 Закона Республики Армения (далее – РА) от 29.03.2018 г. № ЗР-213 «О международных договорах»³ (далее – Закон РА о МД).

При всей нормативно-правовой неопределенности термина «правовая система», на что обращалось внимание в юридической литературе, едва ли данные положения могут толковаться иначе, чем как включающие нормы и источники МП в число регуляторов внутригосударственных отношений.

Об этом свидетельствуют и нормы части 3 статьи 5 Конституции РА⁴, пункта 3 статьи 4 Конституции РКаз и части 4 статьи 15 Конституции РФ, а также части 3 статьи 3 Закона РА о МД, пункта 2 статьи 6 Закона РКаз от 06.04.2016 г. № 480-V ЗРК «О правовых актах»⁵ (далее – Закон РКаз о ПА), в которых установлен приоритет международных договоров перед законами.

В части первой статьи 8 Конституции Республики Беларусь⁶ (далее – РБ) также говорится о приоритете, но только общепризнанных принципов МП, которым должно соответствовать законодательство страны.

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. – URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.07.2020).

² Конституция Кыргызской Республики (введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 года). – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения 09.03.2021).

³ Закон Республики Армения «О международных договорах» от 23.03.2018г. – URL : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6291&lang=rus> (дата обращения 09.03.2021).

⁴ Конституция Республики Армения (принята 06.12.2015 г.). – URL : <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения 09.03.2021).

⁵ Закон Республики Казахстан «О правовых актах» от 06.04.2016г. № 480-V ЗРК. – URL : <http://law.gov.kz/client/#!/doc/100890/rus> (дата обращения 09.03.2021).

⁶ Конституция Республики Беларусь 1994 г. – URL : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 09.03.2021).

Вместе с тем, в части второй статьи 36 Закона РБ от 23.07.2008 г. № 421-3 «О международных договорах Республики Беларусь»¹ (далее – Закон РБ о МД) предусмотрено, что нормы, содержащиеся в международных договорах РБ, подлежат непосредственному применению, за исключением случаев, когда для этого требуется принятие нормативного правового акта.

Положения о непосредственном применении норм международных договоров имеются и в Федеральном законе от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее – ФЗ о МД РФ), и в пункте 2 статьи 6 Закона РКаз о ПА, и в пункте 1 статьи 6 Гражданского кодекса РА² (далее – ГК РА).

В абзаце первом пункта 4 статьи 2 Гражданского кодекса КырР³ (далее – ГК КырР) вступившие в силу международные договоры включены в состав гражданского законодательства страны.

Таким образом, можно заключить, что все государства-члены ЕАЭС допускают прямое действие МП, то есть возможность регулирования его нормами отношений с участием физических и юридических лиц.

Этот вывод, соответственно, порождает вопросы о том, как источники МП соотносятся с источниками внутригосударственного права.

В части 1 статьи 5 Конституции РА, пункте 2 статьи 4 Конституции РКаз, части 1 статьи 6 Конституции КырР и части 1 статьи 15 Конституции РФ прямо провозглашена высшая юридическая сила конституции, а частью третьей статьи 7 и иными положениями Конституции РБ она презюмируется.

То, что верховенство конституций стран Союза распространяется и на акты МП, едва ли может вызвать сомнения.

Так, во всех государствах-членах ЕАЭС предусмотрена возможность проверки конституционности не вступивших в силу

---

¹ Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 г. № 421-3 «О международных договорах Республики Беларусь». – URL : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800421> (дата обращения 09.03.2021).

² Гражданский Кодекс Республики Армения. – URL : http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html#G1 (дата обращения 09.03.2021).

³ Гражданский Кодекс Кыргызской Республики. – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4/660?cl=ru-ru> (дата обращения 09.03.2021).

международных договоров¹, причем в части 3 статьи 116 Конституции РА, пункта 1 статьи 74 Конституции РКаз и части 6 статьи 125 Конституции РФ прямо указано, что международные договоры, признанные не соответствующими конституции, не подлежат ратификации, введению в действие, а в части третьей статьи 8 Конституции РБ оговорено, что не допускается заключение противоречащих ей международных договоров.

Кроме того, в статье 21 Закона КырР от 24.04.2014 г. № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики»² (далее – Закон КырР о МД) и в статье 22 ФЗ о МД РФ установлено, что если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений конституции, решение о его обязательности для страны может быть принято только после внесения поправок в конституцию.

Отдельно можно обратить внимание и на дополнение, внесенное в статью 79 Конституции РФ в 2020 г., согласно которому решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ.

На то, что имеющие обязательный характер решения международных организаций не могут противоречить конституции, было указано в пункте 1 резолютивной части Нормативного постановления Конституционного Совета РКаз от 05.11.2009 г. № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов»³ (далее – Постановление КС РКаз 2009 г.).

Вопрос, сохраняется ли верховенство конституций стран Союза в потенциальном конфликте с международно-правовыми обычаями, прежде всего с общепризнанными принципами и нормами

---

¹ В РБ – «международных договорных и иных обязательств» (абзац второй части четвертой статьи 116 Конституции РБ).

² Закон Кыргызской Республики от 24.04.2014 г. № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики». – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205286/30?mode=tekst> (дата обращения 09.03.2021).

³ Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 05.11.2009 г. № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов». – URL : <http://law.gov.kz/client/#!/doc/48918/rus> (дата обращения 09.03.2021).

МП, относящимися к *jus cogens*, однозначного ответа в практике пока не получил.

Поскольку речь идет о внутригосударственных отношениях, причем конституционного уровня, то коллизия, по-видимому, здесь может касаться лишь регламентации прав человека, и по возможности она будет устраняться интерпретационными средствами. Если же противоречие не получится преодолеть через конструктивное толкование, то окончательное решение вопроса будет зависеть все-таки от политических факторов.

С теоретико-правовой же точки зрения (в рамках дуалистического подхода), в регулировании внутригосударственных отношений верховенство конституции является априорным.

Соотношение в странах Союза национального законодательства, в том числе подзаконных актов, и источников МП зависит от вида последних.

1. Ратифицированные международные договоры¹

Ранее уже было сказано об установлении приоритета международных договоров перед внутригосударственными законами в РА, РКаз и РФ.

Несмотря на то, что ни в Конституции, ни в законодательстве РФ, в отличие от РА и РКаз, нет «ратификационной» оговорки, практика пошла по пути признания преимущества перед законами только международного договора, согласие на обязательность которого было выражено в форме федерального закона (см. пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ 2003 г.)).

---

¹ Для целей настоящей работы, принимая во внимание правовое регулирование в государствах-членах ЕАЭС (см., например, Постановление Конституционного Совета РКаз от 18.05.2006 г. № 2 «Об официальном толковании подпункта 7) статьи 54 Конституции Республики Казахстан». – URL : <http://law.gov.kz/client/#!/doc/28397/rus> (дата обращения 09.03.2021)), под ратифицированным международным договором понимается международный договор, согласие на обязательность которого было дано в форме национального закона (то есть, путем и ратификации, и присоединения, и даже утверждения).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ – 2003. – № 18.

На основании части второй статьи 36 Закона РБ о МД можно было бы предположить, что юридическая сила ратифицированных международных договоров равна юридической силе законов РБ. Однако с учетом норм части первой статьи 8 и абзаца второй части четвертой статьи 116 Конституции РБ, а также части первой статьи 36 Закона РБ о МД следует заключить, что международные договоры все же имеют преимущество перед законами РБ.

Систематическое толкование положений пункта 14 части 1 статьи 11, статей 21, 31 и 32 Закона КырР о МД вроде бы ориентирует на то, что ратифицированные КырР международные договоры обладают приоритетом перед всеми законами данной страны, даже конституционными.

Вместе с тем, согласно буквальная трактовка абзаца первого пункта 4 и пункта 6 статьи 2 ГК КырР можно сделать вывод, что в случае противоречия при регулировании гражданских правоотношений нормы этого кодекса¹ должны иметь преимущество перед нормами международных договоров КырР, в том числе и ратифицированных.

Причем, надо иметь в виду, что это не «простое» юридико-техническое упущение: когда в марте 2014 г. в статью 2 ГК КырР вносились соответствующие изменения, одновременно из кодекса была исключена статья 6, где был установлен приоритет ратифицированных международных договоров перед гражданским законодательством, включая ГК КырР.

Остается только предположить, что поскольку Закон КырР о МД был принят чуть позже – в апреле 2014 г., то именно его положения будут использоваться для разрешения описанного нормативного конфликта.

Добавим, что в части 4 статьи 1 Закона КырР от 24.04.2019 г. № 52 «О таможенном регулировании»² (далее – Закон КырР о ТР) был признан приоритет международных договоров (даже без условия об их ратификации), но, правда, только перед положениями самого этого закона.

---

¹ Согласно статье 6 Закона КырР от 20.07.2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики». – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202591> (дата обращения 09.03.2021)) кодексы обладают более высокой юридической силой, чем обычные законы, но уступают в иерархии правовых актов конституционным законам.

² Закон Кыргызской Республики от 24.04.2019 г. № 52 «О таможенном регулировании». – URL : <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111908> (дата обращения 09.03.2021).

В РА, РКаз, КырР и РФ проблема соотношения международных договоров и национальных законов осложняется тем, что в этих государствах есть и конституционные законы, а в РКаз и КырР еще и кодексы, наделенные более высокой юридической силой, чем обычные законы.

Делая выбор, какому из указанных источников отдать предпочтение в случае наличие коллизии между ними, правоприменитель, скорее всего, будет ориентироваться на формальные моменты – статус законодательного акта и особенности порядка его принятия, изменения и отмены по сравнению с актом ратификации международного договора.

2. Нератифицированные международные договоры

Что касается международных договоров, согласие на обязательность которых было дано не в форме национального закона, то в РФ, как следует из пункта 8 Постановления Пленума ВС РФ 2003 г., они должны иметь приоритет только перед правовыми актами того государственного органа или должностного лица (а также всех нижестоящих по отношению к нему), который санкционировал обязательность международного договора.

Аналогичный вывод можно сделать на основании положений статьи 36 Закона РБ о МД.

В РА и в РКаз эта проблема, по-видимому, должна решаться таким же образом, иначе ранее проанализированные нормы их конституций и законов просто утратят свой смысл.

В целях подтверждения этой гипотезы можно сослаться на положения абзаца четвертого пункта 2 мотивировочной части Нормативного постановления Конституционного Совета РКаз от 11.10.2000 г. № 18/2 «Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан»¹ о том, что нератифицированные международные договоры приоритетом перед законами РКаз не обладают и должны исполняться в той мере, пока они не входят в противоречие с этими законами.

Кроме того, можно обратить внимание, что в действовавших до марта 2018 г. Законах РА от 27.03.2007 г. № ЗР-123 «О

---

¹ Нормативное постановление Конституционного Совета РКаз от 11.10.2000 г. № 18/2 «Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан». – URL : <http://law.gov.kz/client/#!/doc/7206/rus> (дата обращения 09.03.2021).

международных договорах Республики Армения»¹ (см. часть 3 статьи 5) и от 29.04.2002 г. № ЗР-320 «О правовых актах»² (см. часть 4 статьи 21) имелись нормы, направленные на разрешение конфликта источников. И поскольку в заменивших их законах – Законе РА о МД и Законе РА от 28.03.2018 г. № ЗР-180 «О нормативных правовых актах»³ (далее – Закон РА о НПА) какое-то другое регулирование установлено не было, можно предположить, что прежний подход должен был сохраниться. Тем более, что в ГК РА по-прежнему есть норма пункта 2 статьи 6, согласно которой международные договоры обладают приоритетом перед законодательством и иными правовыми актами.

Имея в виду сказанное ранее о ратифицированных международных договорах КырР, можно констатировать, что соотношение международных договоров КырР, не прошедших процедуру ратификации, как с законами, так и с подзаконными правовыми актами данной страны остается неясным.

3. Международно-правовые обычаи

В Конституции РБ (часть первая статьи 8) закреплено, что РБ признает приоритет общепризнанных принципов МП и обеспечивает соответствие им законодательства. О правовом значении для внутригосударственных отношений иных международно-правовых обычаев, как общепризнанных, так и иных, но признанных РБ в качестве норм МП, умалчивается.

Другие государства-члены ЕАЭС в лучшем случае включают лишь общепризнанные принципы и нормы МП в состав своих правовых систем (КырР и РФ), при этом никак не определяя их внутрисистемное положение.

Представляется, что проблема соотношения международно-правовых обычаев и источников внутригосударственного права в странах Союза еще ждет своего практического разрешения.

---

¹ Закон Республики Армения от 27.03.2007 г. № ЗР-123 «О международных договорах Республики Армения». – URL : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2953&lang=rus> (дата обращения 09.03.2021).

² Закон Республики Армения от 29.04.2002 г. № ЗР-320 «О правовых актах». – URL : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1280&lang=rus> (дата обращения 09.03.2021).

³ Закон Республики Армения от 28.03.2018 г. № ЗР-180 «О нормативных правовых актах». – URL : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6269&lang=rus> (дата обращения 09.03.2021).

4. Акты (резолуции, решения) международных (интеграционных) организаций

Частью третьей статьи 37 Закона РБ о МД предусмотрено, что акты международных организаций (далее – МО) подлежат исполнению в РБ в соответствии с условиями международного договора и/или МП в целом и могут даже применяться непосредственно, если это следует из самого решения МО или международного договора.

Вместе с тем, согласно абзацу третьему части четвертой статьи 116 Конституции РБ акты МО по юридической силе уступают не только национальным законам, но и декретам Президента РБ.

В пунктах 1-4 резолютивной части Постановления КС РКаз 2009 г. констатировано, что решения МО приравниваются к ратифицированным международным договорам (могут применяться непосредственно и имеют приоритет перед законами), если обязательный характер таких решений оговорен в ратифицированном РКаз международном договоре и если они не противоречат Конституции РКаз и не нарушают конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Федеральным законом от 01.05.2019 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было санкционировано прямое действие в РФ резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных наций, предусматривающих введение, изменение, приостановление или отмену принудительных мер.

Кроме того, в пунктах 2 и 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 49 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике в связи с вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза» указано, что акты МО в виде решений органов ЕАЭС могут регулировать отношения с участием физических и юридических лиц и иметь приоритет перед законами страны, но с оговоркой, что это не должно приводить к нарушению конституционных прав и свобод индивидов.

На основании положений статьи 24 Закона РА о НПА можно сделать вывод, что решения органов Союза не рассматриваются в данной стране в качестве актов прямого действия, что исключает их конфликт с источниками национального права. Следует отметить, что до марта 2018 г. в РА было иное регулирование, что

нашло отражение и в необходимом для вступления РА в ЕАЭС Решении Конституционного Суда РА от 14.11.2014 г. № ПКС-1175¹.

В части 2 и абзаце втором части 3 статьи 1 Закона КырР о ТР акты органов Союза упомянуты среди регуляторов отношений на территории КырР, однако их соотношение с законами и иными правовыми актами КырР не оговорено, что может вызвать сложности на стадии правоприменения.

Таким образом, подходы государств-членов ЕАЭС к имплементации актов МО, прежде всего, конечно, решений органов самого Союза, сильно различаются, что не только является отрицательным фактором для развития интеграционного процесса, но и может негативно влиять на регулирование отношений с участием физических и юридических лиц.

Резюмируя проведенный в настоящей работе анализ положений конституций, законов и актов высших судебных (надзорных) органов стран-членов ЕАЭС, посвященных взаимодействию МП и национального права, соотношению их источников, можно заключить, что вопросов, с которыми сталкивается практика, отнюдь немало, и они требуют решения. В то же время, полученные результаты дают обильную пищу для теоретических размышлений и обобщений, что предполагает продолжение исследований данной проблематики.

*Нехай Д.А.,
старший преподаватель
кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

РИМСКИЙ ВКЛАД В ЭВОЛЮЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Традиционное понимание юристами-международниками истории своей области, сформулированное примерно в конце XIX в.

---

¹ Решение Конституционного Суда Республики Армения от 14.11.2014 г. № ПКС-1175. – URL : <https://www.concourt.am/russian/decisions/common/pdf/1175.pdf> (дата обращения 09.03.2021).

стало активно задействовать дискуссию о римском вкладе в историю международного права. Начало дискуссии совпало с периодом расцвета теории суверенного государства, позитивизма и европейского империализма, которое является одновременно государственным и европоцентричным. Согласно традиционному нарративу, история международного права по-настоящему началась только с появлением суверенного государства¹.

Интеллектуальный аспект дискуссии начался с первых систематических представлений о международном праве как автономном своде законов, регулирующих отношения между государствами. По большому счету, большинство начинающих юристов XIX в. ссылались на Гуго Гроция (1583–1645) – голландского юриста и государственного деятеля. Примерно в 1900 г. различные ученые начали переоценивать значение вкладов шестнадцатого века, в частности, испанских неохолостов и других ученых².

С середины XX века общепринято считать, что испанские неохолосты и гуманисты стояли у истоков международного права как интеллектуальной области, отбросив все, что было раньше. Эта точка зрения оказывает глубокое влияние на дебаты о вкладе римского права в интеллектуальную историю международного права в обоих его измерениях.

Во-первых, с XIX в. ученые спорят о том, существует ли достаточная преемственность между «международным правом» римлян – и, в более широком смысле, всем античным правом – и современным международным правом, чтобы включить первое в историю второго. Многие юристы-международники XIX и начала XX в. придерживались мнения, что нормативные системы международных отношений древних были слишком примитивными, чтобы их можно было рассматривать как «международное право». Среди различных аргументов, выдвинутых в пользу этого, выделяются два³.

Первый аргумент состоит в том, что великие цивилизации античности, и прежде всего римская, были империалистическими, не

---

¹ Скоробогатов А.В. Методология исследования права в современном российском правоведении / А.В. Скоробогатов // Юридическая наука. – 2012. – № 4. – С. 19–22.

² Ефремов А.А. К вопросу о римском вкладе в эволюцию международного права / А.А. Ефремов // Вестник науки и образования. – 2019. – № 1–2(55). – С. 58.

³ Иванов А.А. Общие начала системы римского права / А.А. Иванов // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 7. – С. 67.

оставляя места для равенства между государствами, которое считалось предварительным условием любого международного права. Второй аргумент утверждает, что нормативная система древних в отношении внешних отношений была встроена в религию и религиозные традиции и ценности.

Как следствие, оно было односторонним и не конвенциональным в широком понимании. Эти объяснения связаны с государственно-ориентированным и позитивистским пониманием международного права. После Второй мировой войны историки международного права оспорили и ввели относительное определение «международного права», распространив его на все формы права, регулирующие отношения между независимыми государствами, независимо от его религиозной основы¹.

Это позволило указать на существование той или иной формы «международного» права для различных периодов античности. В последнее время высказывалась точка зрения, что даже гегемонии и империи не означали конец римского «международного права».

Римской империи всегда приходилось сражаться по крайней мере с одной равноправной империей, сначала Парфянской (до 224 г. н.э.), а затем Сасанидской империей (224–651 гг. н.э.). Процедуры «международного права» уже активно исследовались в то время. Признание существования римского «международного права», однако, не исчерпывает дискуссии о его значении для современного международного права².

Остается вопрос, является ли римское международное право важной частью современной истории международного права. Хотя идея о том, что римское и современное международное право являются частями одной развивающейся системы, не поддерживается, растет согласие с тем, что определенные обычаи, институты и доктрины римлян лежат в основе их современного понимания и принятия. В некоторых случаях можно говорить о непрерывном процессе, как в случае *amicitia* (*дружба*) или *bellum justum* (*справедливая война*), в то время как в других случаях средневековые и

---

¹ Каламкарян Р.А. Международное право, как регулятор современных международно-правовых отношений / Р.А. Каламкарян, Ю.И. Мигачев // Государство и право. – 2013. – № 11. – С. 47.

² Иванов А.А. О большом значении римского права для современной юриспруденции / А.А. Иванов, Т.Л. Матиенко, Н.Д. Эриашвили // Образование и право. – 2017. – № 7. – С. 9–13.

гуманистическое переосмысление римского права являлись значимыми для истории своего развития.

Во-вторых, юристы-международники XIX века были хорошо осведомлены, намного больше, чем их современные преемники, что средневековые римские юристы, а также классические юристы обсуждали вопросы «международного права», но, за некоторыми исключениями, они отрицательно относились к работе этих средневековых ученых. Причины были разными, но общим было то, что они считали это доказательством отсутствия автономии международного права.

В течение XX века, когда позитивистское и ориентированное на государство переосмысление истории международного права отступило, ученые стали более нейтрально относиться к роли средневековой юриспруденции, но такой расклад в целом был встречен пренебрежительно. Мнение о том, что *интеллектуальная основа* международного права действительно начала активно развиваться в XVI веке, все еще остается в силе. Исследования средневековой римской и классической юриспруденции по вопросам международных отношений остаются крайне редкими¹.

В то время недооценивали влияние римского права на развитие международного права. В настоящее время такие допущения не принимаются. Общий обзор исторического взаимодействия между римским правом и международным правом, который основан на общих взглядах на интеллектуальную историю права в Европе, активно был переосмыслен в истории международного права в XX в. Основное внимание было уделено периодам, в которые эти взаимодействия были наиболее выражены. К примеру, это периоды римской античности – это позднее Средневековье и раннее Новое время².

Римское право в общем понимании юридического сообщества является частным правом – правом, которое в основном касается собственности, договоров и семейных отношений. В Кодексе Юстиниана (529–534 гг. н.э.), как крупнейшего памятника римского права, содержится значительная часть римского публичного права, и из-за возвышения имперской власти этот сегмент римского права обеспечил авторитет и юридические инструменты для

---

¹ Лепешко А.Б. Герменевтический метод познания в методологии юриспруденции / А.Б. Лепешко // Право.Ву. – 2014. – № 3(29). – С. 11–16.

² Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М. : Изд-во Современного гуманитарного университета, 2010. – 521 с.

растущего абсолютизма в XVI и XVII в., но в остальном значение римского публичного права фактически ограничивается политической и правовой историей Древней Римской империи¹.

Таким образом, с принятием римского права в качестве основы международного, должен был произойти определенный приток идей, лежащих в его основе, но по большей части (например, в отношении *servitus* (*рабство*) и *postliminium* (*пленение*)) они были полностью преобразованы в новом формате. Поэтому трудно указать на определенные нормы римского права, которые фактически включены в современное международное право².

Можно утверждать, что римское право служило необходимой основой для закрепления фундаментальных базисов международного права. Историческое значение римского права гораздо больше; это незаменимый инструмент на раннем этапе разработки доктрины международного права.

*Петренко Е.Г.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН И УЧАСТИЕ В НЕЙ РОССИИ

Миротворчество является одним из основных направлений Организации Объединенных Наций с 1946 года и даже сегодня в современных условиях, в связи с закрытием границ из-за коронавируса, деятельность по урегулированию конфликтов мирными средствами не прекращается. Российские миротворцы остаются на своих местах в девяти миссиях ООН³.

---

¹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – М. : Изд-во Современного гуманитарного университета, 2010. – 521 с.

² Шапка В.В. Методология современной юриспруденции – возможен ли прорыв? / В.В. Шапка, Ф.А. Бобров // Вестник ЮГУ. – 2015. – № 3–2(38). – С. 196–201.

³ Миротворчество во время коронавируса. – URL : //https://vpk.name/news/396273_mirotvorchestvo_vo_vremya_koronavirusa.html (дата обращения 11.01.2021).

Проблемным аспектом является то, что за весь период деятельности Организации Объединенных Наций, так и не было принято, единого универсального международного акта, который бы содержал нормы о миротворческой деятельности. В настоящее время правовой статус миротворческих операций регулируется Уставом ООН 1945 года, международными договорами, резолюциями. В марте 2020 года в Совете Безопасности ООН обсуждалась и была единогласно принята резолюция «Охрана и безопасность миротворцев».

Положения учредительного акта Организации Объединённых Наций являются обязательными для всех государств-участников, специализированных учреждений и международных организаций, имеющих консультативный статус. Устав ООН, хотя и содержит задачи и цели, но, к сожалению, не закрепляет конкретных задач миротворческих операций.

Можно сформулировать такие задачи исходя из деятельности ООН:

- 1) прекращения распространения оружия;
- 2) уничтожение запасов оружия массового поражения;
- 3) расследование событий и проведение переговоров сторонами конфликта, с целью их примирения;
- 4) проверка соблюдения договоренностей;
- 5) предоставление защиты и помощи местному населению, где происходят действия конфликта;
- б) наблюдение за ситуациями¹.

Деятельность миротворцев ООН основывается на 3 принципах, которые и на данный момент позволяют операциям ООН являться самостоятельным инструментом по обеспечению международного мира и безопасности: это принцип согласия сторон; беспристрастности; неприменения силы².

Важно отметить, что из всех многочисленных органов Организации Объединенных Наций, только Совет Безопасности наделен правом в сфере поддержания мира и международной

---

¹ Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность : учеб. пособие. – М. : Вузовский учебник, 2011. – С. 432.

² Миротворческая деятельность: её роль и место в поддержании международного мира и обеспечении коллективной безопасности организации договора о коллективной безопасности. Сборник докладов. – М. : Российский институт стратегических исследований, 2014. – С. 49.

безопасности. Статья 25 Устава ООН гласит, что все государства-члены ООН дают согласие на подчинения решениям Совета Безопасности и должны их выполнять¹. Из этого следует, любые решения о создании, продлении, изменении, расширении, завершении, проведении, времени и месте осуществления действий по поддержанию мира и безопасности входят в компетенцию Совета Безопасности.

Если государство не может обеспечить безопасность и общественный порядок, то в этом случае Совет Безопасности может не применять конкретную статью Устава при принятии резолюции. Совет делает отсылку на VII главу Устава ООН, в которой предусмотрены действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии². До проведения миротворческой операции, необходимо осуществить превентивные действия, к которым, в частности, относятся консультации.

При проведении миротворческой миссии обязательно должны учитываться следующие основные моменты:

- 1) соблюдается и выполняется ли соглашение о прекращении огня;
- 2) готовы ли стороны добиваться политического урегулирования в рамках мирного процесса;
- 3) цель, которая была поставлена, может ли быть отражена в мандате;
- 4) возможно, ли сформировать четкий мандат операций по поддержанию мира;
- 5) возможно, ли обеспечить безопасность персонала ООНЗ.

После проведения консультаций и вынесения решения, Секретариат ООН направляет миссию по технической оценки на территорию, на которой предполагается осуществить операцию по поддержанию мира и безопасности, но только если условия в отношении безопасности это позволяют. После сбора анализа и оценки информации, Генеральный Секретарь ООН составляет доклад и представляет его Совету Безопасности. Доклад обычно содержит

---

¹ Устав Организации Объединенных Наций 1945 года. – URL : <https://www.un.org> (дата обращения 23.03.2019).

² Операции ООН по поддержанию мира. – URL : <https://peacekeeping.un.org> (дата обращения 23.09.2018).

³ Операции ООН по поддержанию мира. – URL : <https://peacekeeping.un.org> (дата обращения 23.09.2018).

в себе варианты возможного учреждения операции, в зависимости от обстоятельств, включая, численность ее сил и объем ресурсов и также указываются, финансовые ресурсы для проведения операций.

2018 год, был наполнен событиями, так в этом году отмечалось окончание 25 летней миротворческой деятельности ООН на реке Мано, Субрегион бассейна Западной Африки, раздираемый серией жестоких гражданских войн, которые серьезно дестабилизировали Либерию, Сьерра-Леоне и Кот-д'Ивуар¹. С 1993 по 2018 год операции ООН в этих трех странах оказали поддержку в разоружении примерно четверти миллиона вооруженных комбатантов и обеспечили более 75000 оружия вместе с миллионами боеприпасов. Благодаря постепенному прекращению боевых действий большинство из перемещенных лиц смогли вернуться домой².

В Южном Судане, благодаря миротворческим операциям, почти 1000 детей-солдат были официально освобождены вооруженными группами и реинтегрированы в свои общины в течение года. Благодаря поддержке МООНЮС (миссия Организации Объединенных Наций в Республике Южный Судан) и ЮНИСЕФ (международный детский фонд ООН) этим детям предоставляется шанс на достойную жизнь. Кроме того, между правительством и лидерами повстанцев было подписано новое мирное соглашение, дающее надежду на то, что конфликт, который унес жизни более 50000 человек и привел к перемещению более 2 миллионов человек по всей стране, уступит место прочному миру³.

В Центральноафриканской Республике МИНУСМА (миссия ООН по стабилизации в Мали) оказывала поддержку национальным силам в их способности эффективно развертываться за пределами столицы, помогая защищать общины от актов насилия со стороны вооруженных групп. После многих лет конфликта, был создан специальный уголовный суд.

---

¹ Бассейн реки Мано: 25-летие миротворческой деятельности. – URL : <https://peacekeeping.un.org> (дата обращения 23.02.2019).

² Доклад Генерального секретаря о деятельности Отделения Организации Объединенных Наций для Западной Африки // S/2014/442. – URL : <https://www.refworld.org.ru> (дата обращения 23.02.2019).

³ В Южном Судане освободили 119 детей, завербованных боевиками. Информационный центр ООН в Москве. – URL : <http://www.unic.ru> (дата обращения 02.12.2019).

В связи с прекращением боевых действий в Сирии СООННР (силы ООН по наблюдению за разъединением) смогли вновь открыть контрольно-пропускной пункт Кунейтра после четырех лет закрытия из-за войны. Расположенный на Голанах, этот контрольно-пропускной пункт, контролируемый миротворцами ООН, является единственным пунктом доступа между Сирией и Израилем. В настоящее время этот контрольно-пропускной пункт является важной вехой в деле укрепления мира и безопасности в этом районе.

Миротворческие операции проводятся в различных регионах мира, и Россия является не исключением, тем более что она является постоянным членом Совета безопасности ООН. География российского миротворчества ООН следующая: Западная Сахара (МООНРЗС) – 13 военных наблюдателей, в том числе две женщины; ЦАР – 13 миротворцев: 10 (2 женщины) офицеров штаба и 3 наблюдателя; Конго (МООНСДРК) – 12 миротворцев: 7 наблюдателей (одна женщина) и 2 офицера штаба, полицейские – 3; Кипр (ВСООНК): офицеры штаба – две женщины, 5 полицейских (1 женщина); Район Абьей в Южном Судане (ЮНИСФА): наблюдатель – 1, офицер штаба – 1; Косово: полицейские – 2 (1 женщина); Южный Судан (МООНЮС) – 24 миротворца: 3 наблюдателя и 3 офицера штаба, полицейские – 18; Ближний Восток (ОН-ВУП) – 4 наблюдателя; Колумбия (политическая миссия) – 2 (1 женщина) полицейских¹. Таким образом, российские миротворцы побывали в 30 миссиях из 71, проводимых под эгидой ООН.

В РФ действует Федеральный Закон № 93 от 23 июня 1995, который закрепляет порядок привлечения военных и гражданских специалистов к миротворческим миссиям². Закон содержит понятие «миротворчество», под которым следует понимать меры, согласно Уставу ООН, не являются принудительными.

---

¹ Российские миротворцы под флагом ООН в феврале 2020 года. – URL : /https://russiancouncil.ru/blogs/ravunpm/rossiyskie-mirotvortsy-pod-flagom-oon-v-fevrале-2020-goda (дата обращения 01.02.2021).

² Федеральный закон от 23.06.1995 N 93-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» // СЗ РФ.1995. № 26. Ст. 2401; 2014. № 23. Ст. 2930.

Российские эксперты относят к миротворчеству:

- 1) предупредительные меры дипломатического и иного характера;
- 2) проведения миротворческих операций с помощью военных наблюдений и вооружённых сил для разрешения конфликтной ситуации (операции осуществляются без принуждения, за исключением самообороны);
- 3) устранение последствий спора;
- 4) проведения переговоров, применения посредничества и других мер не военного характера.

Важно отметить, что Закон разграничивает миротворчество и меры принудительного характера с участием вооружённых сил. Хотя и те, и другие осуществляют деятельность по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности.

Помимо данного закона, в России действует Военная доктрина РФ и Концепция внешней политики РФ, в которых говорится, что представители военных и других ведомств РФ сотрудничают с ООН по планированию выполнения миссий и данные мероприятия должны проводиться под международно-правовым контролем ООН. Также Военная доктрина РФ закрепляет возможность проведения операций по поддержанию мира и безопасности не только по решению ООН, но и по решению Организации Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ) и Содружества Независимых государств (СНГ)¹. В данном случае операции не носят насильственный характер, но здесь возможны коллизии, так как решение принимается без согласия ООН.

Из вышеизложенного следует, что, к сожалению, механизм взаимодействия ООН с другими государствами не прописан. Проблемным моментом, является и то, что, термин миротворчество есть в военной доктрине, но никак не уточняется и может быть истолкован по-разному и широко.

Взаимодействие РФ с ООН сталкивается и с проблемой разногласий по реформированию содержания и формам миротворческой деятельности. Необходимость такого реформирования

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. 2014. 30 декабря.

появилась после снижения позиций Совета Безопасности ООН, и в целом, миротворческих операций организации. В настоящее время появился новый ориентир миротворческих операций – защита гражданского населения. Следовательно, неполное соответствие российской доктрины практике миротворчества ООН будет служить лазейкой для политических интриг и средством давления на Россию.

России и ООН важно найти максимально легитимные условия для проведения миротворческих миссий. Ухудшенные отношения с западными странами, возможно, наладить в сфере миротворчества. Для этого можно предположить выработать единый документ национального уровня, который будет уточнять методы, средства и правовую основу миротворчества, в которых Россия сможет участвовать по линии СНГ, ОДКБ и по решению ООН. Данный документ позволит задействовать эффективные механизмы взаимодействия миротворческих операций России и ООН на стадии принятия решения, мониторинга следующих операций и оценки результатов в дальнейшем.

Представляется важным закрепить решающую роль Совета Безопасности в выработке критериев успешности миссий, в выборе средств и временных пределов применения силы в конкретных конфликтах. Совет Безопасности ООН при принятии решения, должен учитывать мнения государств, международных организаций, общественных организаций и экспертных учреждений.

В заключение отметим, что в 2021 году миротворческие подразделения в России будут функционировать в каждом военном округе. Военных будут обучать английскому языку, международному гуманитарному законодательству, разрешению конфликтных ситуаций, взаимодействию с мирным населением, устройству блокпостов и досмотру автотранспорта. Можно предположить, что развернуть их в зонах конфликтов можно будет гораздо быстрее, что и было продемонстрировано в Нагорном Карабахе в 2020 году.

*Рогожина С.Г.,
ст. преподаватель
кафедры правовых дисциплин,
филиал ФГБОУ ВО
Адыгейский государственный университет
г. Белореченск*

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ

Процессы миграции являются серьезным фактором экономического, социального, политического и культурного развития государства¹. В связи с этим представляет интерес анализ используемого в законодательстве РФ понятия «миграция», выступающего основой для анализа правовой базы миграционных отношений. Миграционные отношения охватывают различные сферы государственного управления, оказывают влияние на демографический потенциал государства, его политическую и экономическую систему.

Понятие «миграция населения» (от лат. *migratio*) означает «переселение, перемещение». Ввиду своей многоаспектности оно имеет множество подходов к своему толкованию.

В широком смысле миграция населения понимается как перемещение людей в самых различных ситуациях и контекстах. Значение термина «мигрировать» в словаре Вебстера указано как «перемещаться из одной страны, местности или населенного пункта в другие». Однако такая широкая интерпретация понятия не учитывает критерии продолжительности, регулярности, целевой направленности, типа пространственного перемещения и др. Ключевой признак в этом случае – это только лишь факт передвижения между какими-либо территориальными единицами².

---

¹ Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3032.

² Удальцов А.А. Тенденции защиты прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства / А.А. Удальцов, Е.Е. Новопавловская, Т.Г. Лясович // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(71). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-zaschity-prav-i-svobod-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskoy-federatsii-posredstvom-konstitutsionnogo> (дата обращения 10.02.2021).

В узкой трактовке понятие «миграция» означает законченный вид территориального перемещения. Так, в энциклопедическом словаре миграция определена как перемещения людей (мигрантов) через границы определенных территорий с переменной места жительства навсегда или на более или менее длительное время.

Основными признаками при узком понимании исследуемого понятия выступают:

- 1) пересечение границы территории;
- 2) изменение места жительства;
- 3) продолжительность такого перемещения.

С точки зрения О.Т. Суюнчалиевой, миграция – это целенаправленное территориальное передвижение (перемещение) населения, обусловленное субъективным волеизъявлением личности и детерминированное объективными причинами (социальными, экономическими, политическими, религиозными, демографическими и экологическими проблемами региона постоянного места проживания). Основные признаки данного понятия: географическое перемещение, временной показатель и цель передвижения¹.

Правовую основу миграционного учета в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Перечислим данную правовую базу: Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» и ряд других нормативных актов.

Интенсивный процесс глобализации затрагивает не только финансовые и информационные потоки, но также стремительно

---

¹ Дашицыренова О.Г. К вопросу о конституционном праве на защиту иностранных граждан на территории Российской Федерации // Вестник ОГУ. – 2018. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-prave-na-zaschitu-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 10.02.2021).

воздействует на насыщенность и состав международной миграции. На первое место встают нелегальная миграция и незаконная трудовая иммиграция как одни из главных причин расширения угрозы терроризма.

Миграционный поток в Европу относительно затронул России, так как потенциальные беженцы рассматривали в большей степени Россию как временное государство на пути в страны западной Европы. Несмотря на это, по состоянию на 01 января 2019 года на территории РФ находятся 975 тысяч иностранных граждан.

Согласно сведениям Федеральной миграционной службы (ФМС) за 2018 год отмечено около 55,7 млн пересечений иностранными гражданами и лицами без гражданства границы РФ, что на 5,5 % больше значения 2017 года¹.

В 2018 году границу территории России пересекли около 18 миллионов иностранных граждан. Значительная часть (53,7 %) также принадлежит мигрантам, которые прибыли из Украины, Узбекистана, Казахстана и Таджикистана. В 2018 году гражданство России получили 257822 человека. Среди них основную долю занимали граждане СНГ (92,3 %), из числа которых 36,5 % – жители Украины.

Особое внимание привлекает к себе миграционная ситуация, которая вызвана радикализацией конфликта на Украине в 2014 году. В целом с 01 апреля 2014 года в Россию прибыло 1,2 миллиона граждан, которые до этого проживали в юго-восточной части Украины.

В 2018 году в органы ФМС Российской Федерации от иностранных лиц было получено 1287 ходатайств о признании беженцами и 152 тысяч заявлений о представлении транзитного убежища из 60 государств. Наибольшую долю обратившихся составили граждане Украины (около 129 тысяч человек, или 98 %), Сирии (1,4 тысячи человек, или 1,1 %) и Афганистана (1,1 тысячи человек, или 0,8 %). Также следует обратить внимание на то, что лишь 95 человек сумели получить статус беженца, притом значительная доля принадлежит гражданам Украины.

---

¹ Дашицыренова О.Г. К вопросу о конституционном праве на защиту иностранных граждан на территории Российской Федерации // Вестник ОГУ. – 2018. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-prave-na-zaschitu-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 10.02.2021).

На 31 декабря 2018 года на учете в органах ФМС состояло 698 беженцев и 314 тысяч лиц, которые получили временное убежище в России. Разумеется, что данные показатели не отображают реальной ситуации в данной области. К тому же, число граждан, которые признаны беженцами в РФ, не менялось за последние 10 лет и составляло от 500 до 900 человек в год, несмотря на обстоятельства, происходящие в мире. Похожая обстановка и с гражданами, которые получили временное убежище по гуманитарным причинам: их количество за десять лет не превосходило 5 тысяч человек.

Соотношение мигрантов из стран СНГ и Евросоюза достигло 70 % и 10 % соответственно. В последние годы число мигрантов в России увеличилось почти на 40 %.

Несмотря на данные Всемирного банка, по которым Российская Федерация стоит на втором месте после США по приему иностранных граждан, для государства, подключившегося к Конвенции ООН (1951 года) и Протоколу (1967 года), который затрагивал статус беженцев, механизм получения данного статуса до сих пор требует значительного совершенствования. Так, в конце 2018 года появилась тенденция к уменьшению их количества – на 01 января 2019 года в РФ находилось на 10,3 % меньше иностранных граждан, чем на 01 января 2018 года. Это объясняется тем, что процесс их легализации стал более сложным. В тоже время, подвергается сомнению способность свободной реализации прав иностранных граждан, которые гарантированы Конституцией РФ. Важное место это приобретает по причине того, что иммигрант способен потерять своё законное положение на каждом этапе нахождения в России, начиная от прибытия в страну, регистрации, трудового устройства и заканчивая выездом. Отсутствие законного статуса может повлечь за собой высылку иммигранта за пределы РФ.

Следует обратить внимание и на то, что в ФМС России нет управления по делам беженцев и вынужденной миграции – данный отдел включается в состав Управления по вопросам гражданства. Разумеется, что гражданство и убежище предполагают собой разные социальные институты, которые имеют различную правовую базу. Недостаток внимания к институту убежища привел к тому, что судебные органы, по большей части, не склонны к рассмотрению дел по предоставлению убежищ, судьи не

ознакомлены с международными правовыми документами в данной сфере и находят для себя простой выход в том, что принимают решения только согласно советам государственных органов. Также, нельзя пропустить тот факт, что одновременно появилась проблема положения лиц без гражданства в России, по которым также принимаются решения об административном выдворении, однако выполнить данное условие невозможно по причине отсутствия государства, которое должно их принять.

Значительной проблемой в области управления и мониторинга миграционных процессов считается ведомственная разрозненность. Проблемами приспособления и объединения мигрантов только на федеральном уровне занимаются сразу несколько ведомств (в структуре ФМС России, Минтруд России и Минобрнауки России). При этом, ни одна из них не считается ведущей в решении этих вопросов. В силу этого, на данный момент нет четко выработанной стратегии государственной миграционной политики в области адаптации и интеграции мигрантов и защиты укоренившегося населения.

Всё вышесказанное говорит о том, что назрела потребность отделения института убежища в самостоятельный аппарат управления, который включает управляющие органы на федеральном уровне (по меньшей степени полное регулирование в рамках ФМС РФ), установление ответственного лица в правительстве России, который отвечает за данную проблему, осуществление специализированной подготовки судей международного права в сфере обеспечения убежищ иммигрантам, а также формирование подготовленной площадки с целью рассмотрения проблем убежища со смежными министерствами и ведомствами, судебными органами, общественными организациями, представителями Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев ООН, которые на протяжении большого количества времени результативно занимаются вопросами беженцев и других групп вынужденных мигрантов¹.

---

¹ Удальцов А.А. Тенденции защиты прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации посредством конституционного судопроизводства / А.А. Удальцов, Е.Е. Новопавловская, Т.Г. Лясович // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(71). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-zaschity-prav-i-svobod-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskoy-federatsii-posredstvom-konstitutsionnogo> (дата обращения 10.02.2021).

Безусловно, процессы миграции воздействуют на социально-культурную обстановку в стране, когда права иностранных граждан вступают в конфликт с правами местного населения. На сегодняшний день эксперты отметили, что, если в 90-х годах и в начале 2000-х годов иностранные лица оценивались как экономические соперники, а в середине 2000-х годов на первое место вышла криминальная часть нерегулируемой миграции, и резонансные правонарушения, совершенные мигрантами, породили большое количество протестных акций. В 2010-е годы в иностранных лицах (особенно, граждан мусульманских государств) обычно наблюдают посредников экстремизма.

Согласно сведениям ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2018 году мигрантами на территории РФ было совершено 47 тысяч правонарушений, в том числе гражданами государств СНГ – 38 тысяч правонарушений, или 88 % от общего числа. Общая доля преступлений, которые совершены мигрантами в общем числе раскрытых по России почти всегда составляет около 4,9 %, при том в городах государственного значения данный показатель в среднем составляет 14,6 %¹.

По этой причине выделяется необходимость принять комплекс мероприятий, которые нацелены на недопущение развития в России моноэтнических анклавов – зон компактного проживания значительного количества иностранных лиц в одном маленьком населенном пункте или в одном районе крупного города.

Административное регулирование установления мест проживания иностранных лиц является одним из нечастых ситуаций, когда такое администрирование считается не только неизбежным, но и рациональным по отношению защиты прав и свобод в общем её виде. Особенную актуальность в настоящее время приобрела проблема возникновения в мегаполисах таких способов заселения приезжих, как размещение в хостелы.

По этой причине в 2017 году был разработан и внесен в Государственную Думу законопроект, запрещающих применять жилые объекты в качестве отелей, иного способа временного

---

¹ Дашицыренова О.Г. К вопросу о конституционном праве на защиту иностранных граждан на территории Российской Федерации / О.Г. Дашицыренова // Вестник ОГУ. – 2018. – № 3. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionnom-prave-na-zaschitu-inostrannyh-grazhdan-na-territorii-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения 10.02.2021).

размещения, а также представлять в них услуги данного сервиса. Прежде законодатель стремился регулировать вопрос с нелегальной миграцией путем ограничения количества лиц, которые зарегистрированы на единице квадратных метров жилой площади, с целью чего был установлен Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 376ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Несмотря на это, он не ограничивает изменения квартир в обычные жилые многоквартирные дома на подобие общежитий для мигрантов. В этом смысле установленные законом препятствия правового характера пребывания мигрантов в РФ обоснованы императивами национальной безопасности.

С 01 января 2017 года произошло упрощение регулирования трудоустройства мигрантов, в частности, к прибывшим в РФ в безвизовом порядке, система квотирования заменена на работу по патенту.

Репрессивные мероприятия в области рабочего найма, также, как и ужесточение полицейского режима для иностранных лиц (к примеру, вопросы их регистрации) чаще всего предоставляют дополнительные причины для обогащения нечистых на руку чиновников и правоохранительных органов.

Одними только административными мерами отрицательные черты изменить не получится. Необходимо действовать комплексно, затрагивая экономические, социальные и информационные рычаги. Беря в учет то, что иностранные лица обычно осваивают и монополизируют наименее перспективные профессии, необходимо снизить налоговое обременение, социальным льготированием, иными экономическими и административными регуляторами, адресными вложениями в профессиональное образование стимулировать привлекательность малоквалифицированного труда для самих россиян, поднять престиж не офисных, а понастоящему трудовых специальностей, возродив интерес к ним у коренного населения России, в том числе путем внутренней миграции между субъектами России. Для этого нужны меры государственного характера по формированию условий для большей мобильности населения.

---

¹ Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 376ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 23.12.2013. № 51. Ст. 6696.

Следует пересмотреть миграционную политику страны в области привлечения трудовых ресурсов. Она должна быть направлена не столько на получение больших экономических выгод, сколько на формирование перспективной стратегии, направленной на рациональное использование отечественных и иностранных трудовых ресурсов при условии непреложного уважения, соблюдения и эффективной защиты прав, свобод и законных интересов как россиян, так и трудовых мигрантов. При этом нельзя упускать из виду необходимость всестороннего соблюдения прав мигрантов.

Одной из альтернатив оптимизации трудовой миграции в Российской Федерации будет формирование и совершенствование так называемых рекрутинговых организаций на территории стран-доноров. С поддержкой таких фирм возможно осуществлять на месте не только отбор кандидатов по специальностям, образованию, владению языками, эмоциональной стабильности и т.д., но и создать надлежащую профессиональную подготовку. Тем более что определенная практика уже есть.

В городе Ош Киргизской Республики открылся Центр по изучению и тестированию русского языка, на основе которого проводятся занятия по подготовке трудовых мигрантов, тестирование по русскому языку. Очевидно, формирование единичных учебных учреждений обстановку кардинальным образом изменить не сможет. Нужна значительная модернизация системы управления трудовой миграцией и порядка привлечения иностранной рабочей силы с одновременным выполнением дополнительных мер, направленных на предоставление национальной безопасности.

В общественных дискуссиях миграционная и этническая политика часто рассматривается в непрерывной связи, наблюдается преувеличенное значение этничности, порой выступающей ключевым фактором в определении «свой – чужой» и, как следствие, влияющей на все сферы социальной жизни. Вместе с этим, на первый план обязана выходить не столько этническая принадлежность иммигрантов и страна происхождения, сколько их лояльность к государству пребывания, возможность к адаптации в новом государстве. Главным фактором должна быть интеграция иммигрантов, адекватное восприятие ими норм и ценностей принимающего общества, тем самым гражданская идентичность становится важнее этнической.

Чернядьева Н.А.,
доктор юрид. наук, доцент,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал
Российского государственного
университет правосудия
г. Симферополь

ВКЛАД НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА В ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Семьдесят пять лет назад, в период с 20 ноября 1945 г. по 01 октября 1946 г., шли заседания уникального и новаторского для своего времени международного судебного органа – Нюрнбергского трибунала. Его наследие представляет исключительную важность для современного международного права, прежде всего, в той его части, которая связана с привлечением к международно-правовой ответственности за особо тяжкие преступления¹.

Вплоть до Второй мировой войны в международном праве считался общепризнанным обычай, сформулированный еще в период становления Римской империи – *vae victis* (горе побежденным), предполагающий полную свободу победителя в отношении побежденного². Именно благодаря Нюрнбергскому процессу сформировался комплекс новых обычно-правовых норм, устанавливающих судебный порядок привлечения к международно-уголовной ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, которые «не были связаны с определённым географическим местом»³ (не

---

¹ Werle G. Principles of International Criminal Law. Second Edition. T.M.C. Asser Press. – 2009. – Para. 22. – P. 42.

² Мартенс Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. – СПб., 1879. – С. 55–58.

³ См.: Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси 08 августа 1945 года. Ст. 1. // Действующее международное право : в 3 т. – М. : МНИМП, 1996. – Т. 3.

подлежали установленной национальной юрисдикции). Таким образом, в международном праве произошел отказ от ницшеанского «права сильнейшего»¹, воплощенного в «*jus ad bellum*», и переход к естественно-правовому отказу от агрессивной войны и абсолютной ценности права на мир и безопасность.

Впоследствии Комиссия международного права, по поручению Генеральной Ассамблеи ООН², обобщив практику Нюрнбергского трибунала, придала этому положению статус одного из *Принципов международного права, признанных статутom Нюрнбергского трибунала и нашедшим выражение в решении этого Трибунала* (Принцип 1). Нюрнбергские принципы, уже на рубеже XX–XXI вв., легли в основу устава Международного уголовного суда – Римского статута³.

По приговору Нюрнбергского трибунала двенадцать подсудимых были приговорены к смертной казни⁴, трое были приговорены к пожизненному заключению⁵ и четверо – к срокам тюремного заключения от десяти до двадцати лет⁶; трое подсудимых были оправданы⁷.

Кроме того, Трибунал, в соответствии со ст. 9 Устава, рассмотрел вопрос о признании преступными организаций германского фашизма, в том числе гестапо, СД (служба безопасности рейхсфюрера СС), СС (охранные отряды национал-социалистской рабочей партии Германии), СА (штурмовые отряды национал-социалистской немецкой рабочей партии)⁸.

Основой для вынесения приговора явилось то, что эти организации участвовали в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, связанных с войной.

---

¹ Ehret M. The Nuremberg Tribunal: 75 Years Later and Still the Basis for Humanity's Survival. November 29, 2020. – URL : <https://www.strategic-culture.org/news/2020/11/29/nuremberg-tribunal-75-years-later-and-still-basis-for-humanity-survival>

² Планы по формулированию принципов, признанных статутom Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении Doc. A/RES/177 (II). 21 ноября 1947 года. – URL : <https://www.un.org/ru/ga/2/docs/2res.shtml>

³ Calvo-Goller K.N. The Trial Proceedings of the International Criminal Court. ICTY and ICTR Precedents. Martinus Nijhoff Publishers, Leiden (Holanda). – 2006. – Note 24. – P. 16.

⁴ Г. Геринг, У. фон Риббентроп, В Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Э.Ф. Заукель, А. Йодль, А Зейсс-Инкварт, М. Борман.

⁵ Р. Гесс, В. Функ, Э. Редер.

⁶ К. Дениц, Б. фон Ширах, А. Шпеер, К. Нейрат.

⁷ Я. Шахт, Ф. фон Папен, Г. Фрицше.

⁸ Приговор Международного Военного Трибунала // Нюрнбергский Процесс. Сборник материалов. – М. : Юридическая литература, 1954. – Т. 2. – С. 1023, 1034, 1039.

Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций. В этой же статье предусматривается право национальных властей привлекать к суду лиц за принадлежность к группе или организации, которую Трибунал признает преступной¹. В этом случае не требовалось повторного доказывания и не допускалось оспаривания установленного Трибуналом противоправного характера организаций.

Таким образом, во время Нюрнбергского процесса была заложена традиция рассматривать преступное объединение как самостоятельный субъект для международной ответственности. По мнению ряда исследователей статья 10 Устава Нюрнбергского трибунала создала «сомнительную, неустойчивую ситуацию»², не соответствующую принципу индивидуальной ответственности за преступления в международном праве.

Рассмотрим, насколько обосновано данное утверждение.

Все названные Нюрнбергским приговором преступными организации обладали общей спецификой: они являлись официальными структурами фашистского государства, выполняли его античеловеческие задачи. Кроме того, они представляли собой классический вариант публичного юридического лица: имели организационное оформление, уставные документы, внутреннюю структуру и официальный правосубъектный статус по национальному праву.

Это обстоятельство имеет важное значение, так как позволило Трибуналу формально идентифицировать преступное поведение как принадлежащее определенному реальному лицу – организации. Тем не менее, Суд в приговоре специально акцентировал, что признание преступной организации не изменяет принципиальной основы принимаемого акта. Суд указал, что преступная виновность является индивидуальной и следует избегать массового наказания: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями»³. В дальнейшем это правило было закреплено в качестве Принципа I в

---

¹ Приговор Международного Военного Трибунала // Нюрнбергский Процесс. Сборник материалов. – М. : Юридическая литература, 1954. – Т. 2. – С. 1022.

² Werle G. Principles of International Criminal Law... Para 20. – P. 39.

³ Приговор Международного Военного Трибунала. – С. 992.

«Принципах международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала»: уголовной ответственности подлежат конкретные физические лица¹.

Таким образом, признание преступными фашистских организаций не повлекло в Нюрнберге ни формирования конструкции их международно-правовой ответственности, ни признания их субъектами преступлений. И.И. Лукашук писал, что концепция преступной организации имела целью облегчить органам национальной юстиции уголовное преследование военных преступников². Представляется, что это положение обладает большой актуальностью в современной ситуации для формирования международных правил борьбы с преступными группировками. По мнению Ю.А. Решетова нюрнбергский подход создал нормативные последствия для решения вопроса о субъектах международных преступлений и их ответственности³.

В последние десятилетия в международном праве наблюдается ревизия нюрнбергской традиции: в актах международных организаций, в научных работах ставится вопрос о привлечении преступных организаций к ответственности как самостоятельных субъектов международного права.

Совет Безопасности ООН (СБ ООН) в своих резолюциях неоднократно заявлял о международной ответственности негосударственных групп за свои действия в ходе конфликтов, например, в Сомали (1994 г.), Конго (2000–2002 г.), Кот-д'Ивуар (2006 г.), в связи с образованием государств Израиль и Палестина (1948г.)⁴.

---

¹ Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. – URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml

² Лукашук И.И. Право международной ответственности. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – С. 123.

³ Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., 1983. – С. 168.

⁴ Резолюция 954 (1994), принятая Советом Безопасности на его 3447-м заседании 04 ноября 1994 года S/RES/954 (1994). 4 November 1994. П. 7; Резолюция 1316 (2000), принятая Советом Безопасности на его 4189-м заседании 23 августа 2000 года. S/RES/1316 (2000). 23 August 2000. Preamb.; Резолюция 1721 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5561-м заседании 01 ноября 2006 года S/RES/1721 (2006). 01 November 2006. П. 31; Резолюция СБ ООН 43 (1948) от 01 апреля 1948 г. (S/714,I). П. 2.

Элементы признания международной политической правосубъектности преступных группировок, в частности, террористических, можно найти и в актах Интерпола. Согласно п. 3 Устава Интерпола, этой структуре запрещено принимать какие-либо меры или осуществлять какую-либо деятельность политического, военного, религиозного или расового характера. В соответствии с резолюцией Интерпола AGN-1984-RES-6 «Насильственные преступления, обычно называемые терроризмом»¹, уголовное преследование за членство в запрещенной организации признавалось политической мерой, подпадало под изъятия, предусмотренные ст. 3 Устава. Правда, после событий 11 сентября Интерпол пересмотрел свое отношения к преступлениям террористической направленности. В резолюции AG-2001-RES-05 «Террористическая атака 11 сентября 2001 г.» нападение на башни-близнецы было названо преступлением против человечности, основанием для международного полицейского сотрудничества в отношении данного преступления². Тем не менее, в критериях, разработанных Интерполлом для начала процедуры сотрудничества по преследованию террористической организации, государству необходимо привести факты, свидетельствующие, что террористический характер соответствующей организации выходит за рамки общей поддержки политических целей, выдвигаемых ею. Исключение составляют лишь группировки, включенные в список террористических организаций, ведущийся Организацией Объединенных Наций в соответствии с резолюциями 1267 и 1390 Совета Безопасности и его последующими резолюциями³.

Институт международного права в ст. 5 резолюции (Берлин, 1999 г.) указал следующее: «Любое государство и любое негосударственное образование, участвующие в вооруженном конфликте, связаны в отношении друг друга и международного сообщества в целом юридической обязанностью соблюдать международное гуманитарное право при любых обстоятельствах. ... Ни

---

¹ Resolution № AGN-1984-RES-6. Violent crime commonly referred to as terrorism. – URL : <http://www.interpol.int>

² AG-2001-RES-05. RESOLUTION. Terrorist attack of 11 September 2001. – URL : <http://www.interpol.int>

³ AG-2005-RES-05. Resolution. The United Nations Security Council's request to Interpol to assist the UN's anti-terrorism fight. – URL : <http://www.interpol.int>

одно государство и ни одно негосударственное образование не имеет права уклониться от соблюдения этих обязанностей...»¹.

Х. Даффи пишет о необходимости широкого признания прямой международной ответственности за нарушения в области прав человека, в том числе и в ходе вооруженных конфликтов, негосударственных субъектов, к которым причисляет и террористические организации².

Э.А. Иванов считает необходимым признать международную террористическую организацию самостоятельным субъектом как преступления международного терроризма, так и ответственности по международному праву³.

Официальная позиция США, высказанная Госсекретарем Дж. Керри 09 апреля 2016 г. о начале мирных переговоров с движением Талибан, признанным международной террористической организацией и о призыве к талибам стать участниками мирного легитимного процесса⁴, говорит о тревожной тенденции согласия государства США с правосубъектным статусом в рамках Международного права террористической организации, признанной таковой резолюциями СБ ООН.

Таким образом, заложенная Нюрнбергом концепция международно-правовой ответственности организаций за преступления в последние десятилетия трансформировалась и стала включать в себя идею привлечения к ответственности преступных группировок, не являющихся *de jure* субъектами ни национального, ни международного права. Думается, что такой вектор развития международного права ошибочен, не основан на нюрнбергском наследии и противоречит базовым установкам международного права.

Напомним, что в приговоре Нюрнбергского трибунала четко прослеживается конструкция организаций, которые признали преступными.

Во-первых, все они были публичными юридическими лицами, созданными в соответствии с национальным правом Германии.

---

¹ Quod for: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. – М., Изд-во МККК, 2011. – Р. 727

² Duffy H. The «War on Terror» and the Framework of International Law. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2005. – Р. 61, 65–66, 68.

³ Иванов Э.А. Ответственность международных террористических организаций. – М., «Юрлитинформ», 2013. – С. 93.

⁴ Джон Керри призвал «Талибан» к мирным переговорам. – URL : <https://life.ru/t/195936>

Во-вторых, их признание в качестве преступных порождало уголовно-правовые последствия для *участников* этих организаций, но не для них таковых.

Дополнительно к этому можно отметить, что действующее международное право в конвенциях устанавливает обязанность государств привлекать организации к ответственности за преступления. Так, например, об этом говорит Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Совет Европы, 1999 г.) В ней закреплено, что юридические лица подлежат уголовному преследованию на национальном уровне за те преступления, которые указываются в международных соглашениях. Аналогичные предписания содержатся в Конвенции ООН против коррупции (2003 г.); в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.); Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (2000 г.). Как справедливо отмечает А.Х. Абашидзе, международное право больше всего преуспело в части определения ответственности юридических лиц за нарушение прав человека¹.

Подводя итоги статьи, сформулируем основные выводы.

Во-первых, проблематика ответственности организаций по международному праву за противоправные деяния относится к разряду дискуссионных.

Во-вторых, действующее международное право содержит поливариантные решения: с одной стороны признает возможность ответственности организаций по международному праву, а с другой стороны в специальных конвенциях устанавливает национальный порядок их привлечения к ответственности.

В-третьих, международное право не содержит четкой грани между формально определенными организациями – юридическими лицами, признанными субъектами национального права, и преступными группировками, правовой статус которых, как представляется, ни при каких обстоятельствах не может быть признан.

В-четвертых, международно-правовой механизм сотрудничества государств в сфере борьбы с преступностью обладает необходимым потенциалом для эффективного противодействия транснациональным преступным группировкам. Международно-

---

¹ Абашидзе А.Х. Современное международное право об ответственности юридических лиц за правонарушения / А.Х. Абашидзе // Современное право. – М. : Новый Индекс, 2013. – № 8. – С. 111.

правовые нормы по этому вопросу должны быть посвящены выявлению преступного характера деятельности группировки и установлению специальных, повышенной суровости, уголовно-правовых последствий для участников преступной группировки. Кроме того, установление на межгосударственном уровне транснациональной преступной деятельности организации, в том числе и террористического характера, должно означать безусловную, преюдициальную, доказанность преступного характера этих группировок для государств, ведущих борьбу с ними.

В связи с этим тезисом стоит дать критическую оценку позиции Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ, что с точки зрения защиты прав человека должна считаться незаконной не организация, а ее деятельность (конкретные виды деятельности, которые противоречат закону)¹. При этом БДИПЧ ОБСЕ ссылается на решение ЕСПЧ, по делу «Sidiropoulos and Others v. Greece»², в котором подчеркивается, что запрет неправительственной организации может быть употреблен во зло, использован с целью подорвать основы гражданского общества. БДИПЧ ОБСЕ также считает, что сохранение за организацией легального статуса делает наблюдение за ней менее сложным.

Представляется, что запрет отдельных видов деятельности организации, уличенной, например, в террористической активности, является полумерой, недостаточным способом борьбы с феноменом терроризма. Любая структура, замеченная в связи с терроризмом, безоговорочно должна признаваться преступной, вся ее деятельность должна объявляться запрещенной.

В целом стоит отнестись критически в возможности признания международных преступных группировок субъектами ответственности. Думается, что правила, установленные еще в ходе Нюрнбергского процесса, об индивидуальной ответственности физических лиц и о последствиях признания организации преступной сохраняют актуальность в современной международной ситуации и могут быть применены в отношении международных преступных группировок.

---

¹ Борьба с терроризмом и защита прав человека. Руководство. Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. (БДИПЧ). – Warsaw. БДИПЧ ОБСЕ, 2009. – P. 259.

² ECHR. Case of Sidiropoulos and Others v. Greece (57/1997/841/1047). Judgment. Strasbourg. 10 July 1998. Para 41. – URL : <http://hudoc.echr.coe.int>

*Фан Туан Ань,
аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет
г. Санкт-Петербург*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНЦИИ

Глобализация мировой экономики приносит огромную пользу человечеству, благодаря ей эффективно функционирует международное разделение труда, возникает и развивается конкуренция, что, в свою очередь, обеспечивает насыщение рынка качественными продуктами. Таким образом, до конечного потребителя доходят товары с оптимальными соотношениями цена-качество. Государства максимально реализуют свои возможности, основанные на имеющихся у них ресурсах. Вместе с этим, глобализация, несомненно, является сложнейшим процессом, порождающим необходимость постоянного совершенствования международного права, регулирующего отношения между участниками мирового рынка.

Увеличение объема международной торговли товарами и услугами, постоянное развитие международных экономических отношений требуют своевременной актуализации регламентирующего такие отношения законодательства в интересах участников мирового экономического оборота. Также возможность права регламентировать отношения, пока не возникшие, но имеющие ряд предпосылок для возникновения в ближайшем будущем, позволит избежать неопределенности или даже несправедливости при регулировании международных экономических отношений.

Особое значение имеет вопрос международно-правового регулирования конкуренции, которое в современных условиях требует тщательного и скрупулезного изучения для определения перспективы его развития.

Первые нормативные документы, регламентирующие борьбу с недобросовестной конкуренцией, были приняты еще в XIX веке в США, Канаде, а позже в других отдельных государствах. С тех

пор правовое регулирование конкуренции быстрыми темпами развивается и признается во всем мире эффективным институтом, обеспечивающим стабильное развитие рыночной экономики.

Стоит отметить, что к настоящему времени сформировался ряд правовых предпосылок для начала фундаментальных научных исследований с целью разработки, дальнейшего развития международного конкурентного права, как глобального механизма регулирования конкуренции. Многие государства уделяют большое внимание сотрудничеству в области правовой регламентации борьбы с недобросовестной конкуренцией, создавая условия для совместной работы соответствующих ведомств своих стран. Создано большое количество региональных интеграционных объединений, которые должны обеспечить защиту правовыми механизмами собственных участников экономического оборота как от внешних недобросовестных действий, так и от внутренних. Совершенствуется многосторонняя торговая система, активно функционируют Всемирная торговая организация, профильные ведомства ООН и другие международные институты. Все перечисленные обстоятельства положили фундамент для формирования международного конкурентного права.

В научной литературе данному вопросу посвящено относительно небольшое количество крупных научных исследований, что не вполне соответствует уровню актуальности вопроса.

В свете последних событий, связанных с односторонним введением отдельными странами экономических санкций по отношению к другим, снова поднялся вопрос, как должны выглядеть «рамки дозволенного». Некоторые исследователи считают, что односторонние санкции являются противоправными мерами экономического принуждения, направленными на извлечение выгоды для вводящей санкции страны путем умаления национальных суверенитетов, экономического давления на другие страны¹.

Так, например, США ввели, а позже расширили санкции против газопровода «Северный поток – 2», по поводу чего ряд представителей власти Российской Федерации утверждают, что данные действия власти США являются проявлением

---

¹ Бахин С.В. Односторонние экономические «санкции» и международное право / С.В. Бахин, И.Ю. Ерёменко // Закон. – 2017. – № 11. – С. 162–175.

недобросовестной конкуренции, противоречащим принципам международной торговли и международного права¹. Односторонние экономические санкции определённо могут являться инструментом сдерживания экономического развития, недобросовестной конкуренции. В таких случаях международному сообществу необходимо иметь механизмы определения правомерности таких действий. В настоящее время нет четких критериев, при наступлении которых будет возможен ввод санкционных мер, а также последствий для тех, кто манипулирует «добрыми» намерениями с неконструктивными целями. Что позволяет государствам действовать произвольно в своих интересах, нарушая интересы других сторон.

Известно, что на глобальном уровне в силу объективных причин, среди которых: большой разброс в уровнях экономического развития, отличия в развитости правовых систем, различия видов экономической политики и различные экономические интересы, крайне сложно предложить универсальное решение. На региональном уровне, в рамках отдельных интеграционных объединений, выработать общие правила поведения будет намного проще. Каким органом и с помощью какого механизма должны решаться подобные вопросы? Существует ли решение? Данная неопределённость порождает серьёзную нестабильность, сомнения и неуверенность для всех участников мирового экономического оборота, в том числе государств.

Еще одной важнейшей задачей международного конкурентного права является борьба с трансграничными картелями, однако, урегулирование деятельности последних остается в настоящее время актуальной проблемой, с которой сталкиваются почти все ведомства, ведущие работу по обеспечению конкуренции по всему миру. Данной позиции придерживается и Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации². Начальником Управления международного экономического сотрудничества ФАС России Лесей Давыдовой определено, что вопрос пресечения

---

¹ Сергиевская Н. Проявление недобросовестной конкуренции»: в России отреагировали на расширение санкций против «Северного потока – 2» / Н. Сергиевская, П. Полетаева. – URL : <https://ru.rt.com/hcuk>

² Леся Давыдова. Трансграничные картели требуют глобального ответа. – URL : <https://fas.gov.ru/news/31119>

трансграничных картелей не изучен должным образом и международному сообществу необходимо уделить этому особое внимание. Предлагается обобщить лучшие практики для совершенствования правового аспекта борьбы с деятельностью таких картелей. Приоритетным направлением работы конкурентных ведомств многих стран является борьба с криминализацией картелей и сговорами на торгах, а также покупка стартапов монополистами или слияние последних. Наблюдается тенденция усиления ответственности в отношении картелей, однако, это недостаточно эффективно для решения таких сложных проблем¹. Представляется, что картельный сговор является результатом не только недобросовестности предпринимателей, но и непрозрачности, несовершенства конкурсных процедур, соответственно и законодательства, регламентирующего подобных мероприятий. Большую роль в усложнении регулирования играет именно международный характер правоотношений, возникающих с трансграничными картелями. Особое значение имеет различие полномочий конкурентных ведомств, в частности, и серьезные отличия в национальных правовых системах по вопросу пресечения недобросовестной конкуренции.

Таким образом, международное конкурентное право сталкивается с новыми вызовами, связанными с глобализацией мировой экономики, что порождает необходимость в модернизации действующего права, разработке новых практических решений, эффективных механизмов, основанных на существующие международные институты.

---

¹ Конкурентная политика в Восточной Европе и Центральной Азии. Региональный Центр по Конкуренции ОЭСР-ГВХ в Будапеште (Венгрия) // Информационный бюллетень. № 15, июль 2020 года. – URL : <http://www.oecd.org/daf/competition/oecd-gvh-newsletter15-july2020-ru.pdf>

Раздел II

Актуальные проблемы международного частного права

*Авакян А.М.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Институт договора страхования в настоящее время имеет важное значение в жизнедеятельности любого современного государства ввиду оказания существенного влияния на многие правоотношения, существующие внутри страны. Предугадать возможность наступления негативных событий невозможно, в связи с чем в юридической сфере как России, так и иностранных государств, были закреплены нормы, регулирующие отношения по поводу страхования. При этом содержание таких норм в разных государствах, безусловно, неодинаково, что представляет собой отдельный интерес для подробного изучения. Целью данной научной работы является проведение анализа российского и немецкого правовых механизмов, закрепленных в законодательстве указанных государств, направленных на регулирование отношений, касающихся заключения договоров страхования, а также анализ его видов и иных обстоятельств, связанных с указанной сделкой.

Анализ договора страхования в России и Германии следует начать с изучения законодательной базы, регулирующей данный институт.

В РФ отношения, связанные с договором страхования, регулируются, в первую очередь, Гражданским кодексом РФ¹ (далее –

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.04.2020) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

ГК РФ), а именно: главой 48 ГК РФ. До принятия ГК РФ 1996 года договор страхования регулировался Законом об организации страхового дела в Российской Федерации. ГК РФ закрепляет общие положения, касающиеся заключения договоров страхования, в то время как Закон № 4015-1 устанавливает специальные правила регулирования страхового дела на территории нашего государства.

Теперь следует проанализировать правовое регулирование, осуществляемое немецким законодателем относительно страховых отношений, в частности, заключения сделок по страхованию.

На передний план регулирования отношений по страхованию выносится Германское гражданское уложение¹ (далее – ГГУ), которое в Книге 2 Разделе 2 закрепляет общие положения об обязательствах, возникающих из договоров. В общем виде, как в главе 48 ГК РФ, институт страхования не закреплен в ГГУ: в последнем содержатся лишь некоторые отсылки к заключению таких сделок. Например, в ст. 1045 закреплено положение о том, что польовладелец обязан на свой счет страховать вещь от огня и иных несчастных случаев за все время пользования, если правильное ведение хозяйства требует страхования. Вопросы заключения договора страхования на территории ФРГ закреплены в отдельном Законе о договоре страхования²: например, в ст. 1 закона указывается, что по договору страхования страховщик обязуется обеспечить определенный риск страхователя или третьего лица исполнением, которое он должен произвести при наступлении обусловленного страхового случая. Страхователь обязан произвести страховщику обусловленный платеж (уплатить обусловленную премию). Также помимо указанных нормативных правовых актов на территории Германии действует Закон о надзоре за страховыми организациями³. В соответствии со статьей 81 Закона основными целями страхового надзора являются: обеспечение гарантии защиты интересов страхователей и обеспечение выполнения обязательств страховых организаций перед страхователями в течение всего срока действия договора страхования.

---

¹ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – URL : <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (date of application 20.01.2021).

² Gesetz über den Versicherungsvertrag (Versicherungsvertragsgesetz – VVG). – URL : https://www.insure.travel/netcat_files/userfiles/laws/versicherungsvertragsgesetz_ru.pdf (date of application 20.01.2021).

³ Versicherungsaufsichtsgesetz – VAG. – URL : <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20022427/201507010000/961.01.pdf> (date of application 20.01.2021).

Таким образом, в ФРГ существует свой правовой механизм регулирования отношений, связанных с заключением договоров страхования и осуществления надзора в указанной сфере. При этом мы выявили отличия между немецким и российским законодательством в данной области: ГК РФ, будучи главным гражданским законом РФ, закрепляет в себе нормы о договоре страхования, а ГГУ, будучи главным гражданским законом ФРГ, таких норм не закрепляет – они содержатся в отдельном специальном Законе о договоре страхования.

Теперь следует выявить некоторые теоретические и практические особенности регламентации страховых отношений на территории России и Германии.

Российский законодатель в главе 48 ГК РФ закрепил общие формы и виды страхования: добровольное и обязательное, имущественное и личное. В ч. 1 ст. 32.9 Закона № 4015-1 установлен открытый перечень специальных видов страхования: например, медицинское страхование, пенсионное страхование, страхование грузов, страхование финансовых рисков и др. Указанный закон конкретизирует положения ГК РФ. Немецкий законодатель придерживается несколько иной точки зрения по поводу выделения отдельных видов страхования. Так, исходя из содержания Части 2 Закона ФРГ о договоре страхования, можно выделить такие виды страхования, как:

- страхование гражданской ответственности;
- страхование правовой помощи;
- транспортное страхование;
- страхование строений от огня;
- страхование жизни;
- страхование профессиональной нетрудоспособности;
- страхование от несчастных случаев;
- медицинское страхование.

Сразу отметим, что указанные в законе виды страхования не являются исчерпывающими.

Наименование некоторых видов страхования совпадает с российскими: речь идет о медицинском страховании, страховании жизни, страховании гражданской ответственности. При этом остальные виды представляют отдельный интерес. Так, страхование правовой помощи не известно российскому законодательству.

В Германии указанный вид страхования появился неспроста: немцы достаточно часто прибегают к судебному способу защиты своих прав, что зачастую влечет за собой наложение имущественных обременений в виде судебных издержек. За счет страхования правовой помощи покрываются все либо часть таких издержек, что, безусловно, положительно сказывается на финансовом состоянии застрахованного лица.

Транспортное страхование, на первый взгляд, вызывает ассоциации с аналогичным в российском законе страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, но, на самом деле, все обстоит несколько иначе. Гражданская ответственность владельцев транспортных средств в ФРГ регулируется главой 1 части 2 Закона о договоре страхования, которая так и именуется: «Страхование гражданской ответственности». Вместе с этим транспортное страхование согласно ст. 130 Закона о договоре страхования осуществляется в отношении грузов от рисков перевозки по суше или по внутренним водным путям, а также связанным с ней хранением. Также в транспортное страхование включается страхование судна от рисков внутреннего судоходства.

Страхование строений от огня в ФРГ выделяется в качестве отдельного вида страхования, в то время как в РФ любые здания являются имуществом, которое подлежит страхованию в соответствии со ст. 930 ГК РФ (страхование имущества). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении¹ под имуществом, которое может быть застраховано, следует понимать объекты гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ и в отношении которых может существовать законный интерес в сохранении, т.е. они могут быть утрачены (полностью или частично) либо повреждены в результате события, обладающего признаками вероятности и случайности его наступления, и вред, причиненный которым, имеет прямую денежную оценку. Страхование строений от огня в ФРГ имеет особенность, связанную с субъектным составом: в таких отношениях согласно положениям главы 4 части 2 Закона ФРГ о договоре страхования участвует ипотечный кредитор. Следовательно, можем сделать вывод о том, что объектом

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

страхования выступает не всякое строение, а то, в отношении которого имеется обременение в форме ипотеки.

Выделение в качестве отдельного вида страхования профессиональной нетрудоспособности немецким законодателем, на наш взгляд, направлено на выполнение социальных функций, связанных с оказанием финансовой помощи гражданам, пострадавшим от событий, явлений, произошедших в рамках их работы, труда. В ч. 2 ст. 172 Закона ФРГ о договоре страхования конкретизируется содержание термина «профессионально нетрудоспособное лицо»: под ним понимают лицо, которое полностью или частично, предположительно на длительное время, не может более работать по своей последней профессии в форме, которую она имела перед повреждением здоровья, в результате болезни, телесного повреждения или упадка сил, выходящего за пределы соответствующих возрастных явлений. Термин содержит несколько размытых, по нашему мнению, положений: «упадок сил», «предположительно на длительное время». Вместе с этим немецкий законодатель не исключает такие положения из закона, следовательно, это не вызывает трудностей в правоприменительной практике.

Страхование жизни и здоровья в РФ и ФРГ имеет как общие, так и различные признаки. К общим можно отнести факт закрепления такого вида страхования, как страхование жизни: ст. 934 ГК РФ, ст. 32.9 Закона № 4015-1 – в России, глава 5 Закона о договоре страхования – в Германии. При этом страхование здоровья несколько отличается в данных государствах по правовому закреплению. Так, в РФ страхование здоровья, в общем виде, закреплено в ч. 1 ст. 934 ГК РФ – «договор личного страхования». Указанные положения конкретизируются в п. 4 ч. 1 ст. 32.9 Закона № 4015-1 – «страхование от несчастных случаев и болезней». Германии «страхование здоровья отсутствует», но имеется «страхование от несчастных случаев», которое и подразумевает собой страхование от события, внезапно воздействующего извне на его тело, которым недобровольно причиняется повреждение здоровья. Таким образом, в российском законе прямо закреплена возможность заключения договора личного страхования относительно здоровья, в то время как в немецком законе закрепляется возможность заключить только договор страхования от несчастных случаев: отсутствует упоминание о страховании здоровья.

Вообще, можно отметить, что немцы считаются одной из таких наций, которые очень часто пользуются страховыми услугами, что связано с особенностями менталитета, благосостоянием народа. Рынок страхования в Германии отличается от остальных динамичным развитием. Каждый год происходит прирост поступлений страховых взносов (составляет 10 %). Личное страхование в системе немецкого рынка страхования занимает примерно 37 %. Медицинское страхование, которое менее популярно, чем в других странах Западной Европы, составляет примерно 12 % общего объема поступлений платежей по страхованию. Имущественное страхование занимает 51 % немецкого рынка страхования¹.

Системы социального страхования в России и Германии имеют некоторые общие черты. Так, ряд исследователей отмечает, что общей для обеих стран является проблема финансовой сбалансированности систем пенсионного страхования. Такая проблема существует, поскольку повышение уровня жизни и тенденция к старению населения приводят к увеличению доли пенсионеров и снижению количества плательщиков взносов. Тем самым объемы финансовых средств становятся одной из наиболее крупных статей общественных расходов². Разрешение указанной проблемы может заключаться в увеличении объема бюджетных средств, которые направлены на выплаты пенсий гражданам государств. Такое увеличение возможно осуществить посредством перераспределения денежных средств в бюджете (установления баланса). Современное положение, характеризующееся увеличением расходной части бюджета на выплаты пенсионерам, требует соответствующих мер реагирования, которые, на наш взгляд, могут заключаться в предложенном нами варианте решения проблемы.

Также считаем нужным отметить, что заключение договоров страхования в РФ и ФРГ имеют некоторые различия. Так, например, согласно ст. 957 ГК РФ, по общему правилу, договор вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса,

---

¹ Кравцов Г.И. Сравнительная характеристика института страхования в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии / Г.И. Кравцов // Молодой ученый. – 2020. – № 22(312). – С. 269.

² Колодезникова И.В. Особенности функционирования систем социального страхования России и Германии: социологический анализ / И.В. Колодезникова, Р.В. Кондуров, Д.В. Галицкая // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 108.

а страхование по указанному договору распространяется на страховые случаи, произошедшие после вступления сделки в силу. Но при этом договором может быть предусмотрен иной порядок: стороны могут договориться об ином моменте вступления договора в силу либо об ином периоде времени, на который распространяется страхование. Российский законодатель предусматривает указанные возможности в качестве исключений. В Законе Германии о договоре страхования в ст. 2 прямо закрепляется, что указанная сделка может быть осуществлена «на прошлое время»: договор страхования может предусматривать, что страховая защита начинается до момента заключения договора.

Также, например, отличием можно назвать закрепление в Законе Германии о договоре страхования в ст. 16 положения о несостоятельности страховщика: «Если по имуществу страховщика возбуждается производство по делу о несостоятельности, страховые отношения прекращаются с истечением одного месяца после возбуждения; до этого момента они действительны в отношении конкурсной массы». Немецкий законодатель предусмотрел последствия начала процедуры банкротства в отношении страховщика, в то время как ГК РФ подобных положений не содержит, т.к. все вопросы банкротства регулируются в соответствии с отдельным законом.

Таким образом, проведенный анализ правового регулирования договора страхования в России и Германии позволил нам выявить некоторые общие и различные черты в порядке заключения таких сделок, а также в регулировании отдельных видов договоров страхования. На наш взгляд, российскому законодателю следует заимствовать опыт немецких коллег в части введения нового вида договора страхования: «Страхование правовой помощи». В России многие лица, как и в Германии, очень часто обращаются в судебные органы за защитой своих прав, что влечет за собой наложение судебных издержек, суммы которых не ограничены. Страхование риска возложения на проигравшую сторону таких издержек будет способствовать повышению стабильности материального состояния лица, а также отстранению такого лица от вынужденных растрат.

*Бахметьев П.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ УМНЫХ ДОГОВОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Развитие цифровых технологий, с каждым годом оказывает всё большее влияние на все сферы человеческого бытия. Современные технологии интенсифицировали процессы генерации и обмена информацией, чем породили новые сферы и способы взаимодействия, в том числе, требующие правовой оценки и регулирования.

Процессы становления и развития цифровых технологий происходят глобально и воплощаются на практике, внедряются в оборот, достаточно быстро. Очевидно, что новые способы взаимодействия, новые цифровые явления и объекты требуют правового регулирования, которое часто отстаёт от современных технологий. Это влечёт за собой ряд проблем.

Первая заключается в том, что процесс правового регулирования и процесс возникновения новых цифровых средств, происходят на разных уровнях. Первый реализуется в рамках национальных правовых систем суверенных, независимых государств, а второй зачастую глобален и не согласован с какими бы то ни было правовыми системами. Более того, часто технологии возникают «вопреки» правовому регулированию, и изначально направлены на обход законодательств сразу нескольких государств.

Ярким примером такой технологии, являются криптовалюты (Bitcoin, Ethereum и т.п.). В отличие от электронных денег и интернет-банкинга, криптовалюты предлагают инструменты по эмиссии, учёту и расчетам в цифровом формате. При этом, гарантируя высокую долю анонимности, выводя часть операций из правового поля отдельных государств и формируя глобальные «чёрные

рынки», в рамках которых могут происходить анонимные операции как с оборотом изъятых из оборота, запрещённых товаров, так и с отмыванием средств, финансированием террористических или экстремистских организаций.

Реакция государств на возникновение подобных технологий может быть разной и чаще всего, не согласованной между собой, что порождает вторую проблему – коллизии норм права, регулирующих вновь возникшее виды правоотношений.

Например, в ФРГ криптовалюты решили рассматривать как финансовый инструмент, представляющий собой форму «частных денег». В Швейцарии их приравнивали к иностранной валюте. В США их рассматривают в трёх аспектах – как деньги, как собственность и как биржевые товары. Китайский законодатель определяет криптовалюту как особый вид товара, оборот которого запрещён на территории государства¹.

Российский же законодатель выбрал иной подход к определению криптовалюты и её правовому регулированию. В ранних версиях законопроекта Федерального закона, подготовленного Министерством финансов РФ «О цифровых финансовых активах», можно найти такую дефиницию: «Криптовалюта – вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределённом реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций»². Но в финальную редакцию Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» термин «криптовалюта» не вошел. Законодатель использует более объёмлющий термин – цифровая валюта.

Цифровой валютой, в соответствии с Федеральным законом № 259-ФЗ, признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной

---

¹ Губарева А.В. Проблемы правового статуса криптовалюты в системе международных расчетов / А.В. Губарева, К.Е. Коваленко, Н.Е. Коваленко // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 6. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-pravovogo-statusa-kriptovalyuty-v-sisteme-mezhdunarodnyh-raschetov> (дата обращения 10.03.2021).

² Проект Федерального закона подготовлен Министерством финансов РФ «О цифровых финансовых активах» (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.01.2018). – URL : https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810 (дата обращения 28.02.2021).

системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам¹.

Таким образом, под определение цифровой валюты, попадают не только криптовалюты, но и всевозможные «электронные деньги», бонусы на накопительных дисконтных картах, начисленные банками и иными организациями за пользование их услугами, в том числе в виде «кэшбэка» и т.п.

Указанный выше законопроект содержал и ряд других базовых понятий, которые в итоге не нашли своего отражения в принятом законе. В их числе смарт-контракты (умные контракты), которые предполагалось определить как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Такое определение представляется весьма дискуссионным, наверное, поэтому оно и не было зафиксировано в итоговом акте. Вообще, доктрина знает множество подходов к определению умных контрактов. Например, Савельев А.И. придерживается мнения, что это «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе Blockchain, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»².

---

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. № 50. 2020. Ст. 8185.

² Савельев А.И. Договорное право 2.0: умные контракты как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 32–60.

Такой подход требует определения ряда явлений, в первую очередь «платформы Blockchain», технологии, которая лежит в том числе и в основе криптовалют и может быть никак не связана с другими видами «цифровых валют» или «электронных денег».

Существует и другой подход, при котором эксперты разделяют правовые и технические аспекты умных контрактов. М.Ю. Юрасов и Д.А. Поздняков выделяют две сущности этого явления – правовой договор и компьютерная программа¹.

На практике, Федеральным законом от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, которые в ст. 160 фиксируют фактическое равенство умного контракта и письменного договора, а также позволяет использовать его как письменное доказательство².

Важно отметить, что умный контракт, как симбиоз правового договора и компьютерной программы, содержит себе часть, которой трудно давать сугубо правовую оценку – это компьютерный код. Для наиболее эффективного толкования умного договора, предлагается снабжать такие контракты приложениями, раскрывающими смысл значимых частей кода – переменных, циклов, функций и т.д. в доступной лексической форме³.

Первой страной, легализовавшей такую форму заключения соглашений как умные договоры, является Беларусь. В приложении 1 к Декрету Президента Республики Беларусь 21.12.2017 № 8, умный контракт определяется как «Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или)

---

¹ Юрасов М.Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн / М.Ю. Юрасов, Д.А. Поздняков. – URL : <https://docs.google.com/document/d/1h7yFK5V1W8OCCAcYWXLIBymgsHjq9BI0QjrYCavvqLU/edit#heading=h.gjdgxs> (дата обращения 15.02.2021).

² Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. № 12. 2019. Ст. 1224.

³ Селезнева П.Ю. Проблемы разрешения споров по договорам с использованием смарт-контрактов / П.Ю. Селезнева, А.В. Лошкарёв // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 5-4.

исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий»¹.

Коллизии, возникающие на базовом уровне понятийного аппарата, при сравнении законодательств двух стран, очевидны. Умный договор, заключённый с использованием цифровых валют (не криптовалют), выпадает из поля правового регулирования Республики Беларусь в то время, как терминам «Смарт-контракт» и «блокчейн», нет легального определения в Российской Федерации. А если погрузиться в суть термина умных договоров, то можно прийти до вполне аналоговых, не цифровых, их реализаций.

Сегодняшние темпы развития технологий, во многом опережают многие социальные циклы. Пока студенты получают образование, в рамках их профессий, особенно в сфере высоких технологий, могут произойти такие изменения, которые частично или полностью обесценят полученные знания. Исходя из этого, рациональней регулировать не конкретные, уже возникшие явления, а стараться развивать концепции и методики и «заделом» на будущее.

Важно учесть, что такое явление как умный контракт, подвержено влиянию не только правовых, но и неких «цифровых», технических принципов. К таким принципам можно отнести принцип самоисполнимости, принцип удалённого исполнения договора, принцип фиксации сделок в реестре (будь то блокчейн-платформа или база данных или прочий носитель внутри технического устройства, с участием которого осуществляется заключение и/или исполнение умного договора).

Такого рода принципы и основы, а также терминологический и методологический аппараты, рано или поздно должны быть проработаны международным сообществом и заложены в фундамент нового универсального соглашения.

Таким образом, подводя итог, отметим, что для эффективного регулирования умных договоров в международном гражданском обороте, требуется всеобщая гармонизация правовых, отраслевых, общих частноправовых и специальных, осложнённых

---

¹ Приложение 1 к Декрету Президента Республики Беларусь 21.12.2017 № 8. П. 9. – URL : <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения 12.02.2021).

иностранным элементом, правовых принципов, а также, принципов, связанных с технической реализацией и цифровыми аспектами умных договоров. Объективный и беспощадный процесс глобализации в цифровой сфере, подталкивает параллельный процесс в сфере правовой, «подмывает» суверенитеты государств в угоду всеобщей унификации. Те, кто за ним не поспеет, рискуют столкнуться с проблемами «чёрных рынков», уходом отдельных секторов экономики «в тень», не говоря уже о подрыве стабильности национальных валют. Пока одни государства выбирают политику изоляционизма с дальнейшим продвижением своих идей, другие предпочитают игнорировать проблему и вообще запрещают применение новых технологий в таком ключе.

Мы знаем, что новые технологии есть и они развиваются, но мы не знаем, как и когда возникнут новые технологии, требующие правового регулирования. Идеальным решением было бы предвосхитить появление новых решений в цифровой сфере и урегулировать их заранее. Но для начала, требуется прочная основа, как минимум в формате терминологической базы. Хорошим примером могут служить правила Инкотермс.

*Засемкова О.Ф.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
международного частного права,
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва*

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ, ПРИМЕНИМОМ К ПОХИЩЕННЫМ И НЕЗАКОННО ВЫВЕЗЕННЫМ КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ

Похищенные в ходе вооруженных конфликтов и войн культурные ценности часто вывозятся из страны их происхождения и

пересекают территорию не одного государства¹. Например, в 1941 г. похищенные в Нидерландах картины сначала были отправлены в Германию, а в 2001 г. были выставлены на продажу аукционным домом *Dorotheum*, находящимся в столице Австрии – г. Вене.

Трансграничный характер такого рода дел существенно осложняет возврат похищенных культурных ценностей, поскольку в отсутствие унифицированных международных актов, содержащих единые материально-правовые или хотя бы коллизионные нормы, позволяющие решить все необходимые вопросы², данные проблемы подлежат разрешению на основе норм национального законодательства, которое существенно отличается от государства к государству.

При этом согласно законодательным актам по международному частному праву большинства стран вопросы, связанные с возвратом культурных ценностей, подлежат урегулированию на основе тех же коллизионных принципов, которые применяются для выбора применимого права к вещным правам. В качестве такого принципа, как правило, выступает закон места нахождения вещи (*lex rei sitae*)³, разработанный еще в XIV веке и получивший широкое распространение в качестве ключевого коллизионного

---

¹ По оценкам экспертов, оборот мирового рынка произведений искусства и культурных ценностей ежегодно составляет 6–8 млрд долларов США. Таким образом, это третий по размеру оборота незаконный рынок после рынков по торговле оружием и наркотическими средствами. См.: Cross-border restitution claims of looted works of art and cultural goods. European Added Value Assessment. Accompanying the European Parliament's legislative initiative report (Rapporteur: P. Svoboda). – URL : [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU\(2017\)610988_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU(2017)610988_EN.pdf) (дата обращения 28.02.2021).

² Следует, однако, отметить, что в настоящее время принят целый ряд документов, содержащих унифицированные правила, посвященные защите культурного наследия (в части сохранения исторических памятников, организации культурного диалога между народами и др.): например, Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и протоколы к ней, Конвенция об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей 1985 г., Конвенция УНИДРУА о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г., Соглашение стран СНГ о вывозе и ввозе культурных ценностей 2001 г., Директива Европейского Парламента и Совета ЕС № 2014/60/ЕС от 15 мая 2012 г. о возврате культурных ценностей, незаконно вывезенных с территории государств-членов ЕС, и другие. Несмотря на это, целый ряд вопросов, касающихся определения права собственности на такие культурные ценности, остается неурегулированным и требует обращения к национальному законодательству.

³ Международное частное право : учебник / Под ред. Г.К. Дмитриевой. – 5-е изд. – М., 2021. – С. 357.

принципа для разрешения коллизии права в области имущественных отношений.

Однако, несмотря на кажущееся единообразие в решении данного вопроса, государства по-разному подходят к определению момента времени, на который определяется место нахождения спорного имущества, а также используют разные связующие факторы. Так, во Франции за основу принимается место нахождения культурной ценности в момент рассмотрения дела в суде¹. В Англии речь идет о месте нахождения имущества в момент совершения сделки с ним², в то время как в других странах в качестве отправной точки используется место нахождения культурной ценности в момент ее похищения (*lex furti*) либо место ее происхождения (*lex originis*)³.

При этом применение каждого из указанных принципов имеет свои недостатки и не всегда ведет к приемлемым результатам. Так, если культурные ценности были похищены или незаконно вывезены из страны их происхождения в другое государство, в котором добросовестный приобретатель получил права на него, то применение принципа *lex rei sitae* может привести к признанию права собственности на данные ценности за последним, что, очевидно, противоречит интересам их первоначального владельца.

Не меньшие сложности возникают и применительно к принципу *lex originis*, который, несмотря на свою кажущуюся простоту и справедливость, также не лишен недостатков, к числу которых относятся сложность, а иногда и невозможность определения точного географического или культурного происхождения таких ценностей. Проблема осложняется и тем, что государство, из которого такие ценности были похищены, необязательно будет иметь более тесную связь с ними, чем *lex rei sitae* (например, в случае если данные культурные ценности были похищены в момент их доставки на территорию другого государства для проведения выставки или осуществления работ по реставрации).

---

¹ Stroganoff-Scerbatoff v. Bensimon // 56 Rev. crit. De dr. int. Privé. – 1967.

² Winkworth v. Christie's Ltd. – 1980. – Part 1. – P. 496.

³ Cross-border restitution claims of looted works of art and cultural goods. European Added Value Assessment. Accompanying the European Parliament's legislative initiative report (Rapporteur: P. Svoboda). – URL : [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU\(2017\)610988_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU(2017)610988_EN.pdf) (date of application 28.02.2021).

В связи с этим, наилучшим решением вопроса о выборе права, применимого к вещным правам на похищенные или незаконно вывезенные культурные ценности, является подход, закрепленный в Кодексе Бельгии о международном частном праве¹ и основанный на сочетании нескольких коллизионных принципов – права страны, с территории которой культурная ценность была похищена (*lex furti*), и права страны, на территории которой спорный объект находится в момент рассмотрения спора (*lex rei sitae*). Так, согласно ст. 90 данного Кодекса «если имущество, которое государство считает относящимся к его культурному наследию, было вывезено за пределы территории данной страны незаконным по законодательству этого государства способом, то к требованию о его возврате подлежит применению право этого государства, или по выбору заявителя – право государства, на территории которого спорный объект находится в момент предъявления требования о возврате».

Схожим образом данный вопрос решается в Законе Венгрии о международном частном праве²: «Если имущество, которое государство считает частью своего культурного наследия, покидает территорию данного государства незаконным способом, то при предъявлении иска о его возврате должно, по усмотрению заявителя, применяться его собственное право или право того государства, в котором спорное имущество находится в момент рассмотрения спора».

Аналогичная позиция отражена в исследовании, проведенном Европейской парламентской исследовательской службой (EPRS) в отношении «Трансграничных требований о возврате похищенных культурных ценностей и произведений искусства», в котором предлагается закрепить в европейском законодательстве единое коллизионное правило по выбору права, применимого к

---

¹ Закон Бельгии о международном частном праве (вступил в силу с 01 октября 2004). – URL : <https://pravo.hse.ru/data/2019/01/29/1200223234/%D0%91%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%B3%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202017.pdf> (дата обращения 08.03.2021).

² Закон Венгрии XXVIII от 2017 г. о международном частном праве. – URL : <https://pravo.hse.ru/data/2020/02/27/1560750027/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%20%D0%9C%D0%A7%D0%9F%20%D1%80%D0%B5%D0%B4.%202018.pdf> (дата обращения 08.03.2021).

таким требованиям, разработанное на основе ст. 90 Кодекса Бельгии о международном частном праве¹.

Не меньшие вопросы выбор права, применимого к вещным правам на похищенные и незаконно вывезенные культурные ценности, вызывает и в других странах.

В связи с этим, интерес представляет дело, рассмотренное судом КНР в 2020 г., в котором суд впервые осуществил толкование закрепленного в законодательстве коллизионного принципа *lex rei sitae* в контексте дел, связанных с возвратом похищенных культурных ценностей.

Обстоятельства дела были следующими². В 1996 г. голландский архитектор купил буддийскую статую у коллекционера, который, в свою очередь, приобрел ее в Гонконге. Стремясь устранить имеющиеся на статуе сколы и трещины, архитектор отдал ее на реставрацию, в ходе которой внутри статуи было обнаружено мумифицированное тело. Проведенные исследования показали, что возраст тела составляет примерно 900–1000 лет, а внутри него были найдены обрывки бумаги с китайскими иероглифами.

В 2014 г. архитектор передал статую музею для выставки «Мумии мира», которая весной 2015 г. побывала в Венгрии. Сообщения прессы о выставке и представленном на ней экспонате насторожили жителей китайских деревень. Основываясь на фотографиях, сделанных на выставке, и архивах, хранящихся в Китае, они сделали вывод о том, что принадлежащая архитектору статуя – та самая, которая на протяжении почти 1000 лет хранилась в одном из храмов, принадлежащих двум китайским деревням – «Юньчунь» и «Дунпу», и почиталась местными жителями, пока не исчезла в декабре 1995 г.

В связи с этим, представители комитетов этих деревень обратились к голландскому архитектору с требованием вернуть им статую, на что получили отказ, после чего они подали

---

¹ Cross-border restitution claims of looted works of art and cultural goods. European Added Value Assessment. Accompanying the European Parliament's legislative initiative report (Rapporteur: P. Svoboda). – URL : [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU\(2017\)610988_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/610988/EPRS_STU(2017)610988_EN.pdf) (date of application 08.03.2021).

² The Chinese villages win a lawsuit in China to repatriate a Mummified Buddha Statue hold by a Dutch Collector – What Role has Private International Law Played? – URL : <https://conflictoflaws.net/2020/the-chinese-villages-win-a-lawsuit-in-china-to-repatriate-a-mummified-buddha-statue-hold-by-a-dutch-collector-what-role-has-private-international-law-played/> (date of application 09.03.2021).

соответствующий иск в суд, причем одновременно как в суд провинции Фуцзянь (Китай), так и в суд г. Амстердама (Нидерланды).

В 2018 г. Окружной суд Амстердама принял решение об отсутствии своей юрисдикции по рассмотрению спора¹. В отличие от этого, китайский суд рассмотрел дело и 04 декабря 2020 г. вынес решение в пользу истцов², обязав архитектора вернуть статую ее первоначальным владельцам, то есть представителям китайских деревень.

При этом одним из центральных вопросов, стоявших перед судом в данном деле, наряду с вопросом определения юрисдикции, стал вопрос о выборе применимого права, от которого зависел исход спора. В частности, в случае применения права Китайской Народной Республики (далее – КНР) (как этого просили истцы), все права на статую принадлежали бы им, поскольку в силу Закона КНР о собственности правила о добросовестном приобретении не распространяются на похищенные культурные ценности. Если же применимым было бы признано право Нидерландов (как указывал ответчик), то права на статую принадлежали бы ему, поскольку в отличие от законодательства КНР, Гражданский Кодекс Нидерландов не устанавливает никаких ограничений в отношении добросовестного приобретения. Таким образом, суду надлежало решить какой из двух правопорядков – КНР или Нидерландов – должен применяться в данном случае.

В связи с этим, необходимо отметить, что на протяжении долгого времени в КНР не было отдельного кодифицированного акта, посвященного вопросам международного частного права. Вместо этого, его нормы были «разбросаны» по отдельным законодательным актам и не предусматривали положений, позволяющих выбрать применимое право к вещным правам. Ситуация изменилась только в 2010 г., когда в КНР был принят специальный законодательный акт – Закон о праве, применимом к гражданско-правовым

---

¹ C/13/609408 / HA ZA 16-558, Court of Amsterdam, 12 December 2018. – URL : <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:RBAMS:2018:8919> (дата обращения 08.03.2021).

² The Committee of Yunchun Village and the Committee Dongpu Village v. Oscar Van Overeem, Design & Consultancy B.V. and Design Consultancy Oscar van Overeem B.V., the Sanming Intermediate People's Court (2015) Sanmin Chuzi № 626; 福建“章公祖师”肉身坐佛像追索案一审宣判. – URL : <http://fjfy.chinacourt.gov.cn/article/detail/2020/12/id/5647265.shtml> (date of application 09.03.2021).

отношениям, осложненным иностранным элементом¹ (далее – Закон КНР 2010 г.), который, однако, вступил в силу уже после того, как статуя была похищена и незаконно вывезена с территории данной страны, и, как следствие, не должен был применяться к рассматриваемым отношениям.

Несмотря на это, суд пришел к выводу о необходимости применения положений данного Закона для выбора применимого права, в обоснование сославшись на ст. 2 Разъяснения Судебного комитета Верховного народного суда КНР от 10 декабря 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона КНР о праве, применимом к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом»², согласно которому: «Гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, возникшие до введения в действие Закона КНР 2010 г., подлежат регулированию в соответствии с теми правилами выбора права, которые действовали на момент возникновения таких отношений. Однако при отсутствии в действовавшем на тот момент законодательстве подходящих коллизионных норм, для выбора применимого права может использоваться Закон КНР 2010 г.».

Таким образом, учитывая отсутствие в ранее действовавшем законодательстве подходящих положений, для выбора применимого права суд обратился к положениям Закона КНР 2010 г., а именно к § 37 данного акта, согласно которому «стороны вправе выбрать право, применимое к вещным правам на движимое имущество; а при отсутствии такого выбора применяется право страны, на территории которой данное имущество находилось в момент возникновения юридического факта».

Ввиду отсутствия соглашения сторон на этот счет, вопрос о праве собственности на статую и иные спорные моменты должны были решаться по праву той страны, на территории которой данное имущество находилось, то есть по принципу *lex rei sitae*. Однако далее суд должен был решить вопрос о том, какой конкретно

---

¹ Huo Z. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law // Highlights of China's New Private International Law Act. 2011. 45 R. J. T. – P. 652–653.

² Erläuterungen des Obersten Volksgerichts zu Fragen des «Gesetzes der Volksrepublik China über das anwendbare Recht auf zivilrechtliche Beziehungen mit Außenberührung» (Teil 1). 10 Dezember 2012 // Max Planck Private Law Research Paper. – 2013. – № 13/25. – P. 109–110.

момент должен стать решающим для выбора применимого права – момент похищения статуи с территории КНР, момент ее приобретения голландским архитектором или вообще момент начала рассмотрения спора? Изучив обстоятельства дела, суд пришел к выводу о том, что в данном случае речь идет о возврате культурной ценности, имеющей огромное историческое и религиозное значение для заявителей. Поэтому толкование принципа *lex rei sitae* следует осуществлять в свете предмета и целей международных договоров, посвященных защите культурных ценностей, в которых участвует КНР, а именно:

– Конвенции ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г.¹;

– Конвенции УНИДРУА о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 г.²

Поскольку оба эти документа посвящены запрету незаконного оборота культурных ценностей и направлены на содействие их возврата в страну их происхождения, данное правило (*lex rei sitae*) следует трактовать как право страны, на территории которой такая ценность находилась в момент похищения (*lex furti*), так как именно такое толкование способствует защите культурного наследия и его возврату, в то время как применение права страны, в которой была совершена сделка по ее приобретению (пусть и добросовестным лицом) не только способствовало бы «отмыванию» похищенных культурных ценностей, но и внесло бы элемент неопределенности в вопрос выбора права в отношении спорного имущества. Таким образом, суд пришел к выводу о том, что в данном случае место нахождения статуи следует определять на момент ее похищения, а не на момент ее приобретения голландским архитектором. Как следствие, к спорному отношению было применено право КНР, исходя из положений которого правила о добросовестном приобретении не распространяются на похищенные

---

¹ Convention on the Means of Prohibiting and Preventing the Illicit Import, Export and Transfer of Ownership of Cultural Property 1970. – URL : http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13039&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (date of application 09.03.2021).

² UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects 1995. – URL : <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention> (date of application 09.03.2021).

культурные ценности. Соответственно, истцы сохранили все права на статую, которая должна быть им возвращена.

Несмотря на отсутствие гарантии исполнения данного решения на территории Нидерландов, его значение сложно переоценить, поскольку в нем китайский суд впервые разъяснил значение принципа *lex rei sitae* применительно к § 37 Закона КНР 2010 г. и указал на необходимость его толкования через призму конвенций о защите культурных ценностей. А учитывая огромное число похищенных и незаконно вывезенных из Китая культурных ценностей, данное решение может иметь далеко идущие последствия и оказать существенное влияние на последующую судебную практику по данному вопросу.

*Козлов Д.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ИНОСТРАННЫХ ПРАВОПОРЯДКАХ

Под иностранными правопорядками следует рассматривать национальное законодательство отдельных государств. Несмотря на все многообразие правовых систем различных государств можно выделить три варианта изложения соответствующих норм.

Первый вариант – это дуалистическая или франко-германская система. В этих странах одновременно действуют и гражданский и торговый кодекс. Соответственно регулирование предпринимательства содержится в двух кодифицированных документах, с акцентом на торговый кодекс. При этом следует учитывать, что с течением времени гражданское законодательство получило безусловный перевес, и торговые кодексы рассматриваются исключительно как специальные нормы по некоторым вопросам. Падение значения торгового кодекса ярко выражено во Франции. Он был принят в 1807 году, а последнее его официальное издание

приходится на 1844 год. В результате в его тексте попадаются откровенно устаревшие ссылки на королевские полномочия.

Второй вариант – торгово-монистическая система. Здесь действует единый торговый кодекс при отсутствии гражданского аналога. Примером являются США с Единообразным торговым кодексом. Гражданские правоотношения регулируются только на уровне штатов, и не везде существуют свои кодексы. Однако подобное построение фактически нигде больше не известно и выглядит откровенной аномалией.

Третий вариант – гражданско-монистическая система. Здесь действует только гражданский кодекс, а предпринимательские отношения регулирует подчинённые ему законодательные акты. К этой системе относится РФ и большинство государств. Некоторые авторы рассматривают этот факт как отсталость отечественного законодательства и наследие советского периода. Однако это выглядит скорее будущим всего европейского законодательства.

Как видно из вышеизложенного для европейского (континентального) законодательства основным является изложение норм о предпринимательстве в отдельных торговых кодексах. Образцом для подражания на протяжении всего XIX века служил Торговый Кодекс Франции 1807 года (далее – ФТК)¹.

Открывает данный документ статья 1, в которой говорится, что коммерсантами являются лица, которые совершают торговые сделки в процессе осуществления своей обычной профессии. При этом статья 1 входит в титул 1 «О коммерсантах» и книгу 1 «О торговле вообще». Иными словами, коммерция и торговля рассматривают как синонимы, поскольку *commercial* в переводе с латыни это и есть торговля. Действует безусловный запрет на коммерческую деятельность несовершеннолетних. Супруг коммерсанта признается таковым, только если ведет отдельную коммерческую деятельность независимо от своего супруга.

Статус коммерсанта для физического и юридического лица приобретается с момента государственной регистрации (ст. 64 ФТК). Регистрационный номер должен указываться на всех документах, исходящих от конкретного коммерсанта (ст. 72 ФТК).

Как видно из представленных норм, никаких существенных признаков предпринимательства в ФТК не приводится.

---

¹ Торговый Кодекс Франции 1807 года. – URL : <https://constitutionallaw.ru/?p=785>

Единственное исключение – это указание на постоянность осуществления торговых сделок. Однако четкого определения, что такое торговые сделки не существует.

Достаточно сказать, что ряд сделок признаются торговыми только в случае их систематического характера. Например, комиссионный договор в качестве торговой сделки рассматривается, только если физическое или юридическое лицо занимается подобными операциями на профессиональной основе. Для отграничения таких сделок от аналогов, не носящих постоянный и регулярно повторяющийся характер, ФТК использует понятие предприятие (entreprises). В результате считается, что комиссионер, заключающий торговые сделки, ведет предприятие по комиссионной торговле.

Однако французский законодатель далеко не везде выдерживает подобный подход. В частности, применительно к продаже недвижимости он выдерживается строго, а вот продажа движимого имущества, предполагающая получение прибыли во всех случаях, считается торговой сделкой, даже если носит случайный характер. Подобная непоследовательность справедливо оценивается как недостаток ФТК. Кроме того, смешение понятий «сделка» и «предприятие» также является ошибкой разработчиков наполеоновского торгового кодекса.

Таким образом, явным признаком коммерсанта выступает только его государственная обязательная регистрация. Необходимость отвечать по сделкам предполагает совершеннолетие и дееспособность предпринимателей, однако и для обычных граждан полная дееспособность и полная имущественная ответственность наступает с совершеннолетием.

Кроме того, из положений ФТК можно вывести, что коммерческая деятельность должна носить систематический характер и составлять львиную долю обычного дохода коммерсанта. Здесь проходит водораздел между коммерсантами и рабочими, чиновниками, лицами, живущими на пенсии и пособия. Также предполагается, что коммерсант отвечает по торговым сделкам всем своим имуществом. Однако все эти моменты носят неявный характер и выделяются только в результате толкования ФТК и оценки общих правил предпринимательства.

Подобные недостатки, неоднократно проявлявшиеся в ходе торговой деятельности, были учтены при разработке Германского Торгового Уложения 1897 года (далее – ГТУ)¹.

Согласно § 1 ГТУ, коммерсантом является тот, кто занимается торговым промыслом. А дальше в отличие от ФТК прямо указываются виды сделок, которые относятся к торговому промыслу. В их состав включаются: сделки с товарами и ценными бумагами; выполнение работ, страхование, банкирская и ростовщическая деятельность; перевозка грузов и пассажиров; сделки по представительству и хранению; издательская и типографная деятельность. Кроме того, любое лицо, осуществляющее иную деятельность и заключающее другие сделки, вправе получить статус коммерсанта, зарегистрировавшись в специальном торговом реестре.

Обязательность государственной регистрации, распространяется на все виды предпринимательства за исключением сельского, лесного хозяйства и мелкого предпринимательства. В последнем случае речь идет об осуществлении торгового промысла время от времени и в незначительном объеме.

Торговый реестр ведется судами, публикуется в специальных изданиях, сведения из него доступны любому желающему. Подробно прописываются условия регистрации структурных подразделений коммерсанта в другой местности (они называются отделениями) и за границей.

Специальный раздел ГТУ посвящен фирменному наименованию (фирме). Нормы о фирме изложены применительно к статусу коммерсанта, а не как разновидность интеллектуальных прав. Это имеет логический смысл, поскольку в германском коммерческом обороте с точки зрения права выступает именно фирма.

Согласно § 30 любой новый коммерсант, как гражданин, так и организация должен отличаться от уже зарегистрированных предпринимателей, то есть индивидуализировать свою фирму. Если в рамках земли (региона ФРГ) уже существует аналогичная фирма (с таким же названием или именем-фамилией), новый коммерсант обязан придумать для себя дополнение, или его не внесут в торговый реестр.

---

¹ Германское торговое уложение. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. – 1897. – URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30023323

В соответствии с § 23 фирма не может быть отчуждена без передачи торгового дела, для которого оно используется.

Таким образом, в ГТУ, в отличие от ФТК в дополнение к обязательности государственной регистрации действуют еще два признака предпринимательства. Во-первых, четко перечисляются виды деятельности, которые относятся к предпринимательству. Иными словами, указывается область действия коммерсантов. Во-вторых, прямо прописывается связь коммерсанта с фирмой и необходимость её индивидуализации. Без фирмы коммерсант не может действовать в торговом обороте.

Наличие трех обязательных признаков кроме одного, позволяет не рассматривать систематичность торгового промысла (он не важен для мелкого предпринимательства) и обязанность отвечать по долгам всем своим имуществом (правило распространяется и на обычных граждан и некоммерческие организации).

В результате под коммерсантом по германскому праву следует понимать лицо, осуществляющее торговый промысел (виды которого перечислены в ГТУ), внесенное в торговый реестр и имеющее индивидуализированную фирму. Таким образом, понятие предпринимательства в германском праве отражает прошедшую эволюцию и выступает образцом для подражания коммерческих отношений в XX веке.

Примером законодательства XX века, при этом заточенного на предпринимательские отношения, является Единообразный торговый Кодекс США 1952 года (далее – ЕТК)¹. Данный кодекс в первую и главную очередь посвящен регулированию разного рода обязательств. Тем не менее, некоторые моменты относятся к регулированию понятия и признаков предпринимательства.

В соответствии со ст. 2–104 ЕТК «коммерсант» – это тот, кто совершает операции с товарами определенного рода или каким-либо другим образом по роду своих занятий ведет себя так, как будто он обладает особыми знаниями или опытом в отношении операций или товаров, являющихся предметом сделки, а также тот, кто может рассматриваться как обладающий такими знаниями или опытом вследствие того, что он использует услуги агента,

---

¹ Единообразный торговый кодекс США / Пер. с англ. канд. юрид. наук С.Н. Лебедева и канд. юрид. наук Р.Л. Нарышкиной; Вступ. статья д-ра юрид. наук К.К. Яичкова. – М. : Прогресс, 1969. – С. 5–24; 431 с.

брокера или иного посредника, который ведет себя так, как будто он обладает такими знаниями и опытом.

Само приведенное определение показывает различие между континентальным и англо-американским правом. Первое нацелено на четкие и емкие определения, где каждое слово имеет значение. Второе носит описательный характер с попыткой включить все возможные случаи и исключения. Подобную стадию европейское право изжило с появлением кодексов в Новое время, а кодификация англо-американского права осталось во многом на средневековом уровне. Как следствие целый ряд вопросов нельзя прояснить без привлечения законодательства штатов и судебной практики, что выходит за рамки данного исследования.

Исходя из вышеприведенного определения, получается, что предприниматель (коммерсант) – это лицо, обладающее некими специальными познаниями в отношении операций (сделок) или товаров, либо привлекающее посредников с такими познаниями. Разумеется, в ЕТК не приводится хотя бы примерно объем и перечень этих специальных познаний.

При этом сам ЕТК ориентирован именно на предпринимательские сделки, для чего вводится специальное определение – «между коммерсантами». Этот термин означает любую сделку, в отношении которой обе стороны считаются обладающими знанием и опытом коммерсантов. Иными словами, классические предпринимательские отношения.

Вторым признаком, применительно к предпринимательству, который можно выделить из ЕТК является добросовестность. В отношении коммерсанта она означает фактическую честность и соблюдение разумных коммерческих критериев честного ведения торговых дел (п. «b» ст. 2–103 ЕТК). Предполагается, что обязательность соблюдения добросовестности требуется при исполнении любого договора или соглашения. Данный принцип добросовестности стороны отменить не вправе, но в его рамках они могут определять критерии оценки исполнения их обязательств, поскольку такие критерии не будут явно неразумными (ч. 3 ст. 1–102 ЕТК).

По сути дела, речь идет о классическом принципе (или точнее презумпции) добросовестности гражданского оборота. В

континентальном праве это один из основополагающих принципов всего гражданского права, которому должны следовать все субъекты, в том числе и не-предприниматели. Встречаются он и в большинстве кодифицированных актов отдельных штатов США. Но на общенациональном законодательном уровне добросовестность действует формально только на коммерсантов. Однако следует учитывать, что судебная практика достаточно давно распространила действие добросовестности и на остальных субъектов. Вследствие этого нельзя говорить о ней как о некоем обязательном признаке только предпринимательства.

Учитывая подобную неопределённость торгового законодательства, активно используются субсидиарные нормы. В частности, допускается использовать принципы общего права и права справедливости, включая торговое право. Однако помимо них также подлежат использованию правовые обычаи, которые можно по их юридической силе разделить на два вида.

Низовой уровень составляет торговое обыкновение – это любая практика или порядок деловых отношений, соблюдение которых в тех или иных, местах, профессии или сфере деятельности носит настолько постоянный характер, что оправдывает ожидание их соблюдения также и в связи с данной сделкой. Наличие и содержание такого обыкновения должно быть доказано как факт. Торговое обыкновение используется как субсидиарное регулирование всех непонятных моментов в процессе осуществления предпринимательской деятельности. Однако следует учитывать, что подобные обыкновения могут сильно различаться в зависимости от местности, профессии или иных условий.

Соответственно большей юридической силой по сравнению с торговыми обыкновениями обладает заведенный порядок. Под таким порядком понимается единообразие предшествующего поведения сторон данной сделки, которое, по справедливости, может рассматриваться как устанавливающее общую основу взаимопонимания при толковании употребляемых ими выражений и иных их действий. Таким образом, речь идет об установлении сторонами правового обычая применительно к своим отношениям, по сути, индивидуального, а не общего правила поведения. Для этого достаточно повторения несколько раз одних и тех же действий.

Подобное правило для континентального законодательства нехарактерно. При этом это именно правовой обычай, поскольку письменные договорённости сторон носят название прямо выраженные условия соглашения.

Подобная расплывчатость ЕТК становится понятной, если обратить внимание на цели его принятия. Таковых три: упрощение, уточнение и модернизация права, регулирующего торговые сделки; постоянное развитие торговой практики; унификация торгового права всех штатов. Подобные цели во многом перекликаются с целями международного частного права. Следовательно, основные термины и признаки содержатся в законодательстве отдельных штатов. Беглый анализ «регионального» американского законодательства показывает, что даже требование государственной регистрации не является обязательным для ведения предпринимательства, хотя и преобладает в большинстве случаев. Соблюдение остальных правил, в частности изложенных в ГТУ, и вовсе может игнорироваться. Подобная вольность и свобода ведения предпринимательства, однако, с лихвой компенсируется неумолимой беспощадностью при взыскании налогов независимо от статуса. Как следствие выбор налогообложения и сдача отчетности выступают скорее главным критерием при коммерческой деятельности в США.

Наконец третьим примером гражданско-монистической системы является РФ. Основные правила о предпринимательстве содержатся в нашем законодательстве в Гражданском Кодексе (далее – ГК РФ)¹.

Согласно абз. 3 ч.1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке.

Таким образом, в нашем ГК РФ в отличие от остальных нормативных актов, рассмотренных ранее, используется термино-

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

логия именно предпринимательства. Это четкое свидетельство недавнего принятия ГК РФ, поскольку только в последние десятилетия «предприниматель» заменил собой «коммерсанта» или торговца».

К числу признаков предпринимательства по нашему праву, относится:

- систематичность, то есть постоянность получения прибыли – подобная деятельность является основной для лица, и оно существует за её счет;

- осуществляемая на свой риск, то есть лицо само несет ответственность за свои действия и не вправе ссылаться на обстоятельства, освобождающие от этой ответственности, если они не предусмотрены нормативными актами (так называемая презумпция виновности предпринимателя);

- использование объектов гражданских прав, поэтому на эти отношения в полном объеме распространяется ГК РФ, за исключениями, прямо в нем предусмотренными; в результате не требуется водить перечень предпринимательской деятельности как в ГТУ;

- необходимость государственной регистрации в качестве предпринимателя.

В целом за основу ГК РФ взял, безусловно, ГТУ, однако творчески его развил и дополнил. В частности, ввиду отсутствия дуализма проигнорированы перечни торгового промысла, однако в угоду экономической терминологии американского образца используется понятие систематичности. Кроме того, фирма по российскому праву – это не столько признак предпринимательства, сколько средство индивидуализации как разновидность интеллектуальных прав и применяется только к юридическим лицам (ст. 1473 ГК РФ). Индивидуализация субъектов предпринимательства в российском обороте происходит не по их названию, а по номеру в реестре предпринимателей (основной государственный регистрационный номер – ОГРН), а также индивидуальному номеру налогоплательщика (ИНН).

*Кудрявцева Л.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры международного
частного и предпринимательского права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
г. Краснодар*

ОПАСНЫЙ ГРУЗ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЙНЫЙ АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОЗКИ

В условиях распространения коронавирусной инфекции и, соответственно, совершенствования международного транспортного законодательства одной из наиболее актуальных и спорных тем является особенности перевозки опасных грузов на воздушном, морском и сухопутном транспорте. Согласно данным официальной статистики, по состоянию на 01 апреля 2020 года, львиную долю международных перевозок занимают внутренние водные и морские перевозки (более 94 %) ¹, безусловно доказывающие свою рентабельность перед остальными видами перевозок.

Особенностью нормативно-правового регулирования перевозок опасных грузов является высокая доля материально-правовых норм по сравнению с нормами коллизионного права, а также наличие широкого спектра национальных законов, сформулированных специально для вышеуказанной цели. Правовой базой международной перевозки опасных грузов является Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов от 30 сентября 1957 года (далее – ДОПОГ), Бернская конвенция 1980 г. о международных железнодорожных перевозках (далее – КОТИФ), Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении от 01 ноября 1951 года (далее - СМГС), Правила транспортировки радиоактивных веществ (МАГАТЭ), Конвенция о международной гражданской авиации 1944 года, МАРПОЛ 73/78 от

---

¹ Статистика перевозок. – URL : <https://vawilon.ru/statistika-perevozok/> (дата обращения 25.01.2021).

02 ноября 1973 года, Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов по внутренним водным путям (ВОПОГ) и т.д.

Далее рассмотрим, что подразумевается под понятием опасный груз. Формулировка исследуемого понятия трактуется в широком и узком смысле.

В широком смысле¹, опасный груз означает вещества и изделия, которые не допускаются к перевозке согласно ДОПОГ или допускаются к ней только с соблюдением предписанных в ДОПОГ условий. Из-за очевидного риска, связанного с определением перевозки опасных грузов, законодатель ограничивает диапазон веществ и материалов, разрешенных к перевозке. Однако вышеуказанное определение не раскрывает полностью сущность и назначение опасного груза, поэтому существует более точная формулировка.

В узком смысле, опасный груз – это груз, который в силу присущих ему свойств, при определенных условиях при перевозке, выполнении маневров, погрузочных и разгрузочных работ и хранении может стать причиной взрыва, пожара, химического или иного заражения либо повреждения технических средств, устройств, оборудования, других объектов железнодорожного транспорта и третьих лиц, а также причинения вреда жизни и здоровью граждан, вреда окружающей среде².

Опасный груз – вещества, изделия из них, отходы производственной и иной хозяйственной деятельности, которые в силу присущих им свойств могут при перевозке создать угрозу для жизни и здоровья людей, нанести вред окружающей среде, повредить или уничтожить материальные ценности (п. 1.2 Правил дорожного движения).

По нашему мнению, применение понятия «опасный груз» в узком смысле в международном законодательстве упростит его толкование.

К опасному грузу относят радиоактивные, взрывчатые, токсичные, окисляющие или инфекционные вещества, пестициды, газы, легковоспламеняющие жидкости. Например, радиоактивные

---

¹ Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов от 30 сентября 1957 года // СПС «КонсультантПлюс».

² Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170; Российская газета. 2020. 26 ноября.

вещества – любой материал, содержащий радионуклиды, в котором концентрация активности, а также полная активность груза превышают предельно допустимые значения (уран, торий, плутоний). Перевозка радиоактивных веществ осуществляется в транспортной упаковочной комплект, который представляет собой систему, состоящую из любого сочетания различных устройств, обеспечивающих безопасность доставки, сохранность радиоактивных веществ и предотвращающих попадание их в окружающую среду (например, тепловая изоляция, сорбирующий материал, охлаждающее устройство, емкости)¹.

Взрывчатые вещества – твердые или жидкие вещества (или смеси веществ), которые способны к химической реакции с выделением газов при такой температуре, таком давлении и с такой скоростью, что это вызывает повреждение окружающих предметов.

Газы является вещество, которое при температуре 50 °С имеет давление паров более 300 кПа (3 бара), или является полностью газообразным при температуре 20 °С и нормальном давлении 101,3 кПа.

Окисляющие вещества - вещества, которые, сами по себе не обязательно являясь горючими, могут, обычно путем выделения кислорода, вызывать или поддерживать горение других материалов, а также изделия, содержащие такие вещества.

Токсичные вещества – вещества, которые могут при однократном или непродолжительном воздействии и в относительно малых количествах причинить вред здоровью человека или явиться причиной смерти в случае их вдыхания, всасывания через кожу или проглатывания. Перевозка вышеуказанных веществ осуществляется всеми видами транспорта, за исключением транспортировки запрещенных веществ. Последствия неправильной транспортировки могут быть выражены в отравлении атмосферы ядовитыми веществами либо смертью множества людей².

Необходимо отметить научные взгляды современных правоведов на вышеуказанную тему. Так, В.И. Елинский утверждает,

---

¹ Пучинкин Д.А. Ответственность перевозчика по договору международной морской перевозки груза / Д.А. Пучинкин, Л.В. Кудрявцева; Отв. за выпуск А.Г. Коцаев // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год. – 2020. – С. 1300.

² Кудрявцева Л.В. Здоровье человека, населения – как приоритетные объекты уголовно-правовой охраны / Л.В. Кудрявцева, С.П. Ставило // Здоровье населения - основа процветания России. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Филиал РГСУ в г. Анапе. – 2015. – С. 146.

что «нормативно-правовая реформа в сфере транспортировки опасных грузов железнодорожным транспортом еще не завершена, и возникает достаточно много вопросов как в отношении теории гражданского права, так и на практике»¹.

Е.В. Мороз относит к проблемам правового регулирования международных автоперевозок опасных грузов разрешительную систему перевозок опасных грузов автомобильным транспортом, для которой последние 20 лет характерна противоречивость механизма правового регулирования, неразграниченность и дублирование полномочий федеральных органов исполнительной власти, в том числе их территориальных органов, и органов исполнительной власти субъектов РФ, отсутствие единой действенной системы государственного контроля за осуществлением грузоперевозок².

Показательна судебная практика по теме исследования. Согласно фабуле дела сотрудники ДПС военной автомобильной инспекции (далее – ВАИ) оштрафовали водителя, перевозящего дизельное топливо. В рамках судебного процесса военный гарнизонный суд отменил постановление ДПС ВАИ и сослался на п. 1.2 Правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом, утвержденных приказом Минтранса России от 08 августа 1995 г. № 73, которым установлено, что действия указанных Правил не распространяются на перевозки отдельных видов опасных грузов автотранспортными средствами, принадлежащими вооруженным силам, органам государственной безопасности и внутренних дел, и пришли к выводу, что при таких условиях отсутствует состав административного правонарушения. Однако Верховный Суд РФ отменил вышеуказанное постановление, поскольку дизельное топливо отнесено к опасным грузам, на перевозку которого распространяются общие требования законодательства, перевозчик, вне зависимости от принадлежности автотранспортного средства к внутренним войскам Министерства внутренних дел Российской Федерации обязан выполнять требования ДОПОГ³. По нашему мнению, с целью снижения нагрузки на суды общей юрисдикции

---

¹ Елинский В.И. К вопросу об особенностях перевозки опасных грузов / В.И. Елинский, Ю.А. Иванова, Р.М. Ахмедов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 5. – С. 105.

² Мороз Е.В. Проблемы правового регулирования международных автомобильных перевозок опасных грузов / Е.В. Мороз // Молодой ученый. – 2020. – № 19. – С. 345–347.

³ Архив Верховного Суда РФ. Дело № 205-АД16-4. – URL : <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25052016-n-205-ad16-4/> (дата обращения 25.01.2021).

и противоречивости трактовки перевозки опасного груза военнослужащими целесообразно п. 1.2 Правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом, утвержденных приказом Минтранса России от 8 августа 1995 г. № 73 отменить.

На основании вышеизложенного, мы приходим к следующим выводам:

– применение понятия «опасный груз» в узком смысле в международном законодательстве упростит его толкование;

– классификация опасных грузов обширна, однако с развитием промышленного производства и появлением новых опасных веществ необходимо своевременно обновлять их перечень в ДОПОГе и постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2011 г. № 272;

– на основании анализа судебной практики целесообразно п. 1.2 Правил перевозки опасных грузов автомобильным транспортом, утвержденных приказом Минтранса России от 08 августа 1995 г. № 73 отменить.

*Курочкина Е.М.,
аспирант кафедры
международного права,
Санкт-Петербургский
государственный университет
г. Санкт-Петербург*

ПРИЗНАНИЕ И ПРИВЕДЕНИЕ В ИСПОЛНЕНИЕ В ИНОСТРАННОМ ГОСУДАРСТВЕ ОТМЕНЕННОГО АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВ

В практике государств часто встречается вопрос о признании и приведении в исполнение отмененного иностранного решения Международного коммерческого арбитража в соответствии с положениями п. «е» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений

1958 года (далее – Нью-Йоркская конвенция 1958 г.)¹. Судебная практика государств по этому вопросу непоследовательная и подвижна. Вместе с тем участники международных коммерческих отношений нуждаются в стабильной и предсказуемой практике при признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Отсутствие единообразного подхода к решению вопроса исполнения отмененных арбитражных решений основано на различном толковании положений Нью-Йоркская конвенция 1958 г. Для устранения несовпадающего регулирования данного вопроса необходимо проанализировать судебную практику.

Правоприменительная практика государств будет рассмотрена по критерию юрисдикции, где решается вопрос о признании и приведении в исполнение отмененного иностранного арбитражного решения.

США. В основном суды США склонны к отказу в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, отмененного по месту его вынесения, на основании статьи V Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Так, в деле *TermoRio S.A. E.S.P. v. Electranta S.P.* американским судом решался вопрос исполнения арбитражного решения, принятым колумбийским арбитражем и впоследствии отмененным государственным судом Колумбии². Рассматривая статью V (1) (e) Нью-Йоркской Конвенции 1958 года, суд заявил, что «в признании и приведении в исполнение арбитражного решения должно быть отказано, если арбитражное решение было отменено компетентным органом» в стране вынесения арбитражного решения. Поскольку отмена арбитражного решения была осуществлена компетентным органом в Колумбии, то арбитражное решение было признано недействительным на законных основаниях, и у истцов не было оснований для иска в Соединенных Штатах. В

---

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (Заклучена в г. Нью-Йорке в 1958 г.). // Официальный сайт Комиссии Организации объединенных наций по международной торговле: (сайт). – URL : <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf>

² *United States, U.S. Court of Appeals, District of Columbia Circuit № 06-7058, TermoRio S.A. E.S.P. (Colombia) v. Electranta S.P. (Colombia), 25 May 2007.* – URL : http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=652 (дата обращения 14.03.2020).

результате американский суд отказал в признании и исполнении отмененного арбитражного решения¹.

Однако при рассмотрении дела *Chromalloy Aeroservices v. Arab Republic of Egypt* суд Соединенных Штатов признал отмененное египетским государственным судом арбитражное решение на основании дискреционных положений статьи V и требований статьи VII Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Судом было проанализировано основание отмены арбитражного решения – ошибочное применение материального права, и установлено, что оно не может являться достаточным основанием для отмены арбитражного решения в соответствии с американским законодательством.

Нидерланды. В отношении практики государственных судов Нидерландов можно привести в качестве примера дело *Yukos Capital SARL v. OJSC Rosneft Oil Co*, когда Апелляционный суд Нидерландов признал и привел в исполнение решения МКАС при ТПП РФ, которые были отменены российским судом в связи с процедурными нарушениями². Нидерландский суд основывался на том, что положения подпункта «е» пункта 1 статьи V Нью-Йоркской конвенции 1958 года не обязывают учитывать решение об отмене арбитражного решения, вынесенного государственным судом по месту вынесения арбитражного решения. К тому же государственные суды Нидерландов считают, что судебное решение иностранного государства, принятое в соответствие с надлежащими процессуальными требованиями, является тем исключительным обстоятельством, когда отказ в приведении в исполнение отмененного арбитражного решения может быть произведен. Однако решения российских государственных судов не были вынесены независимым и беспристрастным судом, что не соответствует надлежащим процессуальным требованиям, поэтому данные решения иностранного государства не могут повлечь отказ в исполнении арбитражного решения в Нидерландах.

---

¹ Аналогичные решения: United States of America, Court of Appeals, Second Circuit № 97-9615 and 97-9617, *Baker Marine Ltd. v. Chevron Limited, Chevron Corp., Inc. and others v. Danos and Curole Marine Contractors, Inc.*, 12 August 1999; United States, U.S. District Court, Southern District of New York № 86 CIV. 3447, *Martin Spier v. Calzaturificio Tecnica, S.p.A.*, 22 October 1999; United States, U.S. District Court, District of Columbia № 14-1616 (RBW), *Getma International v. The Republic of Guinea*, 09 June 2016 и т.д.

² Международный коммерческий арбитраж : учебник. Указ. соч. – С. 846.

Комментируя решение нидерландского суда в отношении Yukos Capital SARL и OJSC Rosneft Oil Co профессор А. ван ден Берг пришел к тому, что вывод суда не основан на каких-либо доказательствах недостаточности независимости и беспристрастности российских судей. В связи с чем решение суда о признании отмененного арбитражного решения является абсолютно неправильным¹.

При использовании аналогичных аргументов в практике нидерландских судов существует и прямо противоположное решение, вынесенное по делу Nikolay Viktorovich Maximov v. Open Joint Stock Company «Novolipetsky Metallurgichesky Kombinat»². Перед судами Нидерландов стоял вопрос о приведении в исполнение арбитражного решения, вынесенного в МКАС при ТПП РФ и отмененного впоследствии российским государственным судом. Государственные суды Нидерландов хоть и отметили, что российская судебная система имеет негативный характер, тем не менее не установили достаточных доказательств несправедливого судебного разбирательства. Таким образом, в признании и исполнении отмененного российским судом арбитражного решения было отказано.

Существующая практика показывает, что дискреционные положения статьи V Нью-Йоркской конвенции 1958 года предоставляют государству самостоятельно вводить свои основания для отказа в признании и приведении в исполнение отмененного решения. К примеру, в Нидерландах это критерий правомерного судебного решения иностранного государства об отмене арбитражного решения.

Великобритания. Великобритания стала еще одной юрисдикцией, где испрашивалось признание и приведение в исполнение отмененное российским судом арбитражное решение, вынесенное МКАС при ТПП РФ по делу Yukos Capital SARL v. OJSC Rosneft Oil Co³, а также отмененное российским судом арбитражное решение, вынесенное МКАС при ТПП РФ по делу Nikolay Viktorovich

---

¹ Van den Berg A.J. Enforcement of Arbitral Awards Annulled in Russia. Case Comment on Court of Appeal of Amsterdam, 2009. – С. 181.

² Netherlands, Gerechtshof Amsterdam (Court of Appeal of Amsterdam), № 200.100.508/01, 27 September 2016. – URL : http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=4454&opac_view=2 (date of application 14.03.2020).

³ United Kingdom, England and Wales, High Court № 2010 Folio: 315 & 316, Yukos Capital S.à r.L v. OJSC Oil Company Rosneft, 03 July 2014. – URL : http://newyorkconvention1958.org/doc_num_data.php?explnum_id=2955 (date of application 14.03.2020).

Maximov v. Open Joint Stock Company «Novolipetsky Metallurgichesky Kombinat»¹.

По делу Yukos Capital SARL v. OJSC Rosneft Oil Co британский суд признал и привел в исполнение отмененное арбитражное решение, основываясь на том, что в английском праве не существует принципа *ex nihilo nil*, который препятствовал бы английскому суду в приведении в исполнение отмененных арбитражных решений. Вывод решения суда Великобритании – признать и привести в исполнение отмененное арбитражное решение, аналогичен выводу Нидерландского суда, между тем аргументы, которые использовали суды разных юрисдикций – отличны, причем британских суд не упоминал даже положения Нью-Йоркской конвенции 1958 года.

В свою очередь рассматривая дело в отношении Nikolay Viktorovich Maximov и Open Joint Stock Company «Novolipetsky Metallurgichesky Kombinat», государственный суд Великобритании отказал в исполнении отмененного арбитражного решения, достигнув при этом схожих с нидерландскими судами доводов. Британских суд изучил иностранное судебное решение об отмене арбитражного решения на наличие признаков неправомерности и отметил, что не усматривает в решении российского государственного суда предвзятости судьи.

Франция. Французские суды производят признание и приведение в исполнение отмененных арбитражных решений, основываясь в соответствии с пунктом 1 статьи VII Нью-Йоркской конвенции 1958 года на своем национальном законодательстве, где в качестве основания отказа не предусмотрена отмена решения². Одним из первых дел французского подхода стало дело Société Pabalk Ticaret Limited Sirketi c. Société Norsolor³, где рассматривался вопрос исполнения решения Vienna International Arbitral Centre,

---

¹ United Kingdom, England and Wales, High Court № CL-2014-337, № CL-2014-658, Nikolay Viktorovich Maximov v. Open Joint Stock Company «Novolipetsky Metallurgichesky Kombinat», 27 July 2017. – URL : http://newyorkconvention1958.org/doc_num_data.php?explnum_id=3923 (date of application 14.03.2020).

² См., напр.: *Bargues Agro Industrie S.A. v. Young Pecan Company*, Court of Appeal of Paris, France, 10 June 2004, 2006 Rev. Arb., *Direction Générale de l'Aviation Civile de l'Emiral de Dubai v. Société International Bechtel Co.*, Court of Appeal of Paris, France, 29 September 2005, 2006 Rev. Arb.; *Société S.A. Lesbats et Fils v. Volker le Docteur Grub*, Court of Appeal of Paris, France, 18 January 2007, 05/10887.

³ France, Cour de cassation № 83-11.355, *Société Pabalk Ticaret Limited Sirketi c. Société Norsolor*, 09 October 1984. – URL : http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=118 (date of application 14.03.2020).

которое было частично отменено австрийским судом в связи с выходом арбитров за пределы предусмотренных арбитражным соглашением полномочий. Французский суд сослался на статью VII Нью-Йоркской конвенции 1958 года и заключил, что судья не вправе отказать в исполнении отмененного арбитражного решения, если законодательство его государства это допускает. Применив национальное законодательство Франции, суд привел в исполнение отмененное австрийским судом арбитражное решение. Правда впоследствии решение австрийского суда об отмене арбитражного решения было отменено в вышестоящей инстанции, и в результате во Франции исполнялось действительное арбитражное решение. Между тем это решение французского суда примечательно своими аргументами и выводами, которые исходили из факта отмены арбитражного решения.

Небезынтересными примерами практики французских судов являются дела *Société OTV v. Société Hilmarton* и *PT Putrabali Adyamulia v. S.A. Rena Holding*.

Рассматривая дело *Société OTV v. Société Hilmarton*, где испрашивалось признание арбитражного решения, вынесенного Swiss Chambers' Arbitration Institution in Genève и отмененного государственным судом Швейцарии в связи с нарушением арбитражным решением права Швейцарии, французский суд отметил, что арбитражное решение, вынесенное в Швейцарии, не включено в правовую систему этого государства и является международным арбитражным решением, соответственно, оно существует, несмотря на отмену, и его признание во Франции не противоречит публичному порядку. В результате французский суд признал и привел в исполнение отменное арбитражное решение.

Вместе с тем в Швейцарии спор между *Société OTV* и *Société Hilmarton* был передан на рассмотрение арбитражного суда в ином составе. В результате арбитражный суд принял новое арбитражное решение, где, в отличии от первоначального решения, требования *Hilmarton* были удовлетворены. Вопрос признания и приведения второго арбитражного решения был поставлен перед французскими судами, которые отказали в его исполнении на основании существующего окончательного решения французского суда по тому же предмету и между теми же сторонами (принцип *res*

judicata)¹. Впоследствии второе арбитражное решение было признано и приведено в исполнении в Великобритании². В итоге, сложилась ситуация, когда были исполнены два прямо противоположных арбитражных решения по одному спору.

Аналогичные обстоятельства сложились в споре PT Putrabali Adyamulia v. S.A. Rena Holding. Суд Франции признал и привел в исполнение отмененное английскими судами арбитражное решение, принятое Арбитражным судом в Лондоне³. Исполнение отмененного решения происходило на основании статьи VII Нью-Йоркской конвенции 1958 года с учетом довода о том, что международное арбитражное решение, не закрепленное в каком-либо национальном правовом порядке, является решением международного правосудия, действительность которого должна быть установлена с учетом нормативных положений, применимых в стране, где испрашивается его признание и приведение в исполнение.

Однако после отмены английскими судами арбитражного решения было вынесено новое решение по этому же спору, которое было противоположным по отношению к первоначальному. Таким образом, была допущена та же ситуация с существованием двух прямо противоположных арбитражных решений, что и в деле Société OTV v. Société Hilmarton.

В признание второго арбитражного решения по спору между PT Putrabali Adyamulia и S.A. Rena Holding французскими судами было отказано по тем же основаниям, что в деле Société OTV v. Société Hilmarton – второе арбитражное решение не совместимо с признанным во Франции решением по тому же предмету и теми же сторонами.

Правоприменительная практика Франции выявила одну из самых сложных проблем применения и толкования Нью-Йоркской конвенции 1958 года – возможность признания и приведения в исполнение двух прямо противоположных арбитражных решений, принятых между теми же сторонами, по тому же предмету и по

---

¹ Cour de Cassation, First Civil Chamber, 10 June 1997, Petition No. 95-18402 95-18403 // Clay T., Pinsolle P., Voisin T. French. International Arbitration Law Reports: 1963–2007. – Juris Publishing, Inc., 2014. – P. 348.

² Omnium de Traitement et de Valorisation v. Hillmarton Ltd. // Lloyd's Law Reports. – 1999. – Vol. 2. – P. 222–226.

³ France, Cour de cassation № 05-18.053/ Société PT Putrabali Adyamulia v. Société Rena Holding et Société Moguntia Est Epices, 29 June 2007. – URL: http://newyorkconvention1958.org/index.php?lvl=notice_display&id=176 (date of application 14.03.2020).

тем же основаниям. При этом, если руководствоваться непосредственно текстом Нью-Йоркской конвенции 1958 года, то правопорядок одного государства при рассмотрении вопроса о признании и приведении в исполнение каждого из двух противоположных арбитражных решений должен будет исполнить оба решения. Однако такое толкование приводит к нарушению принципа *res judicata*. В итоге складывается неразрешимая ситуация, когда, с одной стороны, при признании двух арбитражных решений в одном государстве будет нарушен принцип *res judicata*, или с другой стороны, в случае отказа в исполнении второго арбитражного решения в государстве, где признано и исполнено первоначальное решение, будут нарушены положения Нью-Йоркской конвенции 1958 года.

Примеры сложившейся правоприменительной практики государств в отношении признания и приведения в исполнение арбитражного решения, отмененного государственным судом по месту его вынесения, показали не только отсутствие единого подхода к решению данного вопроса, но и возможные негативные последствия в случае исполнения отмененного арбитражного решения. Вышеизложенная практика государств показывает, что вопрос признания и исполнения отмененного арбитражного решения требует детального урегулирования на международно-правовом уровне.

*Мигачева А.Ю.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

ПРАВО НА КОМФОРТНУЮ ГОРОДСКУЮ СРЕДУ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Указом Президента РФ от 21.07.2020 г.¹ определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г.

---

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

Из содержания Указа следует, что создание комфортной и безопасной среды для жизни – одна из основных социальных целей развития государства. К числу показателей ее достижения относится улучшение качества городской среды. В связи с этим заслуживает внимания вопрос о международно-правовых основах развития в Российской Федерации права на комфортную и безопасную городскую среду.

Прежде всего, следует отметить, что рассматриваемое право не получило в Российской Федерации самостоятельного закрепления. В научной литературе отмечается¹, что оно опосредованно вытекает из конституционного права на благоприятную окружающую среду², а также воплощается в праве на благоприятные условия жизнедеятельности³. Полагаем, что такое обобщение не является в полной мере верным.

Право граждан на благоприятную окружающую среду называют в научной литературе «социальной ценностью», незыблемость которой признана на уровне важнейших международных и национальных документов. Отмечают при этом и трудности определения содержания названного права. Наиболее приемлемой, полагаем, следует считать позицию, в соответствии с которой «содержание понятия «благоприятная окружающая среда» включает новые публичные экологические интересы, такие как обеспечение безопасного и устойчивого развития в условиях изменения климата, сохранение и восстановление защитных и средообразующих функций естественных экологических систем вне особо охраняемых природных территорий, ликвидация накопленного вреда окружающей среде, сохранение биологического разнообразия»⁴. И в этом смысле создание комфортной и безопасной городской среды, безусловно, включает экологическую составляющую, но не исчерпывается ею.

---

¹ См.: Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов : монография. – М. : Инфотропик Медиа, 2017.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.

⁴ Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право / И.О. Краснова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 175.

Содержание же права на благоприятные условия жизнедеятельности, упомянутое в Градостроительном кодексе РФ, к сожалению, не раскрывается. Из предписаний Кодекса, однако, можно заключить, что благоприятные условия жизнедеятельности связываются с нормативами градостроительного планирования и зонирования.

Однако, принимая во внимание закрепленное в ст. 2 Распоряжения Правительства РФ от 23.03.2019 г. № 510-р2 понятие городской среды, можно заключить, что право на комфортную городскую среду не ограничивается исключительно экологической составляющей, и не сводится к вопросам планировки территории города, но включает права требования организации социально-ориентированного городского пространства. Но и этим данное право не исчерпывается. По справедливому замечанию Е.С. Кочуховой и В.С. Мартьянова, «город – это не только место, которое нуждается в территориальном развитии и градостроительных планах, ремонте фасадов, прокладке дорог и т.д. Таков лишь обезличивающий дискурс городской власти, стремящейся не видеть необходимости диалога с другими значимыми субъектами»¹. В современных условиях город – это сообщество, для функционирования которого требуется совокупность решений экологического, архитектурного, инфраструктурного, социального плана. И жители города, наделенные правами активно участвовать в формировании городской среды, – его неотъемлемая часть.

Наиболее полное представление о содержании права на комфортную городскую среду дает концепция «права на город»², разработанная французским философом и социологом Анри Лефевром. Данная концепция предполагает, что граждане активно участвуют в управлении городом, а городская собственность выполняет социальную функцию. Право на город может быть реализовано за счет нивелирования классовой социальной стратификации, выражающейся в различной доступности горожанам ресурсов города. Н.В. Кириллина, давая оценку концепции А. Лефевра пишет: «Право на город подразумевает право на участие (right to

---

¹ Кочухова Е.С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте / Е.С. Кочухова, В.С. Мартьянов // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 53.

² Первая работа Анри Лефевра «Право на город» была опубликована в 1968 г.

participation) и право на присвоение (right to appropriation), и если первое фактически является правом участия в принятии решений, то второе включает в себя право на доступ к городским пространствам и их использование»¹. Концепция «права на город» получила развитие в трудах современных ученых и оказала серьезное влияние на развитие социологической урбанистики.

В международной практике проблематика устойчивого развития городов как экономических, социальных и культурных центров обсуждается на самом высоком уровне.

Истоки права на комфортную городскую среду восходят к закрепленному в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека² праву на достойный уровень жизни.

Европейская Хартия городов, принятая Постоянной Конференцией местных и региональных органов власти Европы Совета Европы 30.03.1992 г. закрепляет, что граждане европейских городов имеют право на: «безопасный, свободный от преступности город; на незагрязненную и здоровую окружающую среду; на достаточные возможности трудоустройства; на достаточное предложение и выбор доступного по цене и здорового жилья, обеспечивающего личную жизнь и спокойствие; на беспрепятственную свободу передвижения и свободу поездок; на гармоничный баланс между всеми, пользующимися улицами – общественным транспортом, частными автомобилями, пешеходами и велосипедистами; на окружающую среду и учреждения, способствующие поддержанию физического и психологического здоровья; на спорт и досуг; на доступ к широкому кругу культурных и творческих видов деятельности и занятий и участие в них; на мирное сосуществование различных культурных, этнических и религиозных общин; на участие в структурах управления городом; на межгородское сотрудничество и т.д.»³.

---

¹ Кириллина Н.В. Право на город: репрезентация и воспроизведение данных в городской информационной среде / Н.В. Кириллина // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 2. – С. 116.

² Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

³ Европейская Хартия городов (принята Постоянной Конференцией местных и региональных органов власти Европы Совета Европы 30.03.1992 г.). – URL : <https://zakonbase.ru/content/base/21053/?pdf=1>

Европейская Хартия городов II, называемая манифестом новой урбанистики, принята в 2007 г. Она утверждает основные ценности городов и предлагает направление их развития. В основе политики развития городов лежит взвешенный подход к управлению в городе, строящийся на расширении функций органов местного самоуправления и привлечении горожан к управленческим процедурам.

Планирование городов должно базироваться на идеях предупреждения социально-пространственного неравенства, защиты населения от катастроф, доступности к общественным услугам, контроля за использованием земли, «добровольной мобильности», повышения уровня проживания, учета архитектурного и природного наследия, построения сети общественных пространств.

Лейпцигская хартия устойчивого европейского города провозгласила в качестве основного принцип интегративного городского развития, под которым понимается одновременное и справедливое принятие во внимание нужд и интересов, релевантных для развития города¹. Реализация стратегии устойчивого развития европейских городов основывается в том числе на привлечении к решению городских проблем граждан и других участников, которые смогли бы внести весомый вклад в обеспечение экономического, социального, культурного и экологического качества городов. Центральная роль в развитии городов отведена Хартией публичным пространствам, а также поддержанию кварталов, оказавшимся в невыгодном положении.

В 2005 г. в Порту-Алегри прошел Всемирный социальный форум, на котором была принята Всемирная хартия права на город. Данная Хартия, в частности, провозглашает, что в качестве своей основной цели город должен осуществлять социальную функцию, гарантируя всем своим жителям полный объем ресурсов, предлагаемых городом, и равный доступ к ним.

В рамках ООН с 1978 г. действует Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат).

---

¹ Лейпцигская хартия устойчивого европейского города (Принята по случаю неформальной встречи министров по вопросам городского развития и территориальной сплоченности, проведенной в г. Лейпциге с 24–25 мая 2007 года). – URL : <https://www.vmr.gov.ua/ContentLibrary/UrbDev/Leipzig-Charta.pdf>

Первая Конференция ООН по населенным пунктам была проведена в Канаде, Ванкувер в 1976 г. Вторая (Хабитат II) – в Стамбуле в 1996 г. Третья (Хабитат III) – в 2016 г. в Кито, Эквадор.

Участники Конференции приняли новую программу развития городов, основой которой является представление о городе нового времени, функционирующего по правилам современной урбанистики и с учетом международных соглашений. Основной посыл программы состоит в правиле – «город для всех». Целью развития международного и национального законодательства в данной сфере является создание таких городов, где все люди могут пользоваться равными правами и возможностями¹. Города должны выполнять свою социальную функцию, в том числе экологическую функцию земельных ресурсов, с целью постепенного достижения полной реализации права на достойное жилище как одного из компонентов права на удовлетворительный уровень жизни без какой-либо дискриминации, всеобщего доступа к безопасной и доступной по цене питьевой воде и санитарным услугам и т.п. Городские власти должны обеспечивать условия для вовлечения граждан в общественную жизнь, развивать чувство сопричастности и ответственности среди жителей.

Реализация данной программы для некоторых государств, например Бразилии, является частью концепции национального развития.

Таким образом, исходя из положений международного права, право на комфортную городскую среду следует признать самостоятельным неотъемлемым социальным правом граждан. Современной парадигмой реализации данного права должна стать концепция «права на город», которая в настоящее время находит закрепление на международном уровне и должна стать частью стратегий национального развития, в том числе и в России.

---

¹ Новая программа развития городов (Принята 20.10.2016 г. на Конференции Организации Объединенных Наций по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат III), которая проходила в г. Кито. – URL : <http://unhabitat.ru/assets/files/publication/Documents/NUA-Russian.pdf>

*Новикова Т.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
декан факультета
подготовки специалистов
для судебной системы
(юридический факультет),
доцент кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

ПРИНЦИП НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ СТРАН СНГ

В международном частном праве Российской Федерации принцип наиболее тесной связи реализуется, прежде всего, в качестве общей резервной коллизионной привязки на основании п. 2 ст. 1186 ГК РФ и специальной коллизионной привязки: резервного характера – при невозможности определения правовой системы внутри страны с множественностью таких систем (ст. 1188 ГК РФ) и основного – для смешанного договора (п. 10 ст. 1211 ГК РФ) и договора в отношении недвижимого имущества (п. 1 ст. 1213 ГК РФ).

Принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки установлен п. 2 ст. 1186 ГК РФ, который в совокупности с п. 1 указанной статьи гласит, что если на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, невозможно определить применимое право, «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано»¹. В специальной литературе подчеркивается, что указанное положение составило значимую

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

новеллу отечественного законодательства о международном частном праве¹.

С таким же функциональным назначением принцип наиболее тесной связи получил закрепление в п. 3 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств. Значимость данного документа определяется тем, что в соответствии с п. 2 Постановления Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-4 он был направлен парламентам государств-участников ассамблеи «для использования при разработке национального законодательства»².

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в части закрепления принципа наиболее тесной связи положения ГК РФ отличаются от положений Модельного гражданского кодекса.

Существенные расхождения указанных документов усматриваются в общих подходах к определению права, применимого к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом. В соответствии с п. 1 ст. 1186 ГК РФ применимое право определяется на основании международных договоров РФ, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации, а в соответствии с п. 1 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса – на основании кодекса, иных законов, международных договоров и признаваемых международных обычаев, а также на основании соглашения сторон. Обратим внимание на три ключевых расхождения.

Во-первых, ГК РФ в отличие Модельного гражданского кодекса называет международные договоры первыми в списке источников коллизионных норм, что, бесспорно, заслуживает поддержки, поскольку приоритет международных договоров (в том

---

¹ См., например: Ерпылева Н.Ю. Понятие, предмет и система международного частного права / Н.Ю. Ерпылева // Адвокат. 2004. № 6–9. – URL : СПС «Гарант»; Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Проблемы кодификации российского законодательства по международному частному праву // Адвокат. – 2008. – № 1. – URL : СПС «Гарант»; Кудашкин В.В. Принцип тесной связи в международном частном праве. – Специально для СПС «КонсультантПлюс», 2004; Кудашкин В.В. Принцип тесной связи в международном частном праве: теория и практика / В.В. Кудашкин // Законодательство и экономика. – 2004. – № 9. – URL : СПС «Гарант».

² Постановление Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств «О модельном гражданском кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств (часть третья)» от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. – 1996. – № 10.

числе содержащих коллизионные нормы) зиждется не только на нормах конституции каждого отдельного государства (в Российской Федерации это норма ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой «международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», и «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹), но и на фундаментальной норме обычного международного права, согласно которой государство по общему правилу «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (изложенная норма была кодифицирована в ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров²).

Кроме того, нельзя не отметить, что словосочетание «международные договоры Российской Федерации», используемое п. 1 ст. 1186 ГК РФ, существенно точнее, чем словосочетание «международные договоры», используемое п. 1 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса, поскольку предполагает именно «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией», как его определяет п. «а» ст. 2 Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации»³, а не всякий международный договор вне зависимости от его юридической силы для государства суда. Последнее, однако, может объясняться тем, что Модельный гражданский кодекс был разработан в качестве основы для национального законодательства государств-участников СНГ, а потому не мог содержать наименование какого-либо государства непосредственно в своем тексте.

Во-вторых, п. 1 ст. 1186 ГК РФ содержит словосочетание «обычаи, признаваемые в Российской Федерации», которое можно оценить как достаточно точное и емкое, чтобы охватить всякий обычай, допускаемый в качестве источника коллизионных норм на территории нашей страны; в то время как п. 1 ст. 1194 Модельного гражданского кодекса – словосочетание «признаваемые международные обычаи», которое порождает смешение с международным

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (г. Вена) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ Федеральный закон РФ от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757

обычаем как источником международного права, имеющим весьма особый стандарт формирования «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», в свете п. «b» п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН¹ и, конечно же, совершенно особую сферу применения².

В-третьих, в отличие от ГК РФ Модельный гражданский кодекс упоминает об определении права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, «также на основании соглашения сторон». Несмотря на то, что мы всецело приветствуем принцип автономии воли в международном частном праве, считаем приведенную отсылку к соглашению сторон излишней, так как она смешивает в один перечень соглашение сторон и установленные или признанные государством источники коллизионных норм, которые хотя и имеют, по сути, очень много общего, но все же не должны перемешиваться в едином перечне.

Более того, упоминание соглашения сторон в самом конце списка инструментов определения применимого права прямо противоречит механизму решения коллизионной проблемы, в соответствии с которым, в первую очередь, право могут избрать стороны (и тогда такому выбору будет отдан приоритет) и, только во вторую очередь, если стороны не воспользуются правом выбора, применимое право определит суд (посредством тех самых источников из общего перечня). Учитывая изложенное, а также то, что норма, которая управомочивает стороны на выбор применимого права и определяет его «допустимые пределы», является самостоятельной нормой права страны суда (в Российской Федерации это норма п. 1 ст. 1210 ГК РФ в свете разъяснения п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»³), мы полагаем, что упоминание соглашения сторон в перечне источников права, которые содержат коллизионные

---

¹ Статут Международного Суда Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. (г. Сан-Франциско) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 47–63.

² См., например: Ian Brownlie, *Principles of Public International Law*, 7th ed. (New-York : Oxford University Press, 2008) At 6–12; Malcolm N. Shaw, *International Law*, 6th ed. (New-York, Cambridge University Press, 2008). At. 72–93.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. – 17 июля 2019 г. – № 154.

нормы для гражданско-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, является излишним.

Таким образом, необходимо констатировать, что п. 1 ст. 1186 ГК РФ, устанавливающий порядок определения права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, с точки зрения юридической техники и содержания по целому ряду параметров (наименованию и расположению международных договоров в перечне источников, наименованию обычаев в качестве одного из источников коллизионных норм и отделению автономии воли участников правоотношения от коллизионного метода их регулирования) является более совершенным, нежели соответствующее положение Модельного гражданского кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств.

Важно указать, что под влиянием Модельного гражданского кодекса принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки получил закрепление в законодательстве о международном частном праве многих стран СНГ, как-то: Республик Армения¹, Беларусь², Казахстан³, Молдова⁴, Таджикистан⁵, Узбекистан⁶, а также Кыргызской Республики⁷.

---

¹ См.: п. 2 ст. 1253 Гражданского кодекса Республики Армения (Гражданский кодекс Республики Армения от 28 июля 1998 г. № ЗР-239 // Официальные ведомости Республики Армения. – 10 августа 1998 г. – № 17(55)).

² См.: п. 3 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь (Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07 декабря 1998 г. № 218-3 // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101).

³ См.: п. 2 ст. 1084 особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан (Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) от 01 июля 1999 г. № 409-І ЗРК // Казахстанская правда. 17 июля 1999 г. № 172-173 (22889-22890); 20 июля 1999 г. № 174 (22891); 22 июля 1999 г. № 175 (22892); 23 июля 1999 г. – № 176–177 (22893-22894); 24 июля 1999 г. № 178 (22894); 27 июля 1999 г. № 179–180 (22896-22897)).

⁴ См.: п. 2 ст. 2576 книги пятой Гражданского кодекса Республики Молдова (Гражданский кодекс Республики Молдова от 06 июня 2002 г. № 1107-ХV // Официальный монитор Республики Молдова. 22 июня 2002 г. № 82–86).

⁵ См.: п. 2 ст. 1191 части третьей Гражданского кодекса Республики Таджикистан (Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть третья) от 01 марта 2005 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3. Ст. 124).

⁶ См.: третий абзац ст. 1158 второй части Гражданского кодекса Республики Узбекистан (Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29 августа 1996 г. № 256-І // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 1996. № 11–12. Ст. 1).

⁷ См.: п. 3 ст. 1167 части II Гражданского кодекса Кыргызской Республики (Гражданский кодекс Кыргызской Республики (ч. II) от 05 января 1998 г. № 1 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1998. № 6. Ст. 226).

Исключение составляет Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве», который не предусматривает общее резервное коллизионное правило вообще, устанавливая, вместе с тем, принцип наиболее тесной связи в качестве специальной резервной коллизионной привязки для права страны с множественностью правовых систем (ст. 6), личного закона лица с множественным гражданством (ст. 9) и договорного статута (ст. 25.3)¹.

Мы полагаем, что установление принципа наиболее тесной связи в качестве общего резервного коллизионного правила является обоснованным приемом коллизионного регулирования, так как случаи невозможности определения применимого права на основании ограниченного перечня установленных коллизионных норм допустимы и правоприменитель должен иметь хотя бы относительно определенный алгоритм действий в таких случаях. Вопрос о том, что в данной ситуации должен предпринять правоприменитель в Азербайджанской Республике, Закон республики «О международном частном праве» оставляет открытым.

В заключение отметим, что принцип наиболее тесной связи в качестве общей резервной привязки составляет важный и необходимый инструмент коллизионно-правового регулирования. Мы полагаем, что его роль будет значительной в той мере, в какой общественные, в особенности – частные, отношения будут эволюционировать и их новые формы будут требовать нового нормативно-правового, в том числе коллизионно-правового, опосредования. Подтверждением изложенного выступает то, что несмотря на состоявшееся в 2013 г. дополнение раздела VI ГК РФ целым рядом новых коллизионных норм (в том числе ст. 1216.1, 1217.1, 1217.2, 1220.1)², и на уровне разъяснения Пленума Верховного Суда РФ³,

---

¹ Закон Азербайджанской Республики «О международном частном праве» от 06 июня 2000 г. № 889-ПГ // Газета Азербайджан. – 29 октября 2000 г. – № 249.

² Федеральный закон РФ от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5030.

³ В частности, п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» в качестве примера гражданско-правового договора, для которого «в ст. 1211–1214 ГК РФ отсутствуют коллизионные нормы» и для которого, «если стороны не заключили соглашение о выборе применимого права», такое право следует определять на основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ, называет договор мены.

и, в особенности, на уровне юридической доктрины¹ получают признание многие случаи, в которых решение коллизионного вопроса возможно только на основании принципа наиболее тесной связи в качестве общей резервной коллизионной привязки.

*Симатова Е.Л.,
канд. юрид. наук, доцент,
зав. кафедрой международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УНИФИКАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Унификация правового регулирования как некоторых отраслей, так и отдельных институтов частного права – вопрос, с каждым годом только набирающий свою актуальность. Постоянно изменяются виды и уровни межгосударственной интеграции, а, следовательно, ставятся новые задачи по поиску адекватных и современных правовых механизмов, способных поддержать условия свободной торговли и беспрепятственного перемещения капитала и человеческих ресурсов.

На сегодня наиболее ярким, но не единственным примером успешной интеграции, безусловно, выступает Европейский союз.

---

¹ Например, Канашевский В.А. делает вывод о том, что «в силу отсутствия в российском праве коллизионных норм о трастах при определении применимого к трасту права должно использоваться общее правило п. 2 ст. 1186 ГК РФ» (Канашевский В. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 27–38. – URL : СПС «КонсультантПлюс»; Канашевский В.А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. – 2013. – № 4. – С. 63–67. – URL : СПС «КонсультантПлюс»).

Но изучать процессы унификации частного права только лишь в рамках этого образования означает безосновательно сузить предмет исследования, исключив из поля зрения уникальный опыт других интеграционных объединений, в частности, стран Латинской Америки.

Несмотря на то, что сегодня Латинская Америка не представляет собой единого международно-политического региона, равного Европейскому союзу, многолетняя история интеграционных процессов позволяет сделать любопытные обобщения и предположения о том, в каком направлении будет развиваться унификация частного права в будущем.

В целях настоящего исследования внимание будет уделено только истории коллизионно-правового регулирования договорного права в контексте тех предпосылок, которые способствовали формированию единого представления о таком регулировании на рассматриваемой территории.

Итак, интеграционным процессам в немалой степени содействовали территориальное соседство, общий для большинства стран язык, общая история и религия¹. Несмотря на то, что возникшие в разное время проекты объединения бывших испанских и португальских колоний по типу конфедеративного образования практического воплощения не возымели, позитивное отношение к идеям панамериканизма привели к проведению Панамского конгресса в 1826 г., ставшего, как считается, первой попыткой регламентации регионального взаимодействия.

Последовавшие затем военные конфликты, отсутствие экономической стабильности и неустойчивость политического правления не позволили в полной мере реализоваться идеям объединения латиноамериканских стран. Однако именно в XIX веке начала формироваться прочная основа для правового взаимодействия в силу тотальной рецепции европейского частного права, в частности, Французского Гражданского Кодекса 1804 г. Данный нормативный акт получил распространение на большей части территории рассматриваемого региона, что объяснило появление особенных черт у институтов гражданского и торгового права². Форма и

---

¹ Прохоренко И.Л. Латинская Америка: опыт структурирования транснациональных политических пространств / И.Л. Прохоренко // Вест. Моск. ун-та. Сер.25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 129.

² Доронина Н.Г. Особенности экономической интеграции стран Латинской Америки / Н.Г. Доронина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4. – С. 148.

степень его влияния на формирование гражданского права в латиноамериканских странах, однако, неодинакова: от принятия в практически неизменном виде (н-р, Гаити, Доминикана) до признания главным источником кодификации, сопровождающимся, при этом, разработкой самостоятельного закона с оригинальным содержанием (Чили, Аргентина).

И все же, тождество исходных положений Гражданских Кодексов Чили (1855 г.), Бразилии (1856 г.) и Аргентины (1869 г.) на долгие годы стало основным фактором гармонизации и унификации латиноамериканского частного права¹. Особо отметим и влияние французского и испанского торгового права, которое аналогичным образом выразилось в принятии довольно схожих торговых кодексов Бразилии, Аргентины и Чили.

На межгосударственном уровне, благодаря прочно укоренившимся идеям панамериканизма, эффективным инструментом сотрудничества в сфере правовой интеграции стали многочисленные международные договоры, в том числе, в области торговли и коммерческих договоров. Так, к числу первых межгосударственных актов, принятых в обеспечение устойчивости международного торгового оборота, относят Договор о торговле и судоходстве 1864–1865 гг., генеральным положением которого выступала идея о том, что все частные договоры и выданные документы договаривающихся стран имеют равную юридическую силу и признаются на территории всех государств-участников².

Особый интерес в контексте предмета настоящего исследования вызывает Конвенция об установлении единообразных норм международного частного права, принятая на Американском конгрессе юристов в г. Лиме в 1878 г. Шестьдесят статей этого документа закрепляют концептуальные положения, касающиеся гражданско-правового статуса и правоспособности физических лиц; имущественных и договорных отношений, осложненных иностранным элементом, правового режима браков и наследования, а также некоторые вопросы процессуального права, в частности, признание и исполнение иностранных судебных решений³.

---

¹ Хесус Антонио Уртадо. Гармонизация и унификация частного права в странах Латинской Америки / Хесус Антонио Уртадо // Вестник РУДН, сер. Юридические науки. – 2007. – № 5. – С. 27.

² Там же. – С. 28.

³ Нефедов Б.И. Динамика изменений структуры межсистемных правовых образований в XIX веке / Б.И. Нефедов // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 140.

Данную Конвенцию ратифицировало только Перу, поэтому говорить о повсеместном использовании ее положений не приходится.

Вместе с тем, можно с уверенностью утверждать, что разработка и принятие данного документа стали главной предпосылкой для появления другого, более значимого правового явления – подписания 9 соглашений на Конгрессе в г. Монтевидео, проходившего в 1888–1889 гг., посвященных широкому перечню институтов международного частного права: от международного процесса до отдельных вопросов интеллектуальной собственности.

Принципиально важным положением рассматриваемых договоров выступил закрепленный приоритет *lex domicilii*. Это явилось на тот момент положением довольно-таки смелым, идущим в разрез с устоявшейся практикой преимущественного применения *lex personalis*, основанной на рецепции аналогичных положений Французского Гражданского кодекса.

Среди указанных 9 соглашений в силу предмета настоящего исследования особый интерес вызывают положения Договора о международном гражданском праве. Этот документ закрепляет правовой статус физических и юридических лиц, а также государства, в том случае, когда таковое выступает в качестве субъекта гражданского права, а также широкому кругу вопросов, вытекающих из имущественных и личных неимущественных правоотношений. Проблема выбора применимого права, как отмечалось, разрешалась преимущественно по закону страны домицилия, однако, использовались и другие коллизионные привязки.

Так, обратим внимание на положения Договора, касающиеся сделок и гражданско-правовых договоров. Реквизиты договора, его форма определялись по закону места его исполнения, который регулировал также вопросы самого факта заключения договора, его действительности, правовой природы, правовых последствий исполнения и другие вопросы, связанные с содержанием договора¹.

Иначе разрешался вопрос в отношении договоров по поводу индивидуально определенных вещей и договора на оказание услуг. В первом случае преимущественному применению

---

¹ Доронина Н.Г. Унификация права стран Латинской Америки / Н.Г. Доронина // Законодательство и экономика. – 2002. – № 10. – С. 79.

подлежал *lex rei sitae*, во втором действовала целая система коллизионных принципов в зависимости от фактических обстоятельств:

- если услуга состоит в передаче вещи закон – применялся места нахождения вещи в момент заключения договора;
- если действие договора связано с определенным специальным местом его исполнения – закон места, где должны возникнуть правовые последствия исполнения договора;
- во всех прочих случаях применялся закон места domicilia должника.

Дальнейшее развитие правовой мысли в странах Латинской Америки справедливо связывают с принятием Кодекса международного частного права 1928г. в Гаване (Кодекса Бустаманте), что свидетельствовало не просто о попытке унификации отдельных норм, а о кодификации МЧП на рассматриваемой территории в целом. Характерным для этого акта моментом выступает явственный приоритет *lex fori*, что по мнению некоторых специалистов свидетельствовало о существенной уступке внутреннему праву¹.

В целом отличительной особенностью Кодекса Бустаманте является более высокий, по сравнению с договорами Монтевидео, уровень кодификации норм-принципов по широкому кругу вопросов частного права, в том числе, касающихся договорных обязательств. Так, применительно к договорам, осложненным иностранным элементом, такими принципами выступали принцип территориальности и принцип автономии воли сторон. Последний выражен как признание за договорными условиями юридической силы закона для договаривающихся сторон – физических и юридических лиц (ст. 166)².

Несмотря на всю значимость этого достижения, в последующем унификации международного частного права пошла по пути отраслевой кодификации. Об окончательном отказе от универсального подхода к унификации права свидетельствует работа Межамериканской специализированной конференции по международному частному праву, результатом которой стало принятие более 20 отраслевых конвенций, среди которых особо отметим

---

¹ Хесус Антонио Уртадо. Гармонизация и унификация частного права в странах Латинской Америки / Хесус Антонио Уртадо // Вестник РУДН, сер. Юридические науки. – 2007. – № 5. – С. 29.

² Кодекс международного частного права. Кодекс Бустаманте 1928 г. – URL : <http://docs.cntd.ru/document/901898345> (дата обращения 15.11.2020).

Межамериканскую Конвенцию о праве, применимом к международным контактам 1994 г.¹

Данная Конвенция дает определение понятия международного контракта как контракта, стороны которого имеют обычное место жительства или коммерческие предприятия в различных договаривающихся государствах, или контракта, имеющий объективную связь более чем с одним договаривающимся государством. Генеральной коллизией привязкой, разрешающей проблему выбора применимого права, провозглашен *lex voluntatis* (ст. 7), который может выражаться как явно, так исходить из поведения сторон или условий контракта. Выбор применимого права может распространяться как на весь договор в целом, так и на его отдельные части. Делается особо важная оговорка о том, что выбор суда не предопределяет выбор применимого права.

В том случае, если стороны контракта не договорились о применимом праве либо такой выбор признан недействительным, подлежит применению закон наиболее тесной связи. Судом могут быть приняты во внимание любые объективные и субъективные элементы контракта при определении компетентного правопорядка.

Определен и обязательственный статут – в ст. 14 Конвенции перечислены вопросы, разрешаемые на основе избранного применимого права:

- толкование контракта;
- права и обязанности сторон;
- исполнение обязательств, предусмотренных контрактом, и последствия неисполнения контракта, включая возмещение убытков, за которые может быть получена денежная компенсация;
- различные способы исполнения обязательств, а также сроки исковой давности и сроки обращения с иском;
- последствия ничтожности или недействительности контракта.

Формулировка данной статьи позволяет сделать вывод о том, что указанный перечень не является исчерпывающим.

---

¹ Межамериканская Конвенция о праве, применимом к международным контрактам (Мехико, 17 марта 1994 года). – URL : <https://uristinfo.net/dogovornoe-pravo/99-dogovornoe-pravo-v-mezhdunarodnom-oborote/2510> (дата обращения 15.11.2020).

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что процессы унификации, происходящие на территории стран Латинской Америки как в области правового регулирования международных коммерческих договоров, так и в сфере частного права в целом, представляют безусловный интерес для современных исследователей. Уникальный опыт, не только отражающий общемировые тенденции, но зачастую предвосхищавший развитие европейской правовой доктрины на многие годы, позволяет отследить постепенную трансформацию и совершенствование регулирования рассматриваемого института. Среди наиболее явных тенденций следует отметить отход от применения «жестких» коллизионных привязок в пользу автономии воли сторон, более детальная система коллизионных норм, использование в качестве генеральной привязки принципа наиболее тесной связи (в отсутствие сделанного выбора сторонами договора). Обобщение, таким образом, мирового опыта развития коллизионного регулирования международных коммерческих договоров позволит выдвигать предположения о путях его дальнейшего совершенствования с учетом вызовов современности.

*Шаповал О.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

ДОГОВОРЫ КУПЛИ-ПРОДАЖИ, ДАРЕНИЯ И МЕНА ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ШВЕЦИИ

Правовой режим объектов недвижимого имущества определяется целым рядом нормативных актов. Основными законодательными актами из них являются Конституция Швеции, Закон Об Образовании Объектов Недвижимости (1970:988), Закон Об Сервитутах На Коммунальные Услуги (1973:1144), Закон О Совместных Установках (1973:1149), Шведский Экологический Кодекс

(1998: 808), Земельный Кодекс (1970:994), Закон О Дорогах (1971:948).

Ранее в научных статьях рассматривались характеристики правовой конструкции категории недвижимого имущества, теперь обратим внимание на особенности обязательств по передаче имущества в собственность.

Наиболее широко порядок заключения, исполнения и расторжения договоров купли-продажи, мены и дарения представлен в Земельном Кодексе Швеции¹. Отдельные положения также содержатся в Законе об Образовании объектов недвижимости² и Законе об сервитутах на коммунальные услуги³.

Земельный кодекс состоит из 24 х глав. В кодексе содержатся положения о недвижимом имуществе и его составляющих, характеристика сделок с ним, порядок урегулирования взаимоотношений с собственниками соседних объектов недвижимости, особенности залога недвижимости, положения об аренде отдельных объектов недвижимости, право застройки (определяется как долгосрочная аренда с правом приобретения права собственности), сервитуты, порядок регистрации в кадастровом реестре, правило внесения в него записей, особенности использования и регистрации прав на промышленные объекты⁴.

Договорам купли-продажи, мены и дарения посвящена 4 глава Земельного кодекса.

В разделе первом данной главы указывается, что договор купли-продажи должен быть заключен в письменной форме. Существенными условиями договора является цена и момент перехода права собственности, который, как правило, совпадает с передачей объекта недвижимости покупателю. В случае продажи нескольких объектов, указанных в качестве предмета договора может быть указана их общая цена. Закон не допускает

---

¹ Land Code (1970:994) at the Riksdags website (only available in Swedish). – URL : <https://www.boverket.se/en/start/building-in-sweden/swedish-market/land/property-laws>

² Real Property Formation Act (1970:988) at the Riksdags website (only available in Swedish). – URL : <https://www.boverket.se/en/start/building-in-sweden/swedish-market/land/property-laws>

³ Utility Easements Act (1973:1144) at the Riksdags website (only available in Swedish). – URL : <https://www.boverket.se/en/start/building-in-sweden/swedish-market/land/property-laws>

⁴ Шаповал О.В. Шведское законодательство о недвижимости и вещных правах / О.В. Шаповал // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11(150). – С. 176–178.

дополнительных соглашений по поводу цены договора между сторонами, отличных от указанной в договоре. При их заключении они будут признаны недействительными. В договоре может быть указано, что цена в дальнейшем будет изменена при наступлении определенных событий, которые ставят одну из сторон в крайне невыгодное положение.

Несоблюдение указанных условий влечет за собой признание договора недействительным. Однако эти требования не распространяются на приобретение имущества для преобразования в кондоминиум или приобретения права собственности на арендуемое недвижимое имущество.

Закон указывает, что не могут быть включены в договор следующие условия:

- 1) дополнительные условия сделки, не предусмотренные законом и обременяющие покупателя;
- 2) освобождение продавца от участия в спорах с третьими лицами о переданном имуществе и оспаривании сделки;
- 3) ограничение покупателя в правах на полученное по сделке недвижимое имущество (в частности, на передачу в залог).

Кодекс устанавливает максимальный срок для исполнения договора купли-продажи в два года с момента его заключения. При указании более длительного срока договор признается недействительным. Если срок не указан, он считается двухлетним.

Дробление недвижимого имущества на доли допускается в шведском законодательстве, однако, не приветствуется. Большинство положений законодательства направлено на недопущение выделения долей в праве на объекты недвижимости. При невозможности избежать подобного дробления устанавливается срок в пределах шести месяцев со дня подписания договора о выделении долей для регистрации права на такую долю.

Пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется сособственниками совместно. Определение конкретного имущества, входящего в состав доли возможно только при ее выделении.

В шведском законодательстве четко прослеживается принцип единства судьбы земельного участка и недвижимости, расположенной на нем. Это подтверждается нормой, согласно которой, собственник земельного участка с расположенными на нем

объектами недвижимости может распорядиться одним из них только с разрешения кадастрового органа. Суть такого разрешения состоит в оценке целесообразности возможного разделения прав на земельный участок и расположенный на нем объект недвижимого имущества.

До перехода права собственности, который совпадает с моментом передачи объекта, доходы от имущества принадлежат продавцу. Он также оплачивает налог на данную недвижимость за указанный период. С момента подписания договора до его передачи покупателю продавец обязан использовать объект недвижимости только в соответствии с тем назначением, которое указано в договоре купли-продажи. Риск случайной гибели или повреждения имущества до его передачи покупателю лежит на продавце. С момента, когда покупатель должен был принять, но не принял объект – на покупателя.

Если в течение указанного периода, то есть до принятия объекта покупателем он был поврежден или его состояние ухудшилось – покупатель вправе требовать уменьшения покупной цены. При существенном ухудшении – вправе отказаться от договора. Кроме того, он вправе требовать возмещения ущерба, причиненного в связи с указанными обстоятельствами. Однако, если в течение года с момента передачи объекта, покупатель не заявил соответствующий иск об уменьшении цены или о расторжении договора в связи с ухудшением имущества, он теряет такое право.

При нарушении продавцом сроков передачи имущества, предусмотренных договором, он обязан возместить покупателю, причиненный такой задержкой ущерб. Если подобное нарушение сроков является существенным, покупатель вправе отказаться от договора.

Право отказа от договора предоставляется покупателю также при неисполнении иных обязанностей продавцом, в частности, если он не передает правоустанавливающие документы или препятствует регистрации права.

Также, если по иным причинам, не зависящим от покупателя, регистрация права не была осуществлена, он вправе отказаться от договора и потребовать возврата уплаченных сумм и компенсации причиненного вреда. Однако, он утрачивает такое право по истечении года с момента подачи заявления на регистрацию права

собственности по данному договору. За исключением случаев недобросовестного поведения продавца, препятствующего такой регистрации.

В случае, если продавец утаил существенную информацию, влияющую стоимость объекта (залог или иное обременение) недвижимости покупатель вправе требовать уменьшения цены.

При обнаружении недостатков имущества после его передачи, покупатель также вправе требовать уменьшения покупной цены или расторжения договора. Данное положение не распространяется на недостатки, которые должны были быть обнаружены покупателем при осмотре либо является следствием нормального износа.

Покупатель также лишается права на расторжение договора, если он не заявил продавцу об этих недостатках в разумный срок после их обнаружения или, когда должен был их обнаружить, но не обнаружил. Данное положение не распространяется на случаи, когда продавец действовал недобросовестно, то есть знал об этих недостатках, но скрыл их.

Продавец обязан передать покупателю все необходимые документы для эксплуатации объекта недвижимости.

Если право собственности продавца на передаваемое имущество было оспорено после заключения договора, покупатель вправе требовать расторжения договора, возврата покупной цены и компенсации причиненного ущерба.

Договору мены в кодексе посвящена всего одна статья. Как и в российском гражданском законодательстве при регулировании отношений мены используются положения договора купли-продажи. Необычным является указание на то, что при оспаривании договора невозможно требовать возврата переданного имущества в натуре, а только компенсацию его стоимости.

Договору дарения шведский законодатель также посвятил только три короткие статьи, в которых закрепил отсылку к некоторым положениям договора купли-продажи (в частности, касающихся перехода права собственности на доли в общем имуществе).

Установлен запрет на заключение договора дарения в отношении не рождённого ребенка.

Также указал, что даритель обязан передать одаряемому дар в течение двух лет с момента заключения договора. При

нарушении указанного срока одаряемый вправе требовать передачи дара или выплаты стоимости подарка дарителем. Сравнивая данные положения с российскими договором дарения, следует отметить, что в шведском законодательстве не предусмотрены основания ограничения, отказа от исполнения и отмены дарения со стороны дарителя.

Представленный краткий обзор правового регулирования обязательств по передаче недвижимого имущества в собственность позволяет сделать вывод о том, что, в целом, положения российского и шведского законодательства очень схожи. Однако шведское отличается определенным своеобразием, которое отражает характерные черты скандинавской правовой культуры.

Раздел III
Международное уголовное право
и актуальные вопросы международного
сотрудничества в сфере борьбы с преступностью

***Бугаевская Н.В.,**
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Тульский
государственный университет
г. Тула*

***Егорова Т.И.,**
канд. юрид. наук,
докторант Академии ФСИН России
г. Рязань*

**ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ В ОТНОШЕНИИ
МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОЕ
УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Ратифицируя международные договоры, государства-участники обязуются осуществить имплементацию их содержания в национальное законодательство, то есть претворить в жизнь нормы международных стандартов в определенной области¹. В сфере борьбы с коррупцией перед Российской Федерацией стоит задача закрепить признанные нормы в свое отраслевое законодательство.

Россия присоединилась к таким международным актам как Конвенция ООН против коррупции 2003 г., Конвенция Совета

---

¹ Курносова Т.И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство / Т.И. Курносова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4(53). – С. 203–208.

Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г., Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 2005 г. Несмотря на то, что процесс ратификации давно завершен, и то, что модернизация уголовного законодательства в свете исполнения международных обязательств проводилась весьма интенсивно, остался ряд проблем, связанных с корректировкой уголовно-правовых норм, не до конца соответствующим по отдельным вопросам антикоррупционным требованиям наднационального уровня.

Одним из недостатков борьбы с коррупцией является неприменение к лицам, совершившим преступления, полного арсенала средств, имеющего в уголовном законе. В частности, это касается конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера.

В Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ст. 19) предусмотрено, что каждое государство, присоединившееся к данному международному акту, в отношении коррупционных деяний должно принимать эффективные меры, способные сдерживать преступность данного вида; назначать наказания и иные меры воздействия, основываясь на принципе соразмерности и учитывая тяжесть преступлений.

Конвенция ООН против коррупции (ст. 30) также устанавливает, что степень общественной опасности коррупционных деяний должна определять виды мер уголовного принуждения, которые должны применяться государством в отношении лиц, их совершивших.

Главным мерилom общественной опасности и инструментом принципа справедливости служат санкции, которыми сопровождаются все нормы Особенной части УК РФ¹. Именно они определяют «пределы справедливости», на которые суд опирается при назначении наказания. Не применяя конфискацию по всем видам коррупционных преступлений, Российская Федерация не

---

¹ Наумов А.В. О законодательных критериях конкретизации принципа справедливости наказания при его назначении // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практич. конф. – Рязань : Академия права и управления ФСИН России, 2016. – С. 32–38.

выполняет рекомендации Конвенции ООН против коррупции 2003 г.¹, что отмечают многие исследователи, предлагающие внести в закон изменения в части расширения применения конфискации в отношении лиц, осужденных за коррупционные преступления².

В частности в настоящее время в ст. 104.1 УК РФ в ряду преступлений, относящихся к разряду коррупционных, в отношении которых может быть применена конфискация имущества, названы такие деяния как оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 3, 4 ст. 184 УК РФ), злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ), коммерческий подкуп (ч. 5–8 ст. 204 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ). Но при этом отсутствуют такие деяния как присвоение и растрата (ч. 3 ст. 160 УК РФ), злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), посредничество при оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ч. 5 ст. 184 УК РФ) и др.

Между тем уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера способны оказывать на осужденных за коррупционные преступления наиболее сильное воздействие, если последние ущемлены в материальных благах. Коррупционные мотивы их поведения преследуют цель обогащения, поэтому лишая их преступно нажитого имущества, государство достигает требуемого эффекта – возникают нравственные страдания осужденного, через которые достигаются цели уголовного принуждения. В виду этого назначение конфискации является одним из самых

---

¹ Андреева Л.А. Проблемы совершенствования уголовных наказаний за коррупционные преступления / Л.А. Андреева // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 33. – С. 12–16.

² Журавлев М.П. Резервы российского законодательства в сфере борьбы с коррупцией / М.П. Журавлев // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2018. – № 1. – С. 33.

оправданных к назначению мер уголовно-правового характера и, несомненно, требует расширения применения.

Однако обилие в законодательстве наказаний и мер уголовно-правового характера, связанных с имущественным воздействием на осужденного, имеет и обратный эффект. Как отмечал еще в конце XIX в. профессор А.Ф. Кистяковский, преобладание имущественных наказаний не способствует осуществлению идеи «общего блага», являющейся главной для государства, так как, во-первых, служит возможностью для обеспеченных граждан откупиться даже при совершении тяжких преступлений, во-вторых, умаляет авторитет государства, которое умножает бюджет за счет «язв общества», превращая их в источник дохода, и, в-третьих, позволяет ущемлять интересы членов семей наказываемых лиц, страдающих от исполнения наказания посредством лишения имущества, что не соответствует принципам индивидуализации и вины¹.

Совершенно точно, что наказания и меры уголовно-правового характера только тогда имеют определенное воспитательное воздействие на осужденного, если обладание им материальными или нематериальными благами воспринимается как страдание. В виду этого исполнение требований международных стандартов в свете борьбы с коррупцией в части включения в ст. 104.1 УК РФ и других видов коррупционных преступлений, при совершении которых может быть назначена конфискация имущества, должно сочетаться с принципом индивидуализации мер государственного принуждения, что означает разумное сочетание наказаний, которые носят имущественный характер, с конфискацией имущества.

Задача борьбы с коррупцией относится к числу «неформализованных задач», то есть задач, не могущих иметь однозначного решения². В виду различий типов личности преступников-коррупционеров в диапазоне от единожды получивших взятку в небольшом размере (мелком, значительном) до систематически вымогающих суммы в крупных и особо крупных размерах; от лиц, совершивших единичные хищения с использованием своего

---

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. – Т. 1: Общая часть. – Киев, 1875. – С. 400.

² Фещенко П.Н. К вопросу о строгости наказания за коррупционные преступления, вызывающие широкий общественный резонанс и рост социальной напряженности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 7. – С. 67.

служебного положения, до лиц, делающих на систематическом хищении или нецелевом использовании бюджетных средств много-миллиардные состояния, требуются и разные подходы к наказанию – и к наличию альтернативных видов наказаний в санкциях антикоррупционных норм, и к выбору данных видов при назначении. На индивидуальный подход к назначению наказаний указывают не только международные требования, но и рекомендации Пленума Верховного Суда РФ: при совершении коррупционных преступлений степень общественной опасности может быть различной, поэтому судам следует обращать внимание при выборе наказания и определении его срока или размера на содержание и значимость обязанностей, выполняемых виновным, злоупотребившим своим служебным положением, на мотивы и цели преступления, на продолжительность преступных действий (бездействия), на размер и характер причиненного вреда¹.

*Гигинейшвили М.Т.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры международного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЮ АГРЕССИИ

Длительное время война считалась допустимым политическим инструментом, к ней прибегали при первой же провокационной ситуации, использовали как законный способ приобретения государственной территории путем захвата². Однако с конца XIX в. начинают проходить мирные конференции, в рамках которых

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения 07.02.2021).

² Korman Sh. The right of Conquest: The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice. – Oxford, 2003. – P. 9.

формируются правила ведения войны, а после Первой мировой войны отношение мирового сообщества к агрессии изменилось на 180 градусов. Согласно ст. 10 Статута Лиги наций государства-члены были обязаны «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги»¹. В ст. 227 Версальского мирного договора была предпринята попытка привлечь к ответственности Вильгельма II². Десятилетием позже 27 августа 1928 г. был принят Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, иначе известный как Пакт Бриана-Келлога³. Прорывом в части криминализации агрессии можно считать Конвенцию об определении агрессии 1933 г., в которой впервые была дана дефиниция этого преступления⁴. В дальнейшем агрессия была включена в Уставы Нюрнбергского⁵ и Токийского⁶ военных трибуналов как вид преступления против мира. Решением Военного трибунала США в Нюрнберге по делу Вильгельмштрассе от 11–13 апреля 1949 г. Г. Ламмерс, П. Кёрнер и В. Кепплер были осуждены за преступление агрессии и приговорены к 20, 15 и 10 годам лишения свободы соответственно⁷. Также агрессия была включена в Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 г. (ч. 1 ст. 2) и 1996 г. (ст. 16). Примечательно, что ни в одном из перечисленных международных договоров и их проектах, за исключением Конвенции 1933 г., не раскрывается понятие агрессии.

---

¹ Статут Лиги наций от 28 июня 1919 г. – URL : <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения 10 марта 2021).

² Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. – URL : http://www.hrono.info/dokum/191_dok/19190628versal.php (дата обращения 10 марта 2021).

³ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана–Келлога) от 27 августа 1928 г. – URL : <http://docs.cntd.ru/document/901786550> (дата обращения 10 марта 2021).

⁴ Конвенция об определении агрессии 04 июля 1933 г. – URL : <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1494> (дата обращения 10 марта 2021).

⁵ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08 августа 1945 г. – URL : <http://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения 10 марта 2021).

⁶ Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. (Электронный ресурс) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902053853> (дата обращения 10 марта 2021).

⁷ Cassese A., Acquaviva G., Fan M., Whiting A. *International Criminal Law: Cases and Commentary*. – Oxford, 2011. – P. 241.

Дать определение агрессии оказалось непростой задачей для мирового сообщества. Государства не могли прийти к консенсусу относительно объективных признаков. Лишь в 1974 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314, согласно которой под агрессией понимается «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»¹. В качестве агрессии надлежит квалифицировать:

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

б) бомбардировки вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

с) блокаду портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

д) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства;

е) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;

ф) действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

г) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это

---

¹ Резолюция ГА ООН 3314 от 14 декабря 1974 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения 10 марта 2021).

равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них¹.

Невзирая на то, что резолюции ГА ООН по своей природе являются актами «мягкого» права, нося исключительно рекомендательный характер, вышеуказанное определение получило широкое распространение и признание в мире. Стоит обратить внимание на тот факт, что резолюция 3314 дает определение агрессии как акта государства, а не физического лица. В отличие от международного права, в национальном уголовном законодательстве многих стран развязывание агрессивной войны было криминализовано (ст. 353 УК РФ, ст. 411 (4) УК Франции, ст. 81 УК Японии, ст. 300 (1) УК Турции, ст. 92 УК Республики Корея и т.д.)².

Международный Трибунал по бывшей Югославии, как и другие международные и гибридные трибуналы, не распространил свою юрисдикцию на преступление агрессии³. Сербия и Черногория предпринимали попытку призвать к ответу страны НАТО в Международном Суде ООН, обвиняя их в несанкционированном применении силы⁴. Однако в случае агрессии, как акте государства, речь в первую очередь идет о нарушении принципов Устава ООН. Современная система безопасности строится на принципах неприменения силы и разрешения споров любыми мирными средствами (ст. 2 Устава ООН⁵). Применение силы в международном праве может быть законно только в случае самообороны (ст. 51 Устава ООН) или введения миротворческих войск с санкции Совета Безопасности ООН для предотвращения гуманитарной катастрофы (ст. 42 Устава ООН). Любое другое применение силы против суверенитета и территориальной целостности государства может быть расценено как агрессия.

---

¹ Резолюция ГА ООН 3314 от 14 декабря 1974 г. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения 10 марта 2021).

² Sayarin S. *Aggression in International Criminal Law*. The Hague, 2014. P. 218–219.

³ Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии: Резолюция 827 (1993) Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г. – URL : <http://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения 12 марта 2021).

⁴ По делу, касающемуся правомерности применения силы (Югославия против Бельгии) Постановление Международного суда ООН от 02 июня 1999 г. – URL : <http://www.icj-sij.org/homepage/ru> (дата обращения 12 марта 2021).

⁵ Устав ООН от 26 июня 1945 г. – URL : <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения 10 марта 2021).

По причине отсутствия юрисдикции, Международный суд ООН так и не вынес решения, осудившего или оправдавшего действия войск НАТО в Косово, оставив вопрос о гуманитарной интервенции, открытым на повестке дня¹. Хотя Суд указал, что его решение об отказе в удовлетворении иска связано с процессуальными аспектами и никак не влияет на квалификацию содеянного странами НАТО. Тем не менее, дверь в Международный суд ООН закрылась. Но даже если предположить ситуацию удовлетворения иска, к ответственности были бы привлечены государства, а не конкретные физические лица.

На сегодня агрессия входит в компетенцию Международного уголовного суда. И здесь были определенные процедурные проблемы. В 1998 г. при подписании Римского статута² государства не приняли определение агрессии, «отложив» его до встречи в Кампале в 2010 г.³ Разработка дефиниции отняла у мирового сообщества почти 60 лет с момента создания ООН. Еще 7 лет ушло на «активацию» поправки к Римскому Статуту. Кульминацией столь длительного процесса стало принятие Ассамблеей государств-участников 14 декабря 2017 г. резолюции по активизации юрисдикции Международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии⁴. И, наконец, 17 июля 2018 г. наступил исторический момент – Международный уголовный суд может рассматривать дела по факту агрессии, однако с оговоркой: факт агрессии должен произойти после вступления поправки в силу. Помимо временных ограничений привлечения к ответственности за агрессию есть и процессуальные. Государство и прокурор не вправе

---

¹ По делу, касающемуся правомерности применения силы (Югославия против Соединенного Королевства): Постановление Международного суда ООН от 02 июня 1999 г., По делу, касающемуся правомерности применения силы (Югославия против Бельгии): Постановление Международного суда ООН от 2 июня 1999 г. – URL : <http://www.icj-cij.org/homepage/gu> (дата обращения 12 марта 2021).

² Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. – 1999. – № 4.

³ Конференция по обзору Римского статута Международного уголовного суда (Кампала, 31 мая – 11 июня 2010 г.). Официальные отчеты. – URL : <https://crimeofaggression.info/documents/6/Review-Conference-official-records-RUS.pdf> (дата обращения 12 марта 2021).

⁴ Резолюция по активизации юрисдикции Международного уголовного Суда в отношении преступления агрессии от 14 декабря 2017 г. – URL : <http://opiniojuris.org/wp-content/uploads/ICC-ASP-16-L10-ENG-CoA-resolution-14Dec17-1130.pdf> (дата обращения 12 марта 2021).

обращаться в МУС с заявлением начать расследование, если преступление агрессии совершено гражданином государства или на территории государства, не ратифицировавшего поправку к Римскому Статуту. Следовательно, вопрос может быть передан в МУС только Советом Безопасности ООН. Это порождает очередное препятствие на пути к правосудию¹.

Определение агрессии, содержащееся в ст. 8-бис Римского статута, почти полностью воспроизводит положения Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3314. Согласно Статуту МУС, «преступление агрессии» означает «планирование, подготовку, иницирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций»². В то же время поправки³, принятые к Элементам преступлений, детально раскрывают состав агрессии. Так, объективная сторона выражается в планировании, подготовке, развязывании или осуществлении акта агрессии либо уже был совершен акт агрессии: применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, т.е. такой акт в силу своего характера, серьезности и масштабов являлся грубым нарушением Устава ООН. С субъективной стороны преступление совершается с прямым умыслом. Субъект преступления специальный, лицо должно обладать достаточными ресурсами и влиянием для совершения агрессии.

В завершении отметим, что агрессия, бесспорно, является преступлением в современном международном праве, однако,

---

¹ См.: Кибальник А.Г. Будет ли признана военная операция США и их саттелитов против Сирии актом агрессии? / А.Г. Кибальник // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 1. – С. 80–81.

² Поправки к Римскому Статуту Международного уголовного суда. – URL : https://asp.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/RC2010/AMENDMENTS/CN.651.2010-ENG-CoA.pdf (дата обращения 12 марта 2021).

³ Резолюция RC/Res.6 от 11 июня 2010 г. – URL : https://msal.ru/common/upload/icctc2012rus_aggression_russian.pdf (дата обращения 12 марта 2021).

казалось бы, очевидное преступление было очень сложно вписать в рамки международного договора, дать определение, сконструировать состав. Кампальская поправка к Римскому статуту, введенная в действие почти 3 года назад, позволила мировому сообществу привлекать индивидов к ответственности, хотя и ограничила юрисдикционные механизмы, сведя все к необходимости констатировать факт агрессии Советом Безопасности ООН для передачи дела в МУС.

*Клюев А.А.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Краснодар*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ГЕНОЦИДА В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Для правильного и точного применения статьи 357 УК РФ необходимо выяснить содержание термина «геноцид», который имеет международно-правовую основу.

Непосредственно вопросы геноцида, как преступления, направленного на убийство группы людей по принципу расы, национальности, вероисповедания и тому подобное возникло после второй мировой войны. Прежде всего термин «геноцид» нашел свое закрепление в таком международно-правовом акте как Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 года¹. В тексте названного нормативно-правового акты указывается следующее: «Геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является

---

¹ Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (Заключена 09.12.1948 г.) // Ведомости ВС СССР. 22 июня 1954 г. № 12. Ст. 244.

преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого страны-участницы обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение»¹.

В настоящее время в целях единообразного противодействия преступным посягательствам на мир и безопасность всего человечества 17 июля 1997 года в Риме был принят Римский статут Международного уголовного суда (далее Римский статут)². В широком смысле упомянутый выше нормативный акт устанавливает ответственность за преступные посягательства, которые создают угрозу безопасности всему миру. Наиболее опасным из посягательств, которые подлежат рассмотрению Международным уголовным судом выступает геноцид. Римский статут не был «первопроходцем» в части регламентации геноцида, так как этому общественно опасному деянию посвящены и иные специальные акты. Основываясь на ранее выработанной практике определения геноцида в статье 6 Римского статута это преступное посягательство определяется как: «Всякое действие, совершаемое с целью полного или частичного уничтожения любой национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Что касается отдельных проявления (действий), которые составляют геноцид, то к ним акт относит:

- «а) Убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- с) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Важно учитывать то, что большинство из названных выше деяний непосредственно нашло свое отражение и в статье 357 УК

---

¹ Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву : учеб. пособие. – М., 2002. – С. 21.

² Римский статут Международного уголовного суда [рус., англ.] (Вместе с «Пособием для ратификации и имплементации...») (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // СПС «КонсультантПлюс».

РФ, что позволяет констатировать рецепцию международно-правовых позиций в российское уголовное законодательство.

Важно учитывать, что международно-правовые положения о геноциде имеют широкое как теоретическое, так и практическое содержание. В практике Международного уголовного суда имеются ряд решений, которые они вынесли по обвинению лиц в геноциде.

В частности, следует учитывать содержание понятия геноцида, которое было раскрыто в деле «The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir». Сущность обстоятельств, рассмотренных судом, сводилась к тому, что: «С марта 2003 года по июль 2008 года имел место достаточно длительный вооруженный конфликт в Дарфуре между правительственными подразделениями государства Судана и неконтролируемыми государством вооруженными организованными группами, в число которых входило суданское освободительное движение – армией Судана и Суданское движение за справедливость. Во время кампании государственные силы предположительно совершили преступления против человечности, военные преступления и преступления геноцида в отношении гражданских лиц, принадлежащих к группам мех, масалит и загхава, в частности проведены многочисленные незаконные нападения, систематические акты мародерства на города и деревни; убиты тысячи мирных жителей; совершены акты изнасилований тысячи женщин; совершено насильственное перемещение сотен тысяч мирных жителей; подвергнуты пыткам представители гражданского населения»¹.

В приведенных выше материалах можно обнаружить, что в качестве геноцида были признаны действия в виде: «Убийства членов группы; причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам группы; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее».

Несмотря на достаточно широкое определение геноцида в международных правовых актах ученые все же полагают, что оно,

---

¹ Decision on the Prosecution's Application for a Warrant of Arrest against Omar Hassan Ahmad Al Bashir ICC-02/05-01/09-3 04 March 2009. – URL : <https://www.icc-cpi.int/pages/record.aspx?uri=639096>

тем не менее, не охватывает всего спектра негативного поведения, которое следовало бы включить в законодательство. В частности, действующее международное законодательство не позволило признать геноцид в действиях отдельных диктаторов¹. Мы также поддерживаем высказанное выше утверждение. В современных условиях быстро изменяющегося мира возникает множество инструментов, для того чтобы причинять существенный вред множеству потерпевших, которые в совокупности не позволяют судить о посягательстве на отдельные права и свободы личности. Их следует рассматривать как угрозу всему человечеству или определенных социальным и иным группам. Надежная защита требуется и в части социальных меньшинств, посягательства на жизнь и здоровье которых обладает повышенной опасностью. Именно это и позволяет прийти к выводу о важности не только законодательного подхода к определению геноцида, но и расширению его понимания.

Между тем в процессе применения норм международного уголовного права об ответственности за геноцид Международными трибуналами по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международным трибуналом по Руанде (МТР) выявлен ряд существенных проблем доказывания в связи с наличием вопросов о существовании группы, в отношении которой применялись деяния, имеющие объективные признаки геноцида. В частности, в Руанде: «Деяние было направлено в отношении племени тутси, но сторона защиты в противовес выдвинутых обвинений считала, что такой этнической группы не существует, поскольку отсутствуют такие важные признаки идентификации группы, как собственная культура или язык. Помимо этого, данная группа не относится по своим признакам к национальной, этнической, религиозной или расовой группе»². Все это приводит нас к необходимости постановки вопроса о выработке критериев определения групп как определенного рода обособленных, посягательство на существование которых можно относить к геноциду. С учетом практических наработок, которые предлагаются российскими и зарубежными учеными следует установить следующие показатели, характерные для определенных групп:

---

¹ Cryer R. *International Criminal Law and Procedure* / R. Cryer, H. Friman, D. Robinson, E. Wilmschurts. – Cambridge University Press, 2007. – P. 175.

² См.: Quigley J. *The Genocide Convention: an International Law Analysis*. – 2006. – P. 146.

«1) Стабильность группы означает наличие определенных связей между ее членами, которые могут выражаться в посещении единой церкви, наличии единых общих традиций, культурного наследия;

2) постоянство связано с временным признаком существования определенной группы;

3) практика МТБЮ свидетельствует о том, что необязательно группа должна относиться только к одному идентификационному признаку (религия, этнос, раса, национальность). Вполне допустимо наличие устойчивой группы, образующейся на основе сочетания признаков»¹.

Рассмотрим элементы геноцида как международного преступления. Соответствующие рекомендации относительно содержания этих элементов были представлены Международным уголовным судом².

«1. Убийство членов какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы:

а) исполнитель убил одно или несколько лиц;

б) такое лицо принадлежало к конкретной национальной, этнической, расовой или национальной группе;

в) исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, расовую, религиозную или этническую группу как таковую;

г) это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против такой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению».

При определении признаков и свойств геноцида, как наиболее опасного преступного посягательства, предусмотренного в международном уголовном праве, следует учитывать, что оно определяется как непосредственно в законодательных актах, так и корректируется в процессе применения. Таким образом, геноцид может проявляться как в активном, так и в пассивном поведении³.

---

¹ Панкратова Е.Д. Уголовно-правовая характеристика геноцида : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 12.

² Структура элементов преступлений геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. – URL : https://www.hse.ru/data/2012/10/11/1246981487/Element_of_Crimes_Russian.pdf

³ Шестая ассамблея государств – участников Статута МУС // ICC-ASP/6/INF.2. – Р. 64.

2. Причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы:

«а) Исполнитель причинил серьезные телесные повреждения или умственное расстройство одному или нескольким членам такой группы;

б) такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или национальной группе;

в) исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, расовую, религиозную или этническую группу как таковую;

г) это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против такой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению».

Что касается приведенной выше группы деяний, то в рамках международного уголовного права ставятся вопросы что же следует непосредственно относить к психическому расстройству. В Римском статуте рассматриваемый признак был сужен такими ситуациями, при которых у потерпевших наблюдается ограничение умственных способностей, обусловленных применением наркотиков, пыток или аналогичных методов. Важным обстоятельством здесь выступает цель действий виновного – намерение причинить вред потерпевшему (потерпевшим)¹.

3. Предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее:

«а) Исполнитель создал определенные жизненные условия для одного или нескольких лиц;

б) такое лицо или лица принадлежали к конкретной национальной, этнической, расовой или национальной группе;

в) исполнитель имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, расовую, религиозную или этническую группу как таковую;

---

¹ Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 8.

г) жизненные условия были рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение членов такой группы;

д) это деяние имело место в контексте явной линии аналогичного поведения, направленного против такой группы, или являлось поведением, которое само по себе могло привести к такому уничтожению».

Все рассмотренное выше позволяет констатировать важность понимания термина «геноцид» и тех действий, которые его составляют как в плане законодательства, так и практики применения норм международного права.

*Князькина А.К.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ЗАПРЕЩЕНИЕ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С УК РФ

Очевидно, что совершение террористических преступлений невозможно без их финансирования. Это обусловлено тем, что количество и тяжесть актов международного терроризма напрямую зависят от финансирования, к которому террористы могут получить доступ.

Потому в целях воспрепятствования и противодействия финансированию террористов и террористических организаций, независимо от того, осуществляется такое финансирование прямо или косвенно через организации, которые также преследуют или утверждают, что преследуют, благотворительные, общественные или культурные цели, или также вовлечены в запрещенные виды деятельности, такие, как незаконные поставки оружия, незаконный оборот наркотиков и вымогательство, включая использование лиц в целях финансирования террористической деятельности, на

международном уровне были заключены Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09 декабря 1999 г.¹ и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г.²

В соответствии со ст. 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, объективную сторону этого посягательства образуют совершаемые любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставление или сбор средств (при этом «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими) с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения террористического преступления, т.е. преступления, предусмотренного в одном из договоров, перечисленных в приложении к Конвенции, либо любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Примечательно, что Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. в ст. 1 определяет финансирование терроризма как действия, указанные в ст. 2 Международной конвенции по борьбе с финансированием

---

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09 декабря 1999 г. // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 5.

² Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. // Собрание законодательства РФ. 2018. Ст. 1091.

терроризма от 09 декабря 1999 г., т.е. содержит прямую отсылку к нормам рассматриваемой конвенции.

Таким образом, в Конвенциях содержится неисчерпывающий перечень возможных объектов финансирования. Главным является одно – направленность соответствующих средств на финансирование терроризма в самых его разнообразных проявлениях.

Несколько более формализован данный состав в ст. 1771 Модельного УК¹, где установлена преступность финансирования преступлений террористического характера или террористической организации, то есть предоставление прямо или косвенно средств или их сбор, а равно предоставление финансовых или иных соответствующих услуг либо льгот в целях использования их, полностью или частично.

С субъективной стороны содеянное характеризуется прямым умыслом. Кроме того, в Конвенциях при определении финансирования терроризма выделяется некоторая иерархия целей: ближайшая – финансирование осуществляется в целях совершения террористического преступления; промежуточная – это самое террористическое преступление имеет целью причинить смерть какому-либо гражданскому лицу или любому другому лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение; и глобальная – запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Согласно действующему российскому уголовному законодательству, финансирование терроризма представляет собой разновидность содействия террористической деятельности.

Согласно примечанию 1 к ст. 2051 УК РФ², под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств

---

¹ Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт от 17 февраля 1996 г. – URL : <http://https://iacis.ru/activities/documents/?category=80&file=444&NAME=%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%20-%20%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%A1%D0%9D%D0%93#444> (дата обращения 07.12.2019).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 2051, 2052, 2053, 2054, 2055, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

В целом, следует признать, что установление в УК РФ ответственности за финансирование терроризма соответствует названным нормам международного права, хотя в УК РФ финансирование терроризма рассматривается как частный случай содействия террористической деятельности, предусмотренный ч. 11 ст. 2051 и ч. 2 ст. 361 УК РФ.

Однако важно обратить внимание на следующий факт. Россия ратифицировала¹ Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 22 октября 2015 г.², в котором в качестве самостоятельного состава предусмотрено финансирование поездок за границу с целью терроризма (ст. 5).

Так, под «финансированием поездок за границу в целях терроризма» необходимо понимать предоставление или сбор любыми средствами, прямо или косвенно, средств, полностью или частично позволяющих любому лицу выезжать за границу для целей терроризма, зная, что средства полностью или частично предназначены для использования с этой целью.

Аналогичного преступления в действующем уголовном законодательстве нет. Однако поскольку положения названного Дополнительного протокола уже стали обязательными для России, требуется приведение УК РФ в соответствие с требованиями указанного международного акта.

---

¹ Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 363-ФЗ «О ратификации Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 46. Ст. 6409.

² Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма от 22 октября 2015 г. – URL : <http://https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168047c5ea> (дата обращения 07.12.2019).

*Комарова Л.В.,
д-р. филол. наук,
канд. юрид. наук, доцент,
профессор кафедры
административного и финансового права,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, ПО ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

В уголовном законодательстве зарубежных стран существуют системы, которые содержат довольно четкие (формализованные) предписания, позволяющие соблюдать при назначении наказания принцип пропорциональности между преступлением и наказанием.

Сравнительно-правовой метод познания уголовного права в последнее время широко применяется в науке российского уголовного права. Уголовное право России исторически движется в сторону германского права. Интересно понять, как обстоятельства, смягчающие наказание, влияют на назначение наказания в системе континентального права, религиозного (мусульманского) права, англосаксонского права, социалистического права (Китай).

Разработчики УК РФ отмечали, что при его подготовке учитывался апробированный положительный опыт стран Западной Европы, в частности Германии и Франции. При построении института назначения наказания были учтены как французская доктрина, предусматривающая возможность широкого судебного усмотрения по оценке и учету отягчающих и смягчающих обстоятельств, так и немецкая доктрина, в части обязательного отягчения или смягчения наказания.

Зная виды и характеристику обстоятельств, смягчающих наказание по российскому уголовному праву, можно понять различие и сходство данных смягчающих обстоятельств с обстоятельствами по зарубежному уголовному законодательству.

Обстоятельства, смягчающие наказание, по-разному регламентированы в зарубежном уголовном законодательстве.

Анализируя терминологию, используемую для обозначения смягчающих обстоятельств в уголовном законодательстве зарубежных государств, можно отметить, что она не отличается единообразием. Так, если УК РФ отказался от понятия «обстоятельства, смягчающие ответственность», то УК Латвии, по-прежнему придерживаются этой позиции¹.

В уголовном законодательстве одних зарубежных стран используется терминология «обстоятельства, смягчающие наказание» (Швейцария), в других – просто «смягчающие обстоятельства» (Япония). В Уголовном кодексе Болгарии они названы «смягчающими вину обстоятельствами»². УК Казахстана использует понятие «обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность и наказание»³, УК Испании – «обстоятельства, смягчающие ответственность, наказание и вину»⁴.

В отличие от УК РФ, уголовное законодательства ряда зарубежных стран, как США, КНР, Японии и других, не предусматривает перечень смягчающих обстоятельств, что приводит к широкому судебскому усмотрению⁵.

Рассмотрим такое обстоятельство, смягчающее наказание, как явка с повинной. Данное обстоятельство, установленное судом, весьма существенно влияет на уменьшение степени общественной опасности преступления и влечет значительно снижение наказания для подсудимого.

Обратимся к мусульманскому уголовному праву. Общая часть Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран содержит раздел, посвященный смягчению наказания⁶. Часть 4 ст. 22 Закона относит явку с повинной к смягчающим обстоятельствам, но Закон более четко, чем в УК РФ, дает

---

¹ Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.

² Уголовный кодекс Болгарии. – URL : <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/> (дата обращения 24.12.2020).

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан. – URL : <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 24.12. 2020).

⁴ Уголовный кодекс Испании. – URL : <http://ugolovnykodeks.ru> (дата обращения 24.12. 2020).

⁵ Мингалимова М.Ф. Роль смягчающих обстоятельств при назначении наказания / М.Ф. Мингалимова // Законность. – 2013. – № 9. – С. 22.

⁶ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008.

толкование данного обстоятельства: «Явка с повинной лица, совершившего преступление, до возбуждения уголовного дела...».

Не секрет, что в ряде случаев при назначении наказания имеет место ситуация, когда лицо было задержано в качестве подозреваемого, подтвердило своё участие в совершении преступления, и судом это было признано явкой с повинной.

Указание непосредственно в Законе связи времени явки с повинной с этапами уголовного процесса является более предпочтительным, чем в УК РФ, когда закон требует отдельного судебного толкования, которое, по сути, не является обязательным, в отличие от законодательного определения.

Приведем пример назначения наказания за совершение кражи по мусульманскому праву. Если лицо принесло покаяние после совершения кражи, его нельзя помиловать или отменить нормированное наказание, согласно ст. 200 Закона. Нормированное наказание связано с членовредительством рук и ног, поэтому преступнику лучше признаться в совершении преступления до установления факта кражи.

УК КНР не содержит перечень смягчающих обстоятельств, но два вида таких обстоятельств, как явка с повинной и заслуги, выделены в отдельные статьи УК КНР (ст. 67 УК и ст. 68 УК)¹. Если лицо после совершения преступления само явилось, правдиво описало совершенное лицом преступление, то китайский законодатель признает это явкой с повинной.

При этом может быть назначено более мягкое наказание либо наказание ниже низшего предела. Те, кто совершил незначительное преступление, могут быть освобождены от наказания (ст. 67 УК КНР).

Сравнительный анализ показывает, что наличие явки с повинной по УК КНР может смягчить наказание, назначить наказание ниже низшего предела, как по УК РФ, но установление данного смягчающего обстоятельства, позволяющего даже освободить от наказания, не присуще для УК РФ. В основе данной позиции лежит первостепенность раскрытия преступления, информация о соучастниках. Нечто похожее зафиксировано в УК Польши, когда суд может применить чрезвычайное смягчение наказания

---

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – URL : <https://ru.china-embassy.org/rus/> (дата обращения 24.12.2020).

при сообщении лица о других лицах, которые участвовали в совершении преступления, а также о существенных обстоятельствах его совершения (ст. 60 УК)¹.

Зарубежный законодатель неоднозначно обязывает назначать наказание при наличии смягчающих обстоятельств. В одних случаях это отдано на усмотрение суда (ст. 42 УК Японии)², что не стимулирует постпреступное поведение, в отличие от УК Китая. В других случаях закон предусматривает назначать формализованное наказание (ст. 54 УК Грузии)³, при этом стремление возместить причиненный ущерб является одним из обстоятельств, учитываемых в первую очередь для смягчения наказания.

Наличие двух или нескольких смягчающих обстоятельств позволяет испанскому Суду или Трибуналу назначить наказание на одну или две степени ниже предусмотренного в законе, что напоминает применение ст. 64 УК РФ. В отличие от УК РФ, УК Испании в ст. 22 содержит законодательное определение явки с повинной, которая учитывается при признании вины в совершении преступления до возбуждения уголовного дела⁴.

Обратимся к УК ФРГ. В Общей части Уголовного уложения ФРГ предусмотрены обязательные (§ 27, абз. 2) или факультативные (§ 13, абз. 2) основания для смягчения наказания, которые изменяют законодательно предусмотренные рамки наказания в соответствии с положениями, предусмотренными в § 49 (абз. 1)⁵.

Германский законодатель под постпреступным поведением понимает не явку с повинной, а главное, соглашение с потерпевшим и возмещение вреда, что может привести к смягчению наказания и даже освободить от него при совершении преступления небольшой тяжести⁶. Суд также может заменить наказание в виде лишения свободы денежным штрафом, что говорит о стремлении

---

¹ Уголовный кодекс Польши. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.

² Закон об уголовном праве Израиля. – URL : <https://library.khpg.org/> (дата обращения 24.12.2020).

³ Уголовный кодекс Грузии. – URL : <https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes> (дата обращения 24.12.2020).

⁴ Уголовный кодекс Испании. – URL : <http://ugolovnykodeks.ru> (дата обращения 24.12.2020).

⁵ Хелльманн У. Ужесточение и смягчение наказания в немецком уголовном праве // «Lex russica». – 2013. – № 9. – С.21.

⁶ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. – URL : <https://constitutions.ru/> (дата обращения 24.12.2020).

законодателя шире применять имущественные наказания, если есть смягчающие обстоятельства.

Возмещение вреда является смягчающим обстоятельством по УК Аргентины, когда виновный добровольно до начала суда уплачивает штраф и возмещает причиненный ущерб. Учет этого обстоятельства может привести к прекращению уголовного преследования, при совершении деяния, наказуемого штрафом¹.

Анализируя вышеизложенное, отметим, что к основным критериям индивидуализации наказания уголовное законодательство некоторых зарубежных стран относит возмещение ущерба потерпевшему и примирение с ним. Конечно, по УК РФ к обстоятельству, смягчающему наказание (ст. 61 УК РФ), относится добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, но это смягчающее обстоятельство записано в одном ряду с другими смягчающими обстоятельствами. Российский законодатель не делает на это акцент, как это мы видим по зарубежному уголовному законодательству.

Обратимся к израильскому уголовному праву. Закон об уголовном праве Израиля не содержит перечня смягчающих обстоятельств, смягчение наказания отдано на усмотрение суда при наличии особых смягчающих обстоятельств. Закон не усматривает явки с повинной, возмещение вреда для смягчения наказания. Отличие от УК РФ в том, что возникновение израильского уголовного права связано с историей возникновения государства, массовым уничтожением евреев по время Второй мировой войны.

Если по УК РФ обстоятельства, смягчающие наказание, применяются при назначении наказания за совершение любого преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, то смягчение наказания по израильскому уголовному праву невозможно за совершение преступлений, предусмотренных Законом о нацистских преступниках и их помощниках 1950 г., которое карается смертной казнью.

Уголовное законодательство ряда зарубежных стран предусматривает институт замещения наказаний при наличии смягчающих обстоятельств, например, смертная казнь заменяется на

---

¹ Уголовный кодекс Аргентины. – URL : <http://www.law.edu.ru/> (дата обращения 24.12.2020).

лишение свободы или каторжные работы, но на срок не менее десяти лет¹.

Наиболее формализованную систему назначения наказания имеют США: мера наказания здесь за конкретное преступление избирается судьей в соответствии со строго установленными в законе правилами. Данные правила предусматривают тщательно урегулированный, довольно сложный порядок определения наказания, построенный на основе применения математических методик, значительно ограничивающих судебское усмотрение².

В американском уголовном праве существует концепция балльной системы наказаний. Федеральные суды США руководствуются при назначении наказания, как уголовным законодательством, так и Федеральным руководством по назначению наказаний, которое предусматривает 43 уровня опасности преступлений³. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, подлежат формализованному учету. Суд по таблице устанавливает минимальный и максимальный срок наказания в виде лишения свободы в месяцах⁴. Точка пересечения графы с указанием окончательно рассчитанной степени тяжести преступления и графы с категорией судимости в шкале определяет срок наказания⁵. Такая детализованная система, построенная на математическом подходе к назначению наказания, является единственной в своем роде.

Идея введения шкалы уголовных наказаний поддерживается и рядом российских ученых, которые полагают, что эта система может положительно сказаться на противодействии коррупции в

---

¹ Уголовный кодекс Республики Корея. – URL : <https://vseokoree.com/vse-o-koree/> (дата обращения 24.12.2020).

² Патеева Г.Х. Формализация назначения наказания в уголовном праве зарубежных стран / Г.Х. Патеева // Российская юстиция. – 2009. – № 5. – С. 29.

³ Есаков Г.А. Англо-американское уголовное право: современное состояние Общей части. – М. : Проспект, 2007; Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М. : Омега-Л, 2003. – С. 214.

⁴ Дядькин Д.С. Современное состояние проблемы формализации правил назначения наказания в науке и практике отечественного и зарубежного уголовного права / Д.С. Дядькин // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 1. – С. 27.

⁵ Руководство по применению Правил назначений наказаний. Поправки к Правилам назначения наказаний действительных с 01 ноября 2001 г. Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия / Сост. Е.Б. Мизулина, В.Н. Плигин // Материалы международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2004 г. – М. : Изд. Гос. Думы, 2005. – С. 17.

сфере правосудия, причем не только судей, но и адвокатов, следователей, прокуроров, всех участников процесса судопроизводства¹.

Подводя итоги, следует отметить, что даже краткий сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства в области назначения наказания с учетом обстоятельств, смягчающих наказание, позволяет увидеть широкий выбор средств, позволяющих индивидуализировать ответственность. Несомненно, что изучение зарубежного опыта – это один из путей совершенствования российского уголовного законодательства.

*Коновалов А.К.,
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РФ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗАРАЖЕНИЮ ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ

Нормы международного права в сфере регламентации прав человека, в том числе и права на здоровье, благоприятную окружающую среду, имеют особое ориентирующее значение в формировании национальных уголовно-правовых норм. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международные правовые нормы и принципы, а также международные договоры, которые согласно ст. 15 Федерального закона «О международных договорах» подлежат обязательной ратификации, являются составной частью правовой системы РФ.

---

¹ Ивлиев Г.П. Предисловие. Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия / Г.П. Ивлиев; Сост. В.Н. Плигин, Е.Б. Мизулина // Материалы международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2004 г. – М. : Изд. Гос. Думы, 2005. – С. 5–6.

В соответствии с Уставом ВОЗ 1946 г. здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. В ст. 12 международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. установлено право каждого на наивысший уровень психического и физического здоровья, которого можно достичь¹. Позже аналогичную норму законодатель сформулировал в ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Приоритетность охраны здоровья как одну из своих задач ставит и УК РФ 1996 года.

В соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. каждый человек имеет право на жизненный уровень (пища, одежда, медицинское и социальное обеспечение), который необходим для поддержания его здоровья и его семьи. Угрожающий названному праву вирус Ковид-19 (2019-nCoV) объединил международное сообщество в борьбе с ним, что нашло отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, направленной на укрепление международного сотрудничества в противодействии пандемии коронавируса². В свою очередь, Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» устанавливает обязанность соблюдения санитарно-эпидемиологических требований (ст. 10, 11), нарушение которых может повлечь уголовную ответственность в соответствии со ст. 236 УК РФ. Также, в главе 3 названного Федерального закона указаны общие требования обеспечения безопасности среды обитания и здоровья граждан.

В Декларации тысячелетия ООН 2000 г. одной из целей развития обозначенного временного периода является борьба с ВИЧ и, как следствие, со СПИДом, а также другими опасными заболеваниями (туберкулезом, малярией и т.п.), в том числе переда-

---

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения 03.03.2021).

² Глобальная солидарность в борьбе с коронавирусом 2019 года (COVID-19): Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/74/274 от 20.04.2020 г. – URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/74/270> (дата обращения 03.03.2021).

ющимися половым путем. В международно-правовом обеспечении борьбы с проблемой ВИЧ/СПИД Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом 2001 г. и Политическую декларацию по ВИЧ/СПИДу 2006 г. Кроме того, в 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Повестку дня¹, в которой регламентирована задача ликвидации пандемии СПИД к 2030 году. Россия реализует общемировую цель повышения уровня здоровья населения и борьбы с пандемией СПИДа, в том числе посредством уголовно-правовой охраны здоровья в нормах об ответственности за заражение венерическими болезнями (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ).

Осознавая особую актуальность и всеобщую опасность при проведении исследований с микробиологическими агентами и токсинами, ВОЗ в 2004 г. приняла информационный документ: «Практическое руководство по биологической безопасности в лабораторных условиях»², которое содержит рекомендации для всех работников микробиологических лабораторий. В России такие правила установлены вышеупомянутым Федеральным законом № 52-ФЗ от 30 марта 1999 г. и санитарными правилами, за несоблюдение которых УК РФ устанавливает наказание в соответствии со ст. 248 (если нарушение таких правил привело к причинению вреда здоровью или распространению эпидемии).

Уголовно-правовой политике противодействия инфекционным болезням в качестве ориентира необходимо также использовать положения о сотрудничестве стран на международном уровне в разработке противоиных вакцин, которые содержатся в п. 1 ст. 10 Конвенции «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении».

Среди многочисленных международных договоров и актов международных организаций на первом месте в сфере международного сотрудничества по противодействию опасным инфек-

---

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25.09.2015 г. – URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения 06.03.2021).

² Практическое руководство по биологической безопасности в лабораторных условиях. – 3-е изд. – Женева : ВОЗ, 2004. – 128 с.

ционными заболеваниями выступают Международные медико-санитарные правила (ММСП), обновленные в 2005 году, и принятое в РФ постановление об их реализации¹.

В соответствии с ММСП существует порядок действия страны по уведомлению ВОЗ о вспышке опасного или необычного заболевания, распространение которого может иметь международное значение для общественного здравоохранения. Так, Россия в соответствии с указанным алгоритмом уведомила ВОЗ о первом в мире случае заболевания человека новым подтипом (H5N8) птичьего гриппа, что вызывало опасения мирового сообщества. Благодаря оперативным действиям медицинских работников, вирус удалось локализовать и предотвратить распространение, которое могло привести к новой эпидемии².

В рамках реализации права людей на здоровье актуальными представляются общепризнанные принципы международного права сотрудничества и добросовестного исполнения принятых на себя обязательств по международному праву. Например, принцип сотрудничества, закрепленный в Уставе ООН и других международных актах подкрепляет обязанность всех стран в совместном противодействии эпидемическим угрозам.

Россия, реализуя национальную уголовно-правовую политику противодействия инфекционным заболеваниям, поддерживает международные нормы, регламентирующие права на здоровье. Формой реализации такой политики в РФ служат федеральные законы по урегулированию актуальных вопросов общественных отношений, в том числе уголовный закон, содержащий ряд запретов заражения инфекционными болезнями. Одни из них размещены законодателем в гл. 16 УК РФ: речь идет о составах заражения венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ); другие – в гл. 25 УК РФ в составах о нарушении санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ); норма соответствующего характера содержится и в гл. 26 УК РФ в составах о нарушении правил безопасности при обращении с микро-

---

¹ О реализации Международных медико-санитарных правил 2005 года: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11.05.2007 № 27. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения 09.03.2021).

² В России выявили первые случаи заражения птичьим гриппом H5N8. – URL : <https://ria.ru/20210220/gripp-1598337479.html> (дата обращения 09.03.2021).

биологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248 УК РФ). Также стоит отметить нормы гл. 34 УК РФ, запрещающие разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ) и применение такого оружия (ч. 2 ст. 356 УК РФ). Размещением названных преступлений в разных главах законодатель акцентирует внимание на их направленность против той или иной группы общественных отношений, подчеркивая неравнозначный характер общественной опасности таких деяний.

Таким образом, выявленная диалектическая связь в развитии и становлении норм международного права и уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия заражениям инфекционными болезнями прямо указывает на возможность имплементации международных норм указанной сферы в отечественное законодательство. Поскольку таковая угроза заражений может исходить из-за рубежа, Российской Федерации следует выступить с инициативой о разработке международного договора, аккумулирующего права, связанные с охраной здоровья, а также положения международных договоров, связанные с сотрудничеством стран в сфере борьбы с эпидемиями. Кроме того, видится целесообразным предусмотреть в таком интегрированном договоре ответственность за умышленное, преступное распространение инфекционной болезни, использование биологического оружия, повлекшие массовое заболевание людей (эпидемия/пандемия); право человека на своевременное и объективное информирование о распространяющейся опасной для других стран инфекционной болезни (эпидемии, имеющей высокую вероятность приобрести масштаб пандемии); право стран на возмездное получение вакцины с учетом очередности запроса к стране-разработчику или международной организации и коррелирующую обязанность страны-разработчика (международной организации) её предоставления как на возмездной, так и на безвозмездной основе. При этом исполнение названной обязанности надлежит обеспечить, в том числе, и формулированием уголовно-правового запрета на отказ от предоставления разработанной и прошедшей все ступени проверки вакцины.

*Мироненко С.Ю.,
канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой
уголовного права и уголовного процесса,
Донбасская юридическая академия
г. Донецк*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

На современном этапе во многих странах мира предпринимаются попытки усовершенствования законов об уголовной ответственности за счет криминализации все более разнообразных форм террористической деятельности. Для решения основных проблем, которые касаются концептуальных подходов при криминализации различных форм террористической деятельности целесообразно было бы исследовать, по нашему мнению, антитеррористическое законодательство зарубежных государств. Это позволит определить перспективные направления дальнейшего совершенствования отечественного антитеррористического законодательства, учитывая заметные в этой сфере процессы сближения антитеррористического законодательства различных европейских государств. Ведь противодействие терроризму как глобальному по своей сути явлению, требует тесного международно-правового сотрудничества между государствами, а, следовательно, и стандартизированных подходов к пониманию сути террористических преступлений и явления терроризма в целом.

Существует потребность учета правотворческого опыта, прежде всего тех государств, нормы антитеррористического законодательства которых уже прошли испытание временем в условиях активизации противодействия терроризму. Это составляет одно из приоритетных направлений совершенствования действующего законодательства в сфере противодействия терроризму, наряду с имплементацией норм международных антитеррористических соглашений в этой сфере. Как подчеркивал известный российский исследователь проблем терроризма В.Е. Петрищев,

«целесообразно при усовершенствовании уголовного законодательства, регламентирующего борьбу с терроризмом, чаще обращаться к иностранным и международно-правовым документам в этой сфере. Во-первых, это позволит избежать многих ошибок и учесть уже имеющийся положительный законодательный опыт. Во-вторых, такой подход будет способствовать сближению российского и иностранного законодательства...»¹.

Нормы об ответственности за террористические преступления содержатся в Уголовных кодексах (далее – УК) Австрийской Республики, Азербайджанской Республики, Грузии, Эстонской Республики, Королевства Испания, Латвийской Республики, Литовской Республики, Королевства Норвегия, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, США, Финляндской Республики, Французской Республики, Федеративной Республики Германия.

С принятием и присоединением к антитеррористическим соглашениям одновременно совершенствуется и развивается как отечественное законодательство в сфере противодействия терроризму, так и законодательство зарубежных государств в этой сфере. Результаты изучения зарубежного нормотворческого опыта в этой сфере показали, что в основном законодатель в этом направлении применяет два подхода: первый заключается в том, что создаются новые специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за террористические преступления; второй характерен тем, что расширяются пределы составов «нетеррористичных», более традиционных преступлений и наличие террористических признаков рассматривается как квалифицирующий признак для преступления, уже предусмотренного УК, и фактически служит основанием для усиления наказания за совершение такого преступления.

Появление «антитеррористических» норм в законах об уголовной ответственности различных зарубежных государств связано с выполнением государствами взятых на себя обязательств в связи с присоединением к универсальным соглашениям в сфере противодействия терроризму. Ученые при исследовании уголовных кодексов зарубежных государств в первую очередь обращают

---

¹ Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 62.

внимание в своих исследованиях на такой «системообразующий» субъективный признак террористических преступлений, как цель (мотив, намерение)¹. Согласно ч. 1 ст. 237 УК Эстонской Республики целью совершения террористического деяния выступает провокация войны или международного конфликта, мотив – политический или религиозный; согласно § 147а УК Королевства Норвегия общеуголовное деяние рассматривается как террористическое, если оно совершено с умыслом:

а) грубо помешать осуществлению функции, которая имеет основополагающее значение для общества, например, законодательной, исполнительной или судебной властей, энергоснабжения, стабильной подачи воды и пищи, денежной и банковской системе;

б) вызвать сильный страх у населения; в) незаконно принудить официальную власть или межгосударственные организации к совершению или воздержанию от какого-либо действия, которое имеет серьезное значение для Королевства Норвегия или организации, или иного государства, или межгосударственной организации.

В свою очередь, в ст. 575 УК Королевства Испания речь идет о следующих террористических целях: свержение конституционного строя или серьезное нарушение общественного спокойствия; в ст. 230 УК Республики Албания говорится о намерении серьезно нарушить общественный порядок или вызвать страх и неуверенность у народа; в ч. 1 ст. 323 УК Грузии – об устрашении населения или оказании воздействия на органы власти, в ст. 326 – о политических мотивах или с целью осложнения международных отношений, в ч. 1 ст. 330 – о террористической цели; в ч. 1 ст. 88 УК Латвийской Республики – о цели причинения вреда Латвийской Республике или ее жителям, а в ч. 2 этой же статьи – о принуждении государства, его учреждений или международной организации совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; в ч. 1 ст. 214 УК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 233 УК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 226 УК Кыргызской Республики и ч. 1 ст. 179 УК Республики Таджикистан – о нарушении общественной безопасности, устрашении населения, оказании воздействия на принятие решений органами власти; в ч. 1 ст. 278 УК

---

¹ Яценко С.С. Караність тероризму за кримінальними кодексами європейських держав / С.С. Яценко // Кримінальне право України. – 2016. – № 1. – С. 70–83.

Республики Молдова – о нарушении общественной безопасности, устрашении населения, оказании воздействия на принятие решений органами публичной власти или физическими лицами; в ч. 1 ст. 155 УК Республики Узбекистан – о целях осложнения международных отношений, провокации войны или дестабилизации обстановки в Республике.

В абзаце 1 ст. 421-1 УК Французской Республики указывается на цель существенно нарушить общественный порядок путем запугивания или террора. Согласно абз. 1 § 129а УК ФРГ террористическим признается сообщество, чьи цели направлены на совершение предусмотренных п. 1, 2 или 3 этой нормы преступных деяний; в ст. 270-2 УК Итальянской Республики говорится о террористической цели или цели подрыва демократического строя; в ст. 234 УК Республики Албания – об определенных способах обращения с военным, химическим, биологическим, ядерным оружием с намерением совершить террористический акт. Исключение составляет лишь УК Литовской Республики, в котором в ст. 250 «Терроризм» не указывается цель, мотив или намерение.

Террористические цели в антитеррористическом законодательстве зарубежных государств по своим признакам могут в определенной степени отличаться, исходя из различных политических и экономических интересов государств, политико-правовых традиций и тому подобное. Но общим для них является то, что такие деяния совершаются с целью противоправного влияния на органы власти, серьезного нарушения общественного порядка, устрашения населения. Такое определение целей по своему содержанию соответствует основным положениям международных антитеррористических конвенций.

Исследование объекта уголовно-правовой защиты от террористических посягательств по уголовным кодексам зарубежных государств показал, что «антитеррористические» нормы содержатся в структурных подразделах (разделах, главах) кодексов зарубежных государств, где чаще всего объектом выступает общественная безопасность (УК Азербайджанской Республики, Королевства Норвегия, Киргизской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан). Объектом уголовно-правовой защиты от террористических посягательств могут также выступать другие социальные ценности:

общественная безопасность и общественный порядок (УК Республики Казахстан), общественный порядок (УК Королевства Испания, ФРГ), мир и безопасность человечества (УК Республики Узбекистан) нация, государство и общественный порядок (УК Французской Республики), государство (УК Грузии, Латвийской Республики), государственная власть (УК Эстонской Республики). Итак, по законодательству зарубежных государств объектом уголовно-правовой защиты террористических деяний выступают не одинаковые социальные ценности.

Если мы обратимся к законодательству об уголовной ответственности Российской Федерации, то в нем проблема выделения группы террористических преступлений окончательно не решена. Исходя из содержания ч. 1 ст. 205-1 УК «Содействие террористической деятельности» можно выделить такой перечень террористических преступлений, предусмотренных УК Российской Федерации: ст. ст. 205 (Террористический акт), 206 (Захват заложника), 208 (Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), 211 (Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), 277 (Посагательство на жизнь общественного или государственного деятеля), 278 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 279 (Вооруженный мятеж), 360 (Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой). Федеральным законом Российской Федерации «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. как виды причастности к терроризму, которые запрещены законом, рассматриваются создание и деятельность организаций, цели и действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных, кроме вышеупомянутых, статьями: 205-1 (Содействие террористической деятельности), 205-2 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282-1 (Организация экстремистского сообщества), 282-2 (Организация деятельности экстремистской организации) УК Российской Федерации (п. 1 ст. 24 Закона). Несколько иной перечень террористических преступлений следует из содержания Примечания 1 к ст. 205-1 УК, касающейся понятия финансирования терроризма.

В литературе учеными указывается на рассеянность норм, которые имеют отношение к установлению ответственности за террористические преступления по различным разделам УК Российской Федерации, имеющих не тождественные родовые признаки охраняемых законом об уголовной ответственности общественных отношений и составляющих объекты близких, но не совпадающих по содержанию своих признаков, элементов составов преступлений¹. Ответственность за террористические преступления предусмотрена различными главами и разделами УК Российской Федерации: ст. 205, 205-1, 205-2, 206, 208, 211 отнесены к главе 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела 9 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», ст. 277, 278, 279, 280, 282-1, 282-2 – к главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела 10 «Преступления против государственной власти», ст. 360-к главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества».

В.А. Липкан и А.В. Наумов признают конструктивным подход составителей УК Французской Республики по определению определенного круга преступлений, которые могут быть отнесены к террористическим. «И тогда, когда эти преступления превращаются в террористический акт, – указывает А.В. Наумов, – наказание за них существенно повышается. Таким образом, террористический акт не превращается в особый (такой, который отличается по объективной стороне от других преступлений) состав преступления»². С другой стороны, как указывает В.П. Емельянов, «во-первых, слишком сложно предусмотреть исчерпывающий перечень деяний, «образ» у которых может принять террористический акт, во-вторых, терроризм может выражаться не только в совершении террористических актов, но и в выдвижении требований под угрозой совершения общеопасных деяний и, в-третьих, характер этих угроз может не подпадать ни под одну из предусмотренных Уголовным кодексом видов угроз»³.

---

¹ Кашепов В. Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму / В. Кашепов // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 32.

² Борьба з тероризмом / За заг. ред. В.А. Липкана, Д.Й. Никифорчука, М.М. Руденка. К. : Знання України, 2012. – С. 70–71.

³ Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков : Рубикон, 1997. – С. 139.

В.В. Астанин по этому поводу пишет: «перечисленные деяния можно признать террористическими, а при последствиях их совершения – вероятно. Указание вероятного террористического потенциала определенных в п. 1–3 ст. 421-1 и ст. 421-2 УК Франции преступлений – казуистический, но достаточно практичный путь с точки зрения законодательной техники, вместительного уголовно-правового определения»¹. Максимум наказания, предусмотренного за совершение преступлений, признаваемых террористическими, с отсылкой к другим нормам УК Французской Республики, повышается по специальной схеме.

Несколько подобный подход, с отсылкой к другим нормам УК при отнесении преступления к категории «террористических», закреплен в законодательстве об уголовной ответственности Австрийской Республики, Королевства Испания, Королевства Норвегия, США, Турецкой Республики, ФРГ.

Признаки террористических преступлений раскрыты в Законе Федеративной Республики Германии от 19 декабря 1986 г. «О борьбе с терроризмом», согласно которому к таковым относятся преступления, которые преследуют цели:

- а) причинения вреда целостности, а также внешней и внутренней безопасности ФРГ;
- б) устранение, подрыва конституционных основ;
- с) нанесение ущерба безопасности размещенным на территории ФРГ войск иностранных государств – участников Североатлантического договора или присутствующих в Земле Берлин войскам одного из трех государств.

И дальше, как способы совершения актов терроризма приводится уже традиционный перечень преступных деяний, нормы об ответственности, за которые содержатся в разных разделах УК ФРГ: умышленное убийство, захват заложников, квалифицированный поджог, создание взрыва с применением ядерной энергии, злоупотребление ионизирующими лучами, создание опасного для жизни затопления, нападение на воздушный транспорт, отравление, которое угрожает общественной безопасности².

---

¹ Астанин В.В. Террористическая составляющая в объединениях преступников: уголовно-правовая оценка на примере отдельных стран Европы / В.В. Астанин // Закон и право. – 2004. – № 3. – С. 67.

² Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 134–135.

Учитывая § 2 ст. 5 Рамочного решения Совета Европейского Союза «О борьбе с терроризмом» от 13 июня 2002 г., «каждое государство–член должно принять необходимые меры для того, чтобы предусмотренные § 1 ст. 1 террористические преступления, а также преступления, предусмотренные ст. 4, в той мере, в какой они имеют отношение к террористическим преступлениям, влекли за собой наказание в виде лишения свободы, более строгое, чем установлено национальным правом за такие же преступления при отсутствии специального намерения (террористических целей), указанного в § 1 ст. 1»¹.

Итак, законодательство об уголовной ответственности Австрийской Республики, Королевства Испания, Королевства Норвегия, США, Турецкой Республики, Французской Республики и ФРГ не содержит понятия терроризм, зато правовое регулирование в противодействии терроризму пошло путем перечисления определенных преступлений, предусмотренных УК, которые, при наличии террористических целей, рассматриваются как террористические преступления. Террористическим актом может быть признано совершение или попытка организации взрыва, поджога, убийства, захвата транспортных средств, зданий посольств и других зданий, захвата заложников и тому подобное.

Таким образом, государства, осознавая серьезную опасность и глобальные масштабы терроризма, уделяют значительное внимание совершенствованию национального антитеррористического законодательства, которое происходит на основе норм международного права в сфере противодействия терроризму. Такое совершенствование законодательства направлено на применение унифицированных понятий в вопросах международно-правового сотрудничества в сфере противодействия терроризму, учитывая международную сущность этого явления и необходимость, в связи с этим, объединения усилий многих государств.

---

¹ Международно-правовые основы борьбы с терроризмом : сборник документов / Сост. В.В. Овчинский. – М. : ИНФРА-М., 2003. – С. 178.

*Полтавец В.В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар*

НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ШТРАФА ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ И РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОТЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Институт наказания является одним из основополагающих уголовно-правовых институтов. В международном уголовном праве он имеет свою специфику, которая проявляется не только в особенностях законодательной регламентации и применения, но, прежде всего, в понимании самого наказания, целей, принципов и правил его назначения, а также видов наказаний.

В большинстве конвенций, посвященных ответственности за преступления международного характера, лишь в самой общей форме указывается на наказуемость или степень наказуемости того или иного деяния («суровые меры наказания»). В частности, в ст. 3 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. зафиксировано, что соответствующие деяния должны влечь наказание сообразно степени их тяжести¹.

Как исключение, в отдельных международных договорах только упоминается конкретный вид либо виды наказаний. В качестве примера можно сослаться на ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах от 30 марта 1961 г., согласно которой серьезные преступления должны влечь соответствующее наказание, в частности, тюремное заключение или иной способ лишения свободы². Иллюстрацией может служить и ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г., где

---

¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

² Единая конвенция о наркотических средствах от 30 марта 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических веществах 1961 года // СЗ РФ. 2000. № 22. Ст. 2269.

говорится, что лиц, виновных в нарушении постановлений Конвенции, следует подвергать либо личному аресту, либо денежному штрафу, либо тому и другому взысканиям¹. В п. 7 ст. 30 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. предусмотрена возможность с учетом степени опасности преступления наряду с лишения свободы назначать наказание в виде лишения права занимать публичную должность либо лишения права занимать должность в каком-либо предприятии, полностью или частично находящемся в собственности государства². Перечисленные конвенции свидетельствуют об отсутствии на уровне кодифицированного международного законодательства системы наказаний за преступления международного характера.

Гораздо более четко и определенно (в кодифицированной форме) решен вопрос о видах наказаний относительно международных преступлений. В качестве кодифицированного источника международного уголовного права здесь выступает Римский статут Международного уголовного суда (далее для краткости Римский статут)³, в ст. 77 которого легально зафиксирована система наказаний для этих преступлений, включающая два основных (лишение свободы на срок до 30 лет и пожизненное лишение свободы) и два дополнительных вида наказания (штраф и конфискацию доходов, имущества и активов, полученных в результате совершения преступления).

Исходя из понимания субъектной направленности наказаний в международном уголовном праве, представляется возможным их разделить на три группы (системы):

- 1) для совершеннолетних;
- 2) для несовершеннолетних;
- 3) для юридических лиц.

Кроме того, традиционно в международном уголовном праве наказания подразделяются на те, которые могут быть назначены в качестве:

---

¹ Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 года // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. 1926 г. № 31. Ст. 190.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года. // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

³ Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. – URL : [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 10.03.2021).

- 1) основного;
- 2) дополнительного;
- 3) как основного, так и дополнительного.

Штраф обладает наименьшим объемом карательного потенциала среди перечисленных наказаний, который в одних случаях предусматривается в качестве основного (ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г.¹), в других – дополнительного (ст. 77 Римского статута²), в-третьих – как основного, так и дополнительного наказания (п. «а» ч. 4 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.³). Назначение названного вида наказания возможно для всех перечисленных категорий лиц. При этом присутствуют особенности его назначения, касающиеся в том числе и его размера, как физическим, так и юридическим лицам.

Учитывая изложенное и принимая во внимание значимость предусмотренных положений, представляется целесообразным рассмотрение положений, касающихся штрафа, предусмотренных в Римском статуте и уточняющих его документах.

Римский статут и способствующие его применению Правила процедуры и доказывания⁴ содержат достаточно емкие характеристики рассматриваемого вида наказания и правил его назначения. Согласно названным документам основополагающими принципами применения штрафа являются его соразмерность и справедливость, реализация которых возможна посредством учета значительного количества обстоятельств, характеризующих деяние и личность виновного, в том числе совокупности смягчающих и отягчающих обстоятельства. Кроме того, весьма важным является установление и учет личной финансовой выгоды при совершении

---

¹ Конвенция по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 года // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Отдел второй. 1926 г. № 31. Ст. 190.

² Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года. – URL : [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения 10.03.2021).

³ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ от 20 декабря 1988 года // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133–157.

⁴ Правила процедуры и доказывания. – URL : https://www.un.org/ru/documents/rules/icc_rules.pdf (дата обращения 10.03.2021).

преступления и оценка причиненного ущерба/вреда потерпевшим и их семьям.

Перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств не является исчерпывающим. Смягчающими обстоятельствами признаются: существенная степень умственной неполноценности или принуждение; поведение осужденного лица после совершения деяния, включая любые усилия этого лица, направленные на возмещение ущерба потерпевшему, и любое сотрудничество с судом.

В качестве отягчающих выступают: любые предыдущие судимости за уголовные преступления, подпадающие под юрисдикцию суда, или преступления аналогичного характера; злоупотребление властью или служебным положением; совершение преступления при обстоятельствах, когда потерпевший находится в особенно незащитном положении; совершение преступления с исключительной жестокостью или в отношении большого числа пострадавших; совершение преступления по любым мотивам, связанным с дискриминацией по каким-либо признакам, указанным в пункте 3 статьи 21 Римского статута; другие обстоятельства, которые, хотя по своему характеру аналогичны упомянутым.

Необходимость назначения штрафа в качестве дополнительного наказания к лишению свободы должна быть обоснована. Размер штрафа определяется на основе соответствующей шкалы, где решающим фактором выступает размер причиненного ущерба и вреда, а также выгоды, извлеченной в ходе преступной деятельности.

Вместе с тем общая сумма штрафа не может ни при каких обстоятельствах превышать 75 % от стоимости имеющихся активов и имущества осужденного после вычета соответствующей суммы, которая пойдет на удовлетворение финансовых потребностей последнего и его иждивенцев.

При назначении штрафа осужденному, суд может предоставить разумный срок для выплаты штрафа. Также может быть установлена выплата паушальной суммы или выплата частями в течение этого периода.

Особого внимания заслуживает порядок назначения штрафа путем его выплаты по денно. В таких случаях минимальная продолжительность составляет 30 дней, а максимальная 5 лет. В этом случае при определении размера ежедневной выплаты

учитываются индивидуальные особенности осужденного и жизни его семьи, в том числе финансовых потребности его иждивенцев. Назначая штраф, суд предупреждает осужденного о правовых последствиях невыплаты штрафа, а именно возможности продления срока лишения свободы. Если осужденное лицо не выплачивает штраф, назначенный в соответствии с вышеизложенными условиями, суд может принимать надлежащие меры в соответствии с положениями ст. 217 Римского статута и ст. 109 Правил процедуры и доказывания.

В случае намеренного отказа выплачивать штраф Президиум по собственной инициативе или по ходатайству прокурора при исчерпании всех доступных принудительных мер, может в качестве крайнего средства продлить срок лишения свободы на период, не превышающий четверти этого срока или пяти лет, в зависимости от того, какой срок меньше. При определении такого периода продления Президиум учитывает сумму назначенного и выплаченного штрафа. Такое продление не осуществляется в случае пожизненного лишения свободы. При продлении общий срок лишения свободы не может превышать 30 лет.

В целях определения необходимости вынесения решения о таком продлении и его сроке Президиум проводит закрытое заседание для целей выяснения мнений осужденного и прокурора.

Как видим, Римский статут предусматривает сразу несколько способов назначения штрафа, большинство из которых во многом схожи с указанными в ст. 46 УК РФ. Особый интерес вызывают положения, обязывающие непосредственно суд знакомить осужденного с последствиями неуплаты штрафа в добровольном порядке. Согласно российскому законодательству должника, знакомит названные действия ознакомительного характера в случае неисполнения штрафа, назначенного в качестве основного наказания, осуществляет судебный пристав исполнитель (ч. 6 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве») при вынесении постановления о возбуждении исполнительного производства.

В случае злостного уклонения от исполнения штрафа, осужденному может быть назначено наказание в виде лишения свободы только в случае, предусмотренном ч. 5 ст. 46 УК РФ. Ограничение возможности замены наказания в виде штрафа лишением свободы, как представляется, следует признать целесообразным.

Вместе с тем российский законодатель не определяет порядок перерасчета наказания в виде штрафа лишением свободы как, впрочем, и при замене штрафа другим наказанием в порядке ч. 5 ст. 46 УК РФ. Более того, в УК и УИК РФ не содержится указаний относительно того следует ли учитывать в этом случае размер назначенного и часть выплаченной суммы штрафа, при принятии судом решения о рассрочки выплаты. Каким образом осуществляется перерасчет штрафа на иной вид наказания. Подобные пояснения частично можно наблюдать лишь в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» от 20.12.2011 г. № 21. Однако, названные положения носят лишь рекомендательный характер. Вместе с тем, в отношении иных видов наказаний, не связанных с изоляцией лица, законодатель в УК РФ поясняет названный порядок перерасчета. Представляется обоснованным реализовать подобный подход на уровне уголовного либо уголовно-исполнительного законодательства применительно к штрафу.

*Раджабов С.А.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом
международного права,
Институт философии, политологии
и права имени А. Баховаддинова,
Национальная академия наук Таджикистана
г. Душанбе*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АМНИСТИИ В ХОДЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (ОПЫТ АФГАНИСТАНА И ТАДЖИКИСТАНА)

Вопрос о законности амнистии с точки зрения международного права, является сложной. Международное право обычно имеет несколько источников, включая договоры между государствами и международное обычное право. Амнистии, как правило, прямо не запрещаются, но и не требуются международным договорным правом. На данный момент ни один международный договор не содержит определения того, что представляет собой

амнистия, но в недавнем документе Управления Верховного Комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ ООН) дается следующее определение: «правовые меры, принимаемые с целью:

а) запрещения в будущем уголовного преследования и, в некоторых случаях, подачу гражданского иска в отношении определенных лиц или категорий лиц в связи с указанным преступлением, совершенным до объявления амнистии;

б) имеющего обратную силу освобождения от ранее установленной уголовной ответственности»¹.

Амнистии не исключают юридической ответственности за поведение, которое еще не имело места, иначе это расценивалось бы как побуждение к нарушению закона.

Что касается международного договорного права, то стоит отметить, что ст. 6(5) Дополнительного протокола II предусматривает следующее: «По окончании военных действий власти, находящиеся у власти, будут стремиться предоставить как можно более широкую амнистию лицам, которые участвовали в вооруженном конфликте, независимо от того, интернированы они или задержаны»². В комментариях этот пункт истолкован как разрешающий амнистию за участие в конфликте или мятежах, но не как оправдание нарушениям международного права.

Как известно, международное договорное право налагает на государства обязательство осуществлять судебное преследование за определенные серьезные преступления. Это обязательство существует, например, в контексте международного вооруженного конфликта за серьезные нарушения четырех Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним. Кроме того, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него³ и Конвенция против пыток и других жестоких,

---

¹ Механизмы обеспечения верховенства права для постконфликтных государств. Амнистии. Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк и Женева, 2009. – Р. 5. – URL : https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Amnesties_ru.pdf (дата обращения 24.01.2021).

² Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – М. : МККК, 2001. – 344 с.

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09 декабря 1948 года. 78 U.N.T.S. 277. Афганистан ратифицировал данную конвенцию в 1956 г. Таджикистан присоединился к ней в 2015 г. См.: Постановление Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан «О присоединении Республики Таджикистан к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». – 2015. – 29 апреля. – № 58.

бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹ налагают на государства-участники обязательство преследовать в судебном порядке преступления пыток и геноцида соответственно.

Кроме вышеназванных международных конвенций Афганистан и Таджикистан в настоящее время являются участниками Женевских конвенций от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколов², Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)³, Римского статута Международного уголовного суда⁴. Ещё Афганистан является участником Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, которая прямо запрещает государствам-участникам принимать законы, предусматривающие установленные законом или другие ограничения в отношении судебного преследования и наказания за преступления против человечности и военные преступления и требует от них отмены любых таких мер, которые были приняты (статья IV)⁵.

Как известно, ключевые договоры по правам человека обязывают государства обеспечивать перечисленные в них права и предоставлять эффективное средство правовой защиты тем лицам, права и свободы которых были нарушены в соответствии с соответствующим договором. В своем тексте они обычно прямо не обязывают государства расследовать серьезные нарушения прав

---

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. 1465 U.N.T.S. 85. Афганистан ратифицировал конвенцию в 1987 г., а Таджикистан присоединился к ней в 1995 г.

² См., выше ссылку №3. Афганистан ратифицировал Женевские конвенции от 12 августа 1949 г в 1956 г., Таджикистан в 1993 г. Дополнительные протоколы к ним были ратифицированы Таджикистаном в 1993, а Афганистан – в 2003 г.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах открыт для подписания 16 декабря 1966 г., 999 U.N.T.S. 171. Афганистан ратифицировал данный пакт в 1983 г., а Таджикистан присоединился к нему в 1999 г.

⁴ Римский статут Международного уголовного суда. Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года. – URL : [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата посещения 04.02.2021). Афганистан ратифицировал его в 2003 г., а Таджикистан в 2000 г.

⁵ Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Принята резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 26 ноября 1968 года. – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата посещения 04.02.2021). Афганистан ратифицировал ее в 1983 г.

человека или привлекать их к ответственности; однако органы, ответственные за толкование этих договоров, подразумевали, что такая обязанность существует.

Нам кажется, что дополнительные обязанности вытекают из обычного международного права. Ссылка на обычное международное право особенно важно в отношении преступлений, которые не включены в перечисленные выше договоры, таких как преступления против человечности и военные преступления во внутреннем вооруженном конфликте.

Обычное международное право пока в целом не запрещает амнистии за серьезные преступления. Норма 159 обычного международного гуманитарного права гласит; «По окончании военных действий органы, находящиеся у власти, должны стремиться предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в немеждународном вооруженном конфликте, или лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, за исключением лиц, подозреваемых или обвиняемых в военных преступлениях или осужденных за их совершение»¹.

Обычное международное право состоит из: 1) *opinio juris*, то есть того, что государства считают законом; и (2) государственная практика. На данном этапе проблематично утверждать, что существует общая и последовательная практика, которой придерживаются государства для расследования и судебного преследования международных преступлений, и, следовательно, утверждать, что существует общая обычная норма, предусматривающая обязанность осуществлять судебное преследование за международные преступления. Это связано с тем, что практика государств очень непоследовательна, и некоторые государства по-прежнему предоставляют амнистии, в том числе в некоторых ситуациях за серьезные преступления.

Некоторые признанные авторитеты в области международного уголовного права утверждают², что, несмотря на практику нескольких государств, которые ввели амнистии, существует

---

¹ Жан Мари Хенкертс, Луиза Досвальд-Бек. Обычное международное гуманитарное право. – Т. 1: Нормы. – М. : МККК, 2006. – С. 786.

² Diane Orentlicher, «Settling Accounts: The Duty to Prosecute Human Rights Violations of a Prior Regime», *Yale Law Journal* 100, no. 8 (1991): 2537–2618.; Antonio Cassese, *International Criminal Law*. – Oxford University Press, 2003.

постепенная эволюция обычного запрета амнистии за вышеуказанные преступления. Они утверждают, что общая обязанность государств обеспечивать осуществление основных прав несовместима с безнаказанностью или всеобщей амнистией за международные преступления.

В центре этой практики находится недавнее развитие международного уголовного права, особенно с учреждением Международного уголовного суда. Создание и деятельность ряда других международных и смешанных уголовных трибуналов с начала 90-х годов, таких как Международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, Специальный суд по Сьерра-Леоне, смешанные трибуналы в Косово и Восточном Тиморе и Чрезвычайная Палата уголовного суда Камбоджи свидетельствуют о решимости международного сообщества обеспечить, чтобы наиболее ответственные за основные международные преступления не избежали наказания¹. Статут МУС часто интерпретируется как налагающий (или, по крайней мере, предполагающий) обязательство со стороны государств-членов по расследованию и судебному преследованию основных международных преступлений².

Все это свидетельствует о растущем убеждении государств и, таким образом, является отражением *opinio juris*, что амнистии за военные преступления, преступления против человечности и геноцид, а также некоторые другие серьезные нарушения прав человека недопустимы в соответствии с обычным правом.

Несколько слов об обязанности осуществлять судебное преследование и ее связь с запретом амнистий.

Как указывалось ранее, международное право обычно налагает «обязанность преследовать» (или в некоторых случаях экстрадировать) лиц, совершивших определенные преступления, включая геноцид, пытки и серьезные нарушения Женевских конвенций. Таким образом, государства, присоединившиеся к этим договорам, обязаны обеспечить возбуждение уголовных дел в отношении лиц, подозреваемых в этих нарушениях. Как это связано с запретом амнистии за такие преступления, т.е. существует ли четкая и

---

¹ Каюмова А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции. – Казань, 2008. – 65 с.

² Прокурор МУС получила «добро» на расследование преступлений, предположительно совершенных в Афганистане с мая 2003 года. – URL : <https://news.un.org/ru/story/2020/03/1373761> (дата посещения 04.02.2021).

автоматическая связь между обязанностью возбуждать уголовное дело за преступление и запретом на принятие законов об амнистии за это преступление?

Амнистия, объявленная государством-участником за одно из этих преступлений, за которое существует обязанность возбуждать уголовное дело, обычно несовместима с его международными обязательствами. В той степени, в которой они исключают судебное преследование за определенные международные преступления, амнистии действительно несовместимы с этими договорными обязательствами или любыми существующими обязательствами в соответствии с обычным международным правом. В таких случаях, как пытки, государства не могут отступать от некоторых из этих международно-правовых обязательств, которые часто рассматриваются как «императивные нормы» (называемые *jus cogens*), что означает, что эти нормы заменяют собой любые другие конкурирующие или компенсационные договоры или обычные права и обязанности. Считается, что международные преступления, такие как геноцид, представляют собой нападение на универсальные ценности: как таковое, ни одно государство не может принять решение об исключении возможности судебного преследования такого преступления. Полная амнистия «освобождает широкие категории серьезных нарушителей прав человека от судебного преследования и/или гражданской ответственности, при этом получатели помощи не должны выполнять предварительных условий, в том числе направленных на обеспечение полного раскрытия того, что им известно о преступлениях, подпадающих под амнистию, на индивидуальной основе»¹, считаются особо запрещенными.

В некоторых ситуациях, например, после массовых злодеяний, государства-участники могут быть не в состоянии преследовать в судебном порядке каждое запрещенное правонарушение. Это означает, что они могут выполнить свои договорные обязательства посредством ограниченного числа судебных преследова-

---

¹ См.: OHCHR, Rule-of-Law Tools for Post-Conflict States, Amnesties, HR/PUB/09/1 (2009); Об этом же говорят и резолюции ГА и СБ. ООН: The Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law, adopted by the General Assembly in 2005 (Res. 60/147); The Updated Set of Principles for the Protection and Promotion of Human Rights Through Action to Combat Impunity (2005), Security Council Res. 1674 (2006).

ний, сосредоточив внимание, например, на тех, кто несет наибольшую ответственность, или на лицах, предположительно совершивших общеизвестные преступления.

Однако сомнительно, способствуют ли меры, игнорирующие права жертв, содействующие безнаказанности и подрывающие ответственность, стабильность и примирение в долгосрочной перспективе. Все чаще во всем мире признается, что истинное примирение требует подотчетности и мер правосудия переходного периода, включая расследование и судебное преследование, установление истины, возмещение ущерба и институциональную реформу.

Теперь рассмотрим практику амнистии в ходе внутреннего вооруженного конфликта в Таджикистане. В целях стабилизации политической ситуации и реализации Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане от 27 июня 1997 г. по инициативе Комиссии по национальному примирению были приняты Акты об амнистии в 1997 г. и 1999 г., которые повлияли на судьбы 21.500 осужденных и других лиц, совершивших преступления, и они были освобождены от уголовной ответственности¹. 23 августа 2001 года Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан принял акт «О всеобщей амнистии», согласно которому под амнистию попадало около 19.000 осужденных и других лиц, совершивших преступление².

Необходимо подчеркнуть, что лица, обвиняемые в соответствии со статьями 63 (террористический акт), 74 (бандитизм), 76 (контрабанда), 96 (кража государственной или общественной собственности в крупных размерах), 104 (умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами), 105 (умышленное убийство без отягчающих обстоятельств), 121 (изнасилование), 240, 240(1), 241 (незаконный оборот наркотических средств) Уголовного кодекса Республики Таджикистан, не подлежали освобождению от наказания и уголовной ответственности согласно пункту 4 Закона об амнистии участников политического и военного противостояния в Республике Таджикистан³.

---

¹ См.: News about Peace (Document). Compiled by professors Abdunabi Sattorzodeh and Ibrohim Usmon. – Dushanbe : Oli Somon Printing House, 1998. 120 p.

² Закон Республики Таджикистан «Об общей амнистии», Закон № 44, 29 августа 2001 г. // Ахбори Маджлиси Оли. – 2001. – № 8. – С. 18–22.

³ См.: Раджабов С.А. Правовая оценка конфликта в Таджикистане (1992–1997 гг.) // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. – СПб, 2001. – С. 163–166.

В Афганистане ситуация с практикой амнистии в ходе внутреннего вооруженного конфликта совершенно иная. В 2008 г. был принят Закон Афганистана о национальной амнистии¹, который состоит из 6 статей. Амнистия в данном законе квалифицируется как всеобщая амнистия и нарушает международные обязательства Афганистана. Особо противоречивой является статья 3, которая гласит:

«1. Все политические группировки и враждебные стороны, так или иначе участвовавшие в боевых действиях до создания Временной администрации, должны быть включены в свертку и общую программу амнистии с целью примирения между различными сегментами общества, укрепления мира и стабильности и начало новой жизни в современной политической истории Афганистана, пользоваться всеми своими законными правами и против них не должно быть возбуждено судебное преследование». Язык ст. 3 (1), похоже, указывает на то, что амнистия распространяется на оппозиционные фракции и партии как Талибан, сеть Хаккани, Исламская партия Афганистана, а не на их преступные деяния.

Часть 2 данной статьи гласит: «2. Те лица и группы, которые все еще находятся в оппозиции к Исламской Республике Афганистан, прекратят вражду после вступления в силу этой резолюции и присоединятся к процессу национального примирения, уважают Конституцию и соблюдают другие законы, и они должны пользоваться преимуществами этого разрешения». Как видно, эта часть закона является попыткой предотвратить юридическую ответственность за действия, которые еще не произошли, что необычно по сравнению с другими законами об амнистии и которые, можно сказать, открыто способствуют безнаказанности.

И наконец, часть 3 данной статьи звучит: «3. Положения, изложенные в частях 1 и 2 настоящей статьи, не влияют на требования лица против лиц на основании хакуллабда (права людей) и уголовные преступления в отношении отдельных преступлений». Сомнительно, что ст. 3(3) Закона Афганистана о национальной амнистии будет представлять собой эффективное средство правовой защиты в соответствии с МПГПП, поскольку он не возлагает на

---

¹ Afghanistan's National Amnesty Law (2008) Закон Афганистана о национальной амнистии (2008). – URL : https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/eng/docs/v2_cou_af_rule159_sectiona (дата посещения 04.02.2021).

Афганистан как государство никаких обязательств по расследованию или привлечению к ответственности виновных в совершении уголовных преступлений. Статья 3(3) Закона Афганистана о национальной амнистии по «индивидуальным преступлениям», кажется, указывает на то, что преследование за массовые преступления не будет разрешено, а также может исключить ответственность для тех, кто имел косвенное участие в таких преступлениях (например, посредством приказов, позволяющих подчиненным совершать такие преступления и т. д.).

Таким образом, можно сделать некоторые выводы о легитимности Закона Афганистана о национальной амнистии (2008 г.) и о его соответствии с нормами и принципами международного права.

1. В соответствии со своими текущими обязательствами по международным договорам Афганистан обязан преследовать в судебном порядке определенные преступления, включая военные преступления (Женевские конвенции), геноцид и пытки. Названный закон об амнистии нарушает эти обязательства.

2. Афганистан является государством-участником Римского статута, поэтому особенно удивительно то, что Афганистан решил объявить такую амнистию за преступления, совершенные с 2003 года. Часть 3 ст. 3 Закона Афганистана о национальной амнистии отказывает жертвам в эффективных средствах правовой защиты в нарушение обязательств Афганистана по МПГПП.

3. Амнистию можно квалифицировать как всеобщую амнистию. Она представляет собой самоамнистию, которая обычно лишена легитимности. Объявление подобной амнистии в Афганистане не соответствует нормам и принципам международного права, она осуждается международными судами и ООН. Несмотря на некоторые юридические основания, задача может быть поставлена только тогда, когда есть достаточная основа для обеспечения ее успеха. Это необычно по своей бессрочной природе и не устанавливает сроков выполнения. Не ясно полномочие Комиссии по укреплению мира, на которую ссылается ст. 5 Закона Афганистана о национальной амнистии, а также порядок ее работы. Очень сложно представить, как эта амнистия будет действовать на практике.

*Стукалова Т.В.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Приволжский филиал
Российского государственного
университета правосудия
г. Нижний Новгород*

*Баранова Е.С.,
следователь отдела по расследованию
экономических преступлений отдела
по расследованию преступлений
на территории Нижегородского района
следственного управления Управления МВД России
по городу Нижнему Новгороду
г. Нижний Новгород*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Совет Европы, 1950 год), ратифицированная Россией и действующая на территории России с 05 мая 1998 года, является частью отечественной правовой системы и обладает приоритетом над внутренним законодательством страны (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Реализация положений Конвенции в российской правоприменительной практике затруднено, во-первых, тем, что европейское право относится к англо-саксонской системе права (Россия относится к романо-германской), во-вторых, нормы составлены в очень расплывчатых и неточных выражениях»¹, они вынуждают к расширительному толкованию и порождают неопределенность относительно истинного содержания закрепленных в них положений.

---

¹ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под ред. В.А. Туманов, Л.М. Энтин. – М. : Норма, 2002. – 336 с.

Конвенция действует в РФ уже более двадцати лет. В связи с этим часть общепризнанные принципов и норм международного права, закрепленные в европейских конвенциях, в сфере отправления правосудия по уголовным делам, нашли свое закрепление в УПК РФ. Часть положений внедрена в уголовно-процессуальную деятельность напрямую в законодательство (например, ст. 6.1. УПК РФ), часть – через судебную практику.

Актуальными остаются вопросы применения судебных решений (прецедентов) Европейского Суда по правам человека в решениях судов общей юрисдикции, решениях Конституционного Суда РФ по вопросам расследования уголовных дел и рассмотрения их в судебных инстанциях.

Одна из главных проблем заключается в том, что применение норм Конвенции в конкретных практических ситуациях возможно практически только в сочетании с судебными прецедентами Европейского Суда по правам человека. Однако судебные прецеденты не являются прямыми источниками права в России.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»¹ Россия признает обязательность компетенции ЕСПЧ по правилу так называемого *ipso facto* (в силу самого факта) ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Так, в ст. 46 исследуемой Конвенции регламентируется обязанность стран-участниц Совета Европы исполнять окончательные постановления ЕСПЧ.

В связи с вышеизложенным, считаем нелегитимным, принятие изменение ст. 79 Конституции РФ². В частности, включение в нормы Конституции РФ дополнения к анализируемой статье, следующего содержания: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров РФ

---

¹ См.: ст. 1 Федерального закона от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения 21.02.2021).

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения 21.02.2021).

в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в РФ».

Помимо ФЗ № 54-ФЗ новая норма, на наш взгляд, противоречит и может рассматриваться, как не совсем соответствующая международным стандартам в рассматриваемой области. Так, в соответствии со ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров¹ государство-участник не может «ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора. Это правило действует без ущерба для статьи 46». В соответствии со ст. 46 Венской конвенции: «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения».

Внесение указанной поправки в Конституцию РФ вызвано исключительно по причине политизации действий ЕСПЧ, и является состоянием крайней необходимости для России. В данном случае целью внесения поправок в Конституцию РФ является – защита национальной безопасности России от проявлений современного глобального геополитического, идеологического, экономического и военного, противостояния (холодной войны, осуществляемой зарубежными государствами во главе с США).

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин неоднократно в своих научных публикациях и докладах обращал внимание и то, что «очень часто права человека и их защита, особенно в последнее время, становятся инструментом манипуляции и решения политических вопросов и проблем»². Так, в современный период принято решение ЕСПЧ (17.02.2021) по «делу

---

¹ См.: ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров (ООН, принята 23 мая 1969 года). – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения 21.02.2021).

² Зорькин В.Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-implementatsii-konventsii-o-pravah-cheloveka/viewer> (дата обращения 20.02.2021); Зорькин В.Д. Проблемы реализации Конвенции о правах человека. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации. – URL : <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=72> (дата обращения 20.02.2021).

Навального»¹ о немедленном освобождении учредителя Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального из-под стражи (по правилу 39 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), которое носит явно политический характер. Напомним, что Алексей Навальный привлечен к уголовной ответственности за мошенничество по уголовному делу «Ив Роше» (02.02.2021 г.) и за клевету (20.02.2021 г.) в отношении ветерана Артеменко.

Обратимся к практике фактической реализации на внутригосударственном уровне международных обязательств, принятыми на себя Россией, в соответствии с со статьей 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Напомним, что рассматриваемая статья регламентирует запрещение пыток. Следует обратить внимание на то, что пытка представляет собой крайнее нарушение права на достоинство. Право на достоинство является основополагающим правом и лежит в основе всех прав личности. К тому же оно стоит на втором месте после права на жизнь, которое является самым главным. Как известно определение пытки дано в статье 1 «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»² (ООН, 10 декабря 1984 г.). Все действия (бездействия), затрагивающих право на достоинство, делятся в соответствии с европейскими стандартами на следующие категории:

- 1) пытка;
- 2) бесчеловечные страдания;
- 3) унижающее достоинство обращение³.

Следует обратить внимание на то, что в данной статье анализируются результаты самостоятельно проведенного научного исследования в период с 2006 по 2021 годы на территории города Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Используемые методы – исследование деятельности правозащитных общественных организаций (в частности, Межрегиональной общественной

---

¹ Андреев А. В России допустили выход из Совета Европы из-за требования ЕСПЧ по Навальному (опубликовано 18 февраля 2021 года). – URL : <https://lenta.ru/news/2021/02/18/posledstvie/> (дата обращения 21.02.2021).

² Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания». – URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения 21.02.2021).

³ Гомьен Д. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: Право и практика / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак; Пер. с англ. – М. : Московский независимый ин-т международного права (МНИМП), 1998. – С. 136.

организации «Комитет против пыток»¹); изучение научных публикаций²; изучение следственно-судебной практики по обеспечению прав и свобод личности в уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов (в частности, органов внутренних дел, органов ФСИН РФ, судебных органов); в том числе путем проведения анкетирования и интервьюирования сотрудников (работников) указанных правоохранительных органов.

В ходе проводимого нами исследования, мы приходим к выводу, о том, что трудно доказуемость фактов нарушения ст. 3 Конвенции в деятельности российских правоохранительных органов можно свести к следующим причинам:

1) игнорирование представителями государственной власти информации о телесных повреждениях, зафиксированных в медицинских документах;

2) оставление без внимания показаний свидетелей относительно отсутствия телесных повреждений у заявителя до задержания;

3) отсутствие реальной возможности у заявителя воспользоваться юридическими правами, предусмотренными законом для лица, находящегося в статусе подозреваемого;

4) неспособность государственных властей к проведению надлежащей, объективной и всесторонней доследственной проверки и полноценного предварительного расследования;

5) нарушение разумных сроков проведения доследственной проверки и предварительного расследования, что влечет за собой утерю доказательств (выздоровление лица, забывания внешних данных нарушителей прав человека и др.);

---

¹ Официальный сайт Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» (штаб-квартира г. Н. Новгород). – URL : <https://pytkam.net/ru/> (дата обращения 21.02.2021); См.: Обзор практики Европейского Суда по правам человека за 2015–2020 гг. «Достоверность утверждений о жестоком обращении: вопросы доказывания», подготовленный Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» 20 мая 2020 г. – URL : https://pytkam.net/wp-content/uploads/2020/11/obzor_praktiki_espch.pdf (дата обращения 21.02.2021).

² Конин А.В. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на формирование критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве / А.В. Конин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 3(40). – С. 187–194; Месяев А. ЕСПЧ и Россия – некоторые итоги 2019 года. – URL : <https://www.fondsk.ru/news/2020/02/04/espch-i-rossia-nekotorye-itogi-2019-goda-50042.html> (дата обращения 21.02.2021); Мещер А.А. Принцип приоритета права и система гарантий прав граждан в России / А.А. Мещер // Закон и право. – 2020. – № 9. – С. 28–33.

6) наличие неустранимых противоречий в показаниях заявителя и свидетелей фактов пыток;

7) оправдание государственными властями факта падения заявителя из окна наличием психического расстройства у заявителя (а не наличием пыток);

8) необъективное доказывание природы телесных повреждений в ситуации, когда такие повреждения могли быть вызваны обострением уже имеющихся у заявителя хронических заболеваний, или результатом ложного несчастного случая (например, падением лица);

9) непринятие во внимание факта жестокого обращения в отсутствие медицинских заключений показаний членов семьи заявителя, предположительно подвергавшегося жестокому обращению (со ссылкой на их заинтересованность);

10) производство судебно-медицинской экспертизы ненадлежащего качества;

11) утаивание медицинскими учреждениями от государственных органов факта поступления пациента с телесными повреждениями;

12) применение пыток, практически не оставляющих телесных повреждений (например, электрический ток).

Примером факта несвоевременного производства предварительного расследования может служить дело «Михеев против России»¹. Запоздалое предъявление для опознания может негативно отразиться на доказательственной ценности полученных в ходе него результатов. Михеев в жалобе в Европейский Суд по правам человека утверждал, что, находясь в помещении РОВД, не смог выносить пыток со стороны ранее не знакомых ему работников милиции и в тот момент, когда остался без присмотра, выбросился из окна кабинета, расположенного на втором этаже районного управления внутренних дел, чтобы покончить жизнь самоубийством. Доследственная проверка и предварительное расследование неоднократно затягивались и прекращались. Такое положение дел привело к тому, что пытавшие Михеева сотрудники милиции были предъявлены ему для опознания спустя два года после

---

¹ Постановление ЕСПЧ «Дело «Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации» (Жалоба № 77617/01), Страсбург, 26.01.2002 г. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=31710#019445362503207209> (дата обращения 21.02.2021).

инцидента. В свете этих и ряда других нарушений, допущенных на следствии, Суд признал, что в рассматриваемом случае имело место нарушение статьи 3 Конвенции вследствие непроведения эффективного расследования обстоятельств падения заявителя.

Примером факта необъективное доказывание природы телесных повреждений в ложной ситуации, когда такие повреждения могли быть стать результатом несчастного случая (например, падением лица). По Постановлению ЕСПЧ от 03 мая 2012 года «Салихов против Российской Федерации» (жалоба № 23880/05)¹ Салихов (события с 22 по 23 июня 2004 г.) был задержан по подозрению в совершении изнасилования. После фактического задержания, Салихов был доставлен в отдел милиции, где его избивали в течение длительного времени. После одного из ударов Салихов неудачно упал на пол, и головой ударился о системный блок компьютера. В рамках получения объяснений от сотрудников милиции причины получения задержанным телесных повреждений сводились сотрудниками к этому несчастному случаю.

Следует отметить, что нарушения ст. 3 Конвенции в уголовно-процессуальной деятельности российских правоохранительных органов обладает большой латентностью. Латентной преступностью считается разница между учтенной преступностью и фактической. По мнению профессора-криминолога В.В. Лунеева² латентная преступность в России превышает фактическую в 3–5 раз. Необходимо отметить, что в рамках осуществления прокурорского надзора за 10 месяцев 2020 года³ по фактам выявленных нарушений было возбуждено 6573 уголовных дел (0,25 % от общего количества преступлений за этот же отчетный период (2628799 преступлений всего по России). Если умножить это число на коэффициенты 3 и 5, то получится от 19719 до 32867 невыявленных фактов преступных деяний. После сложения показателей латентной преступности с фактически выявленными

---

¹ Постановление ЕСПЧ от 03.05.2012 года «Салихов против Российской Федерации» (жалоба № 23880/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2013. – № 4. – URL : <https://www.pravosudie.biz/199320> (дата обращения 21.02.2021).

² Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – С. 133. – URL : <https://urait.ru/bcode/425832> (дата обращения 21.02.2021).

³ Основные результаты прокурорской деятельности за январь – октябрь 2020 года. – URL : <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения 21.02.2021).

показателями получается от 26292 до 39438 фактов. Из приведенных чисел видно реальное состояние фактического нарушения прав и свобод личности с признаками преступления, что не может не вызывать обеспокоенность российского гражданского общества, Совета Европы и всего международного сообщества в целом.

К причинам, выявленных нами, высокой латентности преступных деяний, направленных на нарушение прав и свобод личности, относятся, на наш взгляд:

1) боязнь жертвы нарушения прав дальнейшей расправы (мести) со стороны государства за обращение по факту бесчеловечного обращения;

2) официальная терпимость (официально потворство) со стороны руководства и контролирующих (надзирающих) органов к фактам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, в связи с нежеланием обнаружить негативные стороны деятельности своих подчиненных (или подконтрольно-поднадзорных) лиц;

3) труднодоказуемость фактов нарушения ст. 3 Конвенции (на практике факты телесных повреждений могут сводиться к несчастному случаю или результату преступных деяний третьих лиц);

4) сложностью процедур обращения и доказывания в ЕСПЧ;

5) низкий уровень материальных доходов лиц, чьи права нарушены, порождает невозможность надлежащей квалифицированной юридической помощи в обращении в ЕСПЧ; и др.

Далее будут приведены три примера, которые выявлены нами в ходе нашего научного исследования, и которые остались не выявленными правоохранительными органами (реально виновные лица избежали уголовной ответственности за преступные деяния).

Латентный пример из практики № 1. К сотрудникам Федерального казенного учреждения «Следственный изолятор № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Нижегородской области» с просьбой о предоставлении медицинской помощи обратились заключенные под стражу этапиремые осужденные. После этого врач был приглашен. Сотрудники зашли в камеру, и были удивлены, когда заключенные спрятались под кровати. Такое поведение осужденные пояснили тем, что в более ранний период в одном из следственных изоляторов одного из

российских городов, после просьбы о враче, вместо оказания необходимой медицинской помощи, их жестоко избили специальными средствами – палками резиновыми. Кроме того, сотрудники ворвались в камеру в сопровождении служебных собак (установлено со слов сотрудника СИЗО № 1 города Нижнего Новгорода).

Латентный пример из практики № 2. Сотрудник полиции конвойной службы органов внутренних дел одного из районов города Нижнего Новгорода в целях мести за неудачную попытку побега из здания суда сопровождаемого обвиняемого, заключенного под стражу, умышленно скинул его с запасной лестницы (уровень третьего этажа), имитировав несчастный случай. В результате падения обвиняемый получил многочисленные переломы костей (установлено со слов самого сотрудника ОВД).

Латентный пример из практики № 3. В Следственный изолятор № 1 по городу Нижнему Новгороду был доставлен подозреваемый с огнестрельным ранением. Указанное лицо было заключено под стражу после того, как участвовало в перестрелке с сотрудниками правоохранительных органов. Данное лицо было размещено в одном из коридоров СИЗО, и ему умышленно не оказывалась медицинская помощь. В целях корпоративной солидарности сотрудники СИЗО решили отомстить задержанному за попытку ранить (или убить) сотрудника правоохранительного органа. Умысел сотрудников был направлен на неоказание какой-либо помощи лицу, что неминуемо привело к биологической смерти лица (установлено со слов самого сотрудника ОВД, который рассказал о своих сослуживцах).

Таким образом, подводя итог вышесказанному необходимо подчеркнуть, что проблемы фактической реализации международных обязательств, принятых на себя Россией в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Совет Европы, 1950 г.) на внутригосударственном уровне, связаны, во-первых, с разницей правовых семей (англо-саксонской и романо-германской).

Во-вторых, следует подчеркнуть, что проблемы глобализации и геополитики вынуждают Россию идти на несоблюдение международных стандартов в области прав человека в целях обеспечения национальной безопасности. В-третьих, несмотря на надлежащее законодательное закрепление запрета пыток,

фактически в правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов право на достоинство продолжает ненадлежаще обеспечиваться в силу рассмотренных нами ранее причин. По результатам проведенного нами исследования необходимо констатировать большой процент латентности нарушения в России права на защиту от пыток, предусмотренного ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Научное издание

**РАЗВИТИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА**

**Материалы
VII Всероссийской научно-практической конференции
(25 марта 2021 г.)**

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 15.06.2021
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 12,4
Усл. печ. л. 11,6
Уч.-изд. л. 10,5

Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать трафаретная
Изд. № 1182
Тираж 101 экз.
Заказ № 2269

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571

e-mail: id.yug2016@gmail.com

Сайт: <http://id-yug.com>